ФИЛИП РИВ
ЗОЛОТО ХИЩНИКОВ
ХРОНИКИ ХИЩНЫХ ГОРОДОВ. КНИГА 2
АЗБУКА

Annotation

В новой редакции – второй роман эпопеи «Хроники хищных городов». Итак, со времени действия «Смертных машин» прошло два года. Том Нэтсуорти, бывший ученик лондонской Гильдии историков, и Эстер Шоу уже два года странствуют по миру, от одного движущегося города к другому, на воздушном корабле «Дженни Ганивер», ранее принадлежавшем знаменитой искательнице приключений Анне Фанг, агенту Лиги противников движения. Однажды Тому и Эстер встречается Нимрод Пеннироял – знаменитый «путешественник, исследователь и специалист по альтернативной истории». В своей книге «Прекрасная Америка: Правда о Мертвом континенте» он утверждал, будто в глубине обезлюдевший материк расцвел новой жизнью. И маркграфиня Фрейя, правительница города-призрака Анкоридж, верит каждому слову этой книги…

Возможно, самая ожидаемая премьера 2018 года – это экранизация «Смертных машин», выходящая на экраны в декабре 2018 года под названием «Хроники хищных городов». Исполнительным продюсером картины и автором сценария выступает Питер Джексон, постановщиком – Кристиан Риверс (мастер спецэффектов, работавший с Джексоном на съемках «Властелина Колец», «Хоббита» и «Кинг-Конга»), в ролях Стивен Лэнг из «Аватара» и Хью Уивинг («Матрица», «Властелин Колец»).

- Содержание
  -
  -
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11

        - Глава 12
        - Глава 13
        - Глава 14
        - Глава 15
        - Глава 16
        - Глава 17
        - Глава 18
    - Часть вторая
        - Глава 19
        - Глава 20
        - Глава 21
        - Глава 22
        - Глава 23
        - Глава 24
        - Глава 25
        - Глава 26
        - Глава 27
        - Глава 28
    - Часть третья
        - Глава 29
        - Глава 30
        - Глава 31
        - Глава 32
        - Глава 33
        - Глава 34
        - Глава 35
    - Благодарности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7

Содержание

Филип Рив
Золото хищников

Philip Reeve
Predator’s gold
Copyright © Philip Reeve, 2003
© М. Лахути, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Саре и Сэму

Часть первая

Глава 1
Ледяной север

Фрейя проснулась еще до рассвета и лежала в темноте, чувствуя, как содрогается и покачивается на ходу ее город, который толкают по льду мощные моторы. Полусонная, она ждала, что сейчас явятся служанки и помогут ей встать. Прошло несколько минут, пока Фрейя вспомнила, что все ее служанки мертвы.

Она сбросила одеяла, зажгла аргоновые лампы и побрела в ванную, отпихнув ногой пыльную кучу одежды. Вот уже несколько недель она собиралась с мужеством, чтобы принять душ, но в это утро запутанная система управления в ванной опять оказалась сильнее: Фрейя так и не смогла пустить горячую воду. В итоге она поступила как обычно – налила воды в таз и сполоснула лицо и руки. Оставался еще маленький обмылок, Фрейя намылила волосы и окунула голову в воду. Купальные прислужницы не пожалели бы для молодой госпожи шампуней, лосьонов, кремов, мазей и всевозможных бальзамов, но прислужницы умерли, а сама Фрейя не решалась подступиться к рядам баночек и бутылочек на полках в тесной ванной комнате. Когда выбор слишком велик, лучше уж ничего не брать.

По крайней мере, она кое-как приспособилась одеваться без помощи прислуги. Фрейя подобрала с пола мятое платье, разложила на постели и заползла в него, мало-помалу продвигаясь снизу вверх, пока не удалось просунуть голову и руки в предназначенные для них отверстия. Длинный камзол, отороченный мехом, надеть было гораздо легче, только с пуговицами пришлось повозиться. Прислужницы так быстро и ловко застегивали ей пуговицы, смеясь и болтая, обсуждая предстоящий день, и никогда-никогда не попадали не в ту петлю, но все они умерли.

Минут пятнадцать Фрейя с проклятиями, рывками и на ощупь застегивала пуговицы, потом обозрела результат своих усилий в затянутом паутиной зеркале. В целом неплохо, решила она. Наверное, драгоценные камни могли бы немного скрасить общее впечатление, но, зайдя в комнату, где хранились ювелирные украшения, Фрейя обнаружила, что самые лучшие из них пропали. В последнее время у нее все время пропадали вещи. Фрейя не могла себе представить, куда они деваются. Да и незачем надевать диадему поверх липких волос с остатками мыла или цеплять на немытую шею ожерелье из золота и янтаря. Мама, конечно, не одобрила бы, что она появляется на людях без драгоценностей, но мама тоже умерла.

В пустых и тихих коридорах дворца целыми сугробами лежала пыль. Фрейя позвонила, вызывая лакея, и в ожидании его прихода стала смотреть в окно. За окном в тусклых арктических сумерках мерцали инеем крыши ее города. Пол подрагивал в такт движению поршней и шестеренок далеко внизу, в машинном отделении, но движения почти не ощущалось, ведь здесь был Высокий лед, самый северный север, и вокруг не было видно никаких ориентиров – только белая равнина, чуть отсвечивающая отраженным светом.

Явился лакей, на ходу поправляя пудреный парик.

– Доброе утро, Смью, – сказала Фрейя.

– Доброе утро, ваше сиятельство.

На мгновение ей неудержимо захотелось пригласить Смью в свои комнаты, попросить его сделать что-нибудь с пылью, с разбросанной одеждой, с исчезающими драгоценностями; попросить, чтобы он показал ей, как работает душ. Но он был мужчиной. Позволить мужчине войти в личные апартаменты маркграфини – неслыханное нарушение традиций! Вместо этого Фрейя произнесла те же слова, что говорила каждое утро:

– Можешь сопроводить меня в утреннюю трапезную, Смью.

Спускаясь вместе с ним в лифте на нижний этаж, она рисовала себе в воображении, как ее город поспешает вперед по ледяной пустыне, словно маленький тараканчик пересекает ползком громадную белую тарелку. Но куда он направляется – вот вопрос. Смью очень бы хотел это знать – по лицу видно, по тому, как он косится на нее украдкой. И Направляющий комитет тоже хотел бы это узнать. Шарахаться то туда, то сюда, удирая от голодных хищников, – это, конечно, дело, но пришла пора определить будущее своего города. Тысячи лет жители Анкориджа доверяли подобные решения дому Расмуссен. Все-таки женщины рода Расмуссен не такие, как все прочие. Разве не они правили Анкориджем со времен Шестидесятиминутной войны? Разве ледяные боги не говорили с ними в сновидениях, указывая, куда направить город; где можно найти хороших торговых партнеров; как уберечься от ледовых ловушек и от хищников?

Но Фрейя была последней в своем роду, и ледяные боги ничего ей не подсказывали. С ней теперь почти никто не говорил, а если кто и заговаривал, так только для того, чтобы очень вежливо осведомиться, когда она выберет дальнейший курс города. Ей хотелось крикнуть им в лицо: «Почему вы спрашиваете меня? Я ведь просто девочка! Я не хотела быть маркграфиней!»

Но им больше не у кого было спрашивать.

По крайней мере, сегодня утром у Фрейи будет готов ответ. Вот только

вряд ли он им понравится.

Она позавтракала в одиночестве, сидя в черном кресле с высокой спинкой за длинным черным столом. Звяканье ножа о тарелку, ложечки – о чайную чашку казалось невыносимо громким в тишине. В полумраке со стен смотрели портреты ее божественных предков. Вид у них был слегка нетерпеливый, как будто они тоже ждали, когда она наконец выберет курс.

– Не беспокойтесь, – сказала она портретам. – Я приняла решение.

Когда завтрак был закончен, вошел камергер.

– Доброе утро, Смью.

– Доброе утро, свет ледяных полей. Направляющий комитет ожидает, когда вашему сиятельству будет угодно их принять.

Фрейя кивнула, и камергер распахнул двери утренней трапезной перед членами Направляющего комитета. Когда-то их было двадцать три человека. Теперь остались только мистер Скабиоз и мисс Пай.

Виндолен Пай была высокая, некрасивая дама средних лет. Ее светлые волосы были собраны в приплюснутый узел на макушке, отчего казалось, будто она носит на голове булку-слоечку. Она была раньше секретарем покойного Главного навигатора и неплохо разбиралась в картах и таблицах, но страшно нервничала в присутствии маркграфини и постоянно приседала в реверансе, стоило Фрейе хотя бы шмыгнуть носом.

Ее коллега, Сёрен Скабиоз, был совсем другого склада. В его роду все были мастерами-механиками почти с тех самых пор, как город встал на полозья. По положению он был почти равен Фрейе. Если бы все шло как полагается, следующим летом ей предстояло выйти замуж за его сына Акселя; маркграфини часто брали в супруги мужчин из машинного отделения, чтобы сделать приятное Инженерному сословию. Но все пошло не так, как полагается. Аксель умер. Фрейя втайне радовалась, что Скабиоз не станет ее тестем: он был такой суровый, молчаливый и мрачный старик. Его черные траурные одежды сливались с полутьмой утренней трапезной, словно камуфляж, и белая маска лица, казалось, висела в воздухе, лишенная тела.

– Добрый день, ваше сиятельство, – сдержанно поклонился он, а мисс Пай покраснела, встрепенулась и сделала реверанс.

– Где мы находимся? – спросила Фрейя.

– О, ваше сиятельство, в настоящий момент мы находимся на расстоянии около пятисот километров к северу от гор Тангейзера, – залепетала мисс Пай. – Под нами прочный морской лед, ни одного города в пределах видимости.

– Машинное отделение ожидает ваших распоряжений, свет ледяных

полей, – промолвил Скабиоз. – Желаете ли вы повернуть обратно, на восток?

– Нет!

Фрейя вздрогнула, вспомнив, как их несколько раз чуть было не съели. Если они снова вернутся на восток или двинутся на юг, чтобы вести торговлю на окраинах Ледяных Пустошей, охотники Архангельска наверняка об этом прознают и вряд ли Анкоридж сумеет спастись бегством от огромного хищника. В городе едва хватает людей, чтобы обслуживать двигатели.

– Может быть, нам следует направиться на запад, ваше сиятельство? – робко предложила мисс Пай. – Некоторые мелкие города зимуют у восточной оконечности Гренландии. Мы могли бы вести с ними торговлю.

– Нет, – твердо ответила Фрейя.

– В таком случае, возможно, вы планируете избрать какое-либо другое направление, ваше сиятельство? – предположил Скабиоз. – Боги льда говорили с вами?

Фрейя торжественно кивнула. На самом деле она уже больше месяца обдумывала свою идею, и вряд ли та исходила от богов; но она просто не могла придумать ничего другого, чтобы защитить свой город от хищников, от чумы и от дирижаблей-шпионов.

– Курс на Мертвый континент, – объявила она. – Мы возвращаемся домой.

Глава 2
Эстер и Том

Эстер Шоу понемногу привыкала быть счастливой. После долгих голодных лет скитаний по грязным канавам и городам-кладоискателям Больших Охотничьих Угодий она наконец-то нашла свое место в этом мире. У нее есть собственный воздушный корабль, «Дженни Ганивер» (стоит чуть вытянуть шею, и она увидит округлую макушку красного баллона позади вон того грузового судна с Занзибара, перевозящего пряности, что пришвартовалось у семнадцатой стойки), и еще у нее есть Том – добрый, красивый, умный Том, которого она любит всем сердцем и который, кажется, тоже любит ее, несмотря ни на что.

Поначалу она была уверена, что долго это не продлится. Они такие разные, да к тому же Эстер никто не назвал бы красавицей: высокая, угловатая, точно пугало огородное, медно-рыжие волосы заплетены в чересчур тугие косички, лицо рассекает пополам старый шрам от удара шпагой, лишившего ее одного глаза и большей части носа и заставившего рот изогнуться в вечной кривозубой усмешке. «Все это ненадолго», – говорила она себе (снова и снова, пока они дожидались на Черном острове, когда закончат ремонт бедняжки «Дженни Ганивер»). «Он не бросает меня из жалости», – решила она, когда они вместе долетели до Африки, а потом отправились через океан в Южную Америку. «Что он только во мне нашел?» – удивлялась она, когда они разбогатели, переправляя продукты и другие припасы в нефтедобывающие города Антарктики, а потом вдруг снова обеднели, когда пришлось выбросить весь груз за борт, спасаясь от воздушных пиратов над Огненной Землей. На обратном пути через голубую Атлантику с караваном торговых судов она шептала про себя: «Это не может продлиться долго».

И тем не менее это длилось. Длилось вот уже больше двух лет. И сейчас, греясь на сентябрьском солнышке на балконе «Зоны деформации», одного из многочисленных кафе на Главной улице Воздушной Гавани, Эстер невольно начинала верить: может быть, это навсегда. Она сжала руку Тома под столом и улыбнулась своей скособоченной улыбкой, а он посмотрел на нее с такой же любовью, как тогда, когда она в первый раз его поцеловала, освещенная сполохами МЕДУЗЫ, в ту ночь, когда погиб его родной город.

Этой осенью город Воздушная Гавань направился к северу и теперь

завис в нескольких десятках метров над Ледяными Пустошами, в то время как мелкие города-кладоискатели, которые провели на льду короткие месяцы полярного лета, собрались внизу, чтобы распродать свои находки. Один за другим воздушные шары поднимались к причальным стойкам летающего города-порта, из них высыпали живописные торговцы артефактами олд-тека – высоких технологий Древних – и принимались на все лады расхваливать свой товар, едва успев ступить на палубу из листовой стали. Ледяной север – отличная охотничья территория для тех, кто собирает образцы забытых технологий, и сейчас эти господа предлагали на продажу детали Сталкеров, аккумуляторы от магнитных ружей и всякую всячину, которой вовсе нет названия, – разрозненные обломки полудюжины погибших цивилизаций, даже несколько фрагментов древнего летательного аппарата, который пролежал во льду, никем не потревоженный, с самой Шестидесятиминутной войны.

Внизу, куда ни глянь, – на юг, на восток и на запад – простирались Мерзлые земли, теряясь в дымке на горизонте; холодная, каменистая местность, где восемь месяцев в году правят боги льда и где уже местами белел снег на дне перекрещивающихся траншей, оставленных движущимися городами. На севере высились черной базальтовой стеной горы Тангейзера – цепь вулканов, обозначающая северную границу Охотничьих Угодий. Некоторые вулканы были действующие, над ними покачивались столбы серого дыма, словно колонны, поддерживающие небо. Между этими столбами Эстер и Том с трудом различали сквозь пелену вулканического пепла белые просторы Ледяных Пустошей, где двигалось что-то огромное, грязное и неумолимое, словно сошедшая с места гора.

Эстер вытащила из кармана пальто подзорную трубу, приложила к глазу, покрутила колесико, наводя резкость, пока размытая картина вдруг не стала четкой. Она смотрела на город: восемь ярусов фабрик, и рабских бараков, и труб, плюющихся сажей, с вереницей воздушных кораблей-паразитов, идущих следом и извлекающих ценные минералы из выхлопных газов движущегося мегаполиса; далеко внизу, похожие на призраки за туманной завесой из снега и каменной пыли, вращались огромные колеса.

– Архангельск!

Том взял у нее из рук подзорную трубу:

– Ты права. Летом он держится поближе к северным отрогам Тангейзеров, пожирая города-кладоискатели, которые он подстерегает у перевалов. Полярная шапка сейчас гораздо толще, чем была в древности, но в некоторых местах лед все-таки слишком тонок, чтобы выдержать вес

Архангельска до наступления зимы.

Эстер засмеялась:

– Всезнайка!

– Я же не нарочно, – сказал Том. – Ты помнишь, я раньше был учеником-историком? Нас заставляли вызубрить наизусть список Великих движущихся городов мира, и Архангельск там стоял одним из первых. Вряд ли я мог его забыть.

– Выпендриваешься, – проворчала Эстер. – Вот был бы это Зимбра или Занне-Сандански, посмотрела бы я на тебя тогда!

Том снова стал глядеть в подзорную трубу.

– Со дня на день он поднимет гусеницы, выдвинет железные полозья и покатит гоняться за ледовыми городами и городами-снегоходами…

Но пока Архангельск, видимо, был согласен ограничиться торговлей. Он был слишком огромен, чтобы протолкнуться через узкие перевалы гор Тангейзера, но с его причалов то и дело взлетали дирижабли, направляясь на юг, к Воздушной Гавани. Первый из них уже промчался с высокомерным изяществом через пеструю толпу воздушных шаров над парящим в вышине городом и пришвартовался у шестой стойки, как раз под балконом, где устроились Эстер и Том. Отчетливо ощущалась слабая вибрация палубы, когда защелкнулись его магнитные швартовочные зажимы. Это был поджарый штурмовик ближнего действия. На угольно-черной оболочке баллона красовалось изображение красного волка, а ниже готическим шрифтом название корабля: «Турбулентность ясного неба»[1].

Из бронированной гондолы показались несколько мужчин, враскачку двинулись по набережной, поднялись, громко топая, по лестнице, ведущей на Главную улицу. Рослые, дюжие мужики в меховых плащах и меховых шапках, из-под курток холодно поблескивали кольчуги. У одного на голове был стальной шлем с двумя рогами-раструбами, как у граммофона. От шлема шел провод к медному микрофону, зажатому в кулаке другого мужчины; его голос, усиленный громкоговорителями, гулко разнесся над Гаванью:

– Приветствую вас, воздухоплаватели! Вас приветствует Великий Архангельск, Молот Высокого Льда, Бич Севера, Пожиратель неподвижного поселения на Шпицбергене! У нас есть золото, и мы готовы обменять его на любую информацию о местонахождении ледовых городов! Тридцать соверенов за сведения, которые помогут поймать добычу!

Он принялся протискиваться между столиками «Зоны деформации», продолжая возглашать свое обещание о награде. Пилоты качали головами, морщились и отворачивались. В связи с повсеместной нехваткой добычи

кое-кто из крупных городов-хищников начал предлагать деньги за ее находку, но немногие делали это так открыто. Честные воздушные торговцы уже опасались, что скоро их перестанут пускать в малые ледовые города. Какой мэр захочет рисковать, разрешая посадку тем, кто может на другой день продать сведения о движении города какому-нибудь прожорливому градоядному вроде того же Архангельска? Но с другой стороны, всегда найдутся люди иного сорта, контрабандисты, полупираты или просто торговцы, чьи корабли не приносят того дохода, на который они рассчитывали, – такие охотно примут золото хищников.

– Приходите ко мне в «Шар и гондолу», если нынешним летом вам случалось торговать на борту Кивиту, или Брейдхэвика, или Анкориджа и вы знаете, где они намерены провести зиму! – зазывал вновь прибывший. Это был молодой человек, он выглядел тупым, богатым и откормленным. – Тридцать монет золотом, друзья мои! Хватит, чтобы на всю зиму обеспечить ваши корабли топливом и подъемным газом…

Эстер услышала, как незнакомая девушка-пилот народности динка[2] за соседним столиком объясняет своим друзьям:

– Это Петр Масгард, младший сын директора Архангельска. Он называет свою шайку «охотниками». Они не просто зазывалы для доносчиков; я слышала, они высаживаются на мирных маленьких городах, слишком быстроходных для Архангельска, и заставляют их остановиться или повернуть назад, прямо Архангельску в челюсти!

– Но ведь это же нечестно! – воскликнул Том, который тоже прислушивался к разговору.

К несчастью, как раз в эту минуту Масгард сделал паузу, и слова Тома громко прозвучали в тишине. Охотник круто обернулся. Его крупное, ленивое, красивое лицо ухмыльнулось Тому с высоты огромного роста.

– Нечестно, говоришь, пилот? А что тут нечестного? Сам знаешь, в нашем мире город городу волк.

Эстер мгновенно напряглась. Чего она никак не могла понять, это почему Том вечно ожидает от жизни справедливости. Наверное, это издержки воспитания. Несколько лет самостоятельной жизни в городе кладоискателей живо вышибли бы из него дурь, но Том вырос в атмосфере обычаев и правил Гильдии историков, вдали от реальной жизни; и вопреки всему, что он пережил с тех пор, его все еще шокировали такие люди, как Масгард.

– Я просто хочу сказать, что это против всех правил муниципального дарвинизма, – объяснил Том, глядя на рослого авиатора снизу вверх.

Он встал из-за стола, но все равно не мог с ним сравняться – охотник

был выше Тома почти на тридцать сантиметров.

– Быстрые города поедают медленные, сильные – слабых. Вот как это должно происходить, точно так же, как и в природе. Угон городов и награда за информацию нарушают равновесие, – продолжал он, словно Масгард был всего-навсего его оппонентом на заседании дискуссионного клуба учеников-историков.

Ухмылка Масгарда стала шире. Он распахнул свой меховой плащ и выхватил меч. Послышались крики, возгласы и стук опрокидывающихся стульев – окружающие бросились врассыпную, стремясь убраться подальше. Эстер потащила Тома прочь, не отрывая взгляда от сверкающего клинка.

– Том, балда, не связывайся с ними!

Масгард уставился на нее, потом с хохотом вбросил свой меч обратно в ножны.

– Посмотрите-ка! У этого пилота имеется красивая подружка, уж она убережет его от беды!

Вся команда дружно загоготала. Эстер пошла пятнами и подтянула свой потрепанный красный шарф, закрывая лицо.

– Заходи ко мне как-нибудь на досуге, деточка! – крикнул Масгард. – Для такой красотки я всегда дома! Не забудь, если сможешь сообщить мне направление движения какого-нибудь города, я дам тебе тридцать золотых! Купишь себе новый нос!

– Я не забуду, – пообещала Эстер, оттесняя Тома в сторонку.

Ярость билась в ней, словно пойманная в силки ворона. Ей хотелось повернуться и напасть на Масгарда. Спорим, он толком не умеет орудовать мечом, которым так гордится… Но в последнее время Эстер старалась подавлять эту темную, мстительную, смертоносную сторону своей натуры, поэтому она только вытащила потихоньку нож и, проходя мимо, незаметно перерезала шнур Масгардова микрофона. Когда он попытается еще раз повторить свое объявление, потешаться станут уже над ним.

– Извини, – сказал Том смущенно, когда они сбежали по лестнице вниз, к причалу, где уже толпились торговцы и туристы, прибывшие из Архангельска. – Я не хотел… Я только подумал…

– Все нормально, – ответила Эстер.

Ей хотелось сказать ему, что, если бы он не делал время от времени таких вот бесстрашных глупостей, он не был бы Томом и она, наверное, не любила бы его так сильно. Но она не умела выразить все это словами, поэтому просто толкнула его в укромный уголок за опорой верхнего яруса и, быстро оглянувшись – не смотрит ли кто, – обхватила его худыми руками

за шею, стащила с лица свой шарф и поцеловала.

– Давай улетим отсюда.

– Но у нас до сих пор еще нет груза. Мы же собирались поискать торговца мехами или… – Том не договорил.

– Здесь не торгуют мехами, только олд-теком, а это барахло мы вроде не хотели больше возить, правда?

Том смотрел на нее нерешительно, и она снова его поцеловала, не дав сказать хоть слово.

– Мне надоело в Воздушной Гавани. Хочу вернуться на птичьи дороги.

– Ладно, – сказал Том. Он улыбнулся, погладил ее губы, щеку, щербинку в том месте, где шрам пересекал бровь. – Ладно. Посмотрели северные небеса – и хватит. Отчаливаем.

Но сделать это оказалось не так просто. Когда они добрались до семнадцатой стойки, то увидели, что возле «Дженни Ганивер» сидит на большом кожаном тюке какой-то человек. Эстер, которая еще не пришла в себя после насмешек Масгарда, снова прикрыла лицо. Том выпустил ее руку и первым подошел к незнакомцу.

– Добрый день! – воскликнул тот, вскакивая на ноги. – Мистер Нэтсуорти? Мисс Шоу? Как я понял, вы владельцы этого замечательного кораблика? Ну и дела! Мне говорили в портовом управлении, что вы молоды, но я и не представлял себе насколько! Да вы же практически дети!

– Мне почти восемнадцать, – возразил Том.

– Да что вы! – засиял улыбкой незнакомец. – Для великих сердец возраст не имеет значения, а у вас, я уверен, великое сердце. «Кто этот симпатичный паренек?» – спросил я своего друга, начальника порта, и он мне ответил: «Это Том Нэтсуорти, пилот „Дженни Ганивер“». «Пеннироял, – сказал я себе, – возможно, этот молодой человек – именно тот, кого ты ищешь!» И вот я здесь!

И вот он здесь – низенький, лысеющий, чуточку полноватый, с аккуратно подстриженной белоснежной бородкой. Одет он был в типичный костюм кладоискателя-северянина: длинная шуба, меховая шапка, туника со множеством карманов, толстые штаны и сапоги на меху, – но вся одежда выглядела слишком дорогой, словно ее сшил какой-нибудь модный портной для пьесы, действие которой происходит в Ледяных Пустошах.

– Итак? – сказал он.

– Что «итак»? – спросила Эстер. Незнакомый любитель порисоваться ей сразу не понравился.

– Извините, сэр, – значительно вежливее произнес Том. – Мы не очень понимаем, что именно вам требуется…

– Ах, прошу прощения, простите великодушно! – забормотал незнакомец. – Позвольте, я объясню! Меня зовут Пеннироял, Нимрод Борегар Пеннироял. Я проводил кое-какие исследования среди вон тех жутких огнедышащих горных громадин, а теперь возвращаюсь домой. Я хотел бы стать пассажиром на вашем очаровательном воздушном корабле.

Глава 3
Пассажир

Пеннироял… Имя казалось Тому смутно знакомым, хоть он и не мог сообразить, откуда его знает. Оно совершенно точно упоминалось в одной из лекций, когда Том еще был учеником-историком, но что такое совершил Пеннироял, чтобы заслужить упоминания, вспомнить не удавалось. Том слишком часто отвлекался, витая в мечтах, и мало прислушивался к речам учителей.

– Мы не берем пассажиров, – твердо сказала Эстер. – Мы направляемся на юг и путешествуем в одиночку.

– На юг – вот и славно! – заулыбался Пеннироял. – Мой родной город – плавучий курорт Брайтон, этой осенью он курсирует вдоль берегов Срединного моря. Я спешу поскорее вернуться домой, мисс Шоу. Мои издатели, Фьюмет и Спрейнт, непременно желают получить от меня новую книгу к Лунному празднику, и мне необходимы покой и уединение моего привычного кабинета, чтобы разобрать свои путевые заметки.

Он говорил, то и дело оглядываясь через плечо, окидывая быстрым взглядом лица прохожих, и при этом заметно потел. Эстер подумала, что он не столько стремится домой, сколько удирает от кого-то. Но Тома его слова заинтересовали.

– Вы писатель, мистер Пеннироял?

– Профессор Пеннироял, – с улыбкой поправил тот. – Я путешественник, исследователь и специалист по альтернативной истории. Возможно, вам попадались мои произведения – скажем, «Города, затерянные в песках» или «Прекрасная Америка[3]: правда о Мертвом континенте»…

Том наконец вспомнил, где слышал это имя. Чадли Помрой упомянул профессора Пеннирояла, когда читал лекцию «Новейшие направления в исторической науке». Пеннироял, сказал старик, совершенно не уважает истинно научный подход к истории. Все его рискованные экспедиции – чистой воды показуха, а книги его полны безумных теорий и сенсационных приключенческих сюжетов. Том очень даже любил безумные теории и сенсационные приключенческие сюжеты. После лекции он стал искать в библиотеке Музея труды профессора Пеннирояла, но консервативная Гильдия историков не нашла для них места на своих книжных полках. Так Том и не узнал, где именно путешествовал Пеннироял.

– На самом деле у нас есть место для пассажира, Эт. И деньги нам пригодились бы…

Эстер нахмурилась.

– О, деньги – не проблема! – заверил Пеннироял, вытаскивая из кармана пухлый кошелек и встряхивая его. – Скажем, пять соверенов прямо сейчас и еще пять, когда пришвартуемся в Брайтоне. Конечно, Петр Масгард предложит вам больше за выдачу какого-нибудь злополучного города, но и это весьма неплохая сумма, да к тому же вы окажете великую услугу мировой литературе.

Эстер пристально разглядывала бухту каната на краю набережной. Она понимала, что проиграла в споре. Этот чересчур приветливый незнакомец знал, как подъехать к Тому, и сама Эстер не могла не признать, что десять соверенов будут им очень даже кстати. Она сделала еще одну попытку оттянуть неизбежное: пнула ногой рюкзак Пеннирояла со словами:

– Что у вас в багаже? Мы не возим олд-тек. Насмотрелись, что от него бывает.

– О небо! – воскликнул Пеннироял. – Всецело с вами согласен! Пусть я альтернативщик, но ведь не полный идиот. Я тоже видел, что бывает с людьми, которые всю жизнь выкапывают из земли древние машины. Рано или поздно они отравляются радиацией или взрываются, наткнувшись на какую-нибудь неисправную штуковину. Нет, у меня при себе лишь смена нижнего белья да несколько тысяч страниц путевых заметок и зарисовок для будущей книги – «Огненные горы: явление природы или ошибка древних?».

Эстер снова пнула рюкзак. Он медленно завалился набок, но никаких металлических звуков, опровергающих слова Пеннирояла, слышно не было. Она посмотрела себе под ноги, потом еще ниже, сквозь дырчатую палубу Воздушной Гавани, на землю, где какой-то городок неторопливо тащился на запад, волоча за собой длинную тень. «Ну ладно», – подумала Эстер. Теплое, синее Срединное море – совсем не то, что безрадостные Ледяные Пустоши, а лететь туда всего-навсего неделю. Наверное, можно делить Тома с Пеннирояломв течение недели? Уж как-нибудь она перетерпит? Ведь он будет принадлежать ей всю оставшуюся жизнь.

– Хорошо. – Она схватила кошелек и отсчитала пять золотых соверенов, пока путешественник не передумал.

Том, стоя рядом с ней, говорил:

– Профессор, мы устроим для вас постель в носовом трюме. А работать над рукописью вы сможете в лазарете, если захотите. Я планировал переночевать здесь и отчалить на рассвете.

– Если не возражаешь, Том, – сказал Пеннироял и снова тревожно оглянулся через плечо, – я предпочел бы отправиться немедленно. Не годится заставлять музу ждать…

Эстер пожала плечами и вытряхнула из кошелька еще несколько монет.

– Отчаливаем, как только начальник порта даст разрешение, – сказала она. – Надбавка за срочность – два соверена.

* * *

Зашло солнце – пылающим углем погрузилось в дымку над западными отрогами Тангейзерова хребта. По-прежнему над скоплением торговых городов поднимались воздушные шары, а с севера, со стороны Архангельска, перевалив через базальтовые предгорья, прилетали дирижабли. Один из них принадлежал добродушному старому джентльмену по имени Уиджери Блинко, антиквару, торговцу предметами олд-тека – высоких технологий древности. Чтобы свести концы с концами, симпатичный старичок еще сдавал комнаты на втором этаже над своей лавкой в портовом районе Архангельска, а при случае продавал информацию любому, кто готов был за нее заплатить.

Оставив своих жен швартовать воздушный корабль, мистер Блинко засеменил прямиком в контору начальника порта с вопросом:

– Вы видели этого человека?

Начальник порта взглянул на фотографию, которую положил ему на стол мистер Блинко, и сказал:

– Да это же профессор Пеннироял, джентльмен-историк!

– Джентльмен? Черта с два! – сердито закричал Блинко. – Прожил в моем доме полтора месяца, а как только на горизонте показалась Воздушная Гавань, сбежал и не заплатил мне ни пенни! Где он? Где можно найти этого мерзавца?

– Опоздал, приятель, – усмехнулся начальник порта, не без удовольствия сообщая дурные новости. – Он прилетел с одним из первых шаров из Архангельска и стал спрашивать насчет кораблей, идущих на юг. Я его направил к тем ребятам, что летают на «Дженни Ганивер». Она только что отчалила, десяти минут не будет, курсом на Срединное море.

Блинко застонал и устало провел рукой по широкому бледному лицу. Он никак не мог себе позволить лишиться двадцати соверенов, обещанных Пеннироялом. Ну почему, почему он не заставил мошенника заплатить вперед? Ему так польстило, что Пеннироял подарил ему экземпляр

«Прекрасной Америки» («Моему дорогому другу Уиджери с наилучшими пожеланиями»), и так уж его взволновало обещание великого человека упомянуть о нем в следующем своем произведении, что он даже не почуял подвоха, когда Пеннироял начал переадресовывать на его имя счета от виноторговцев. Он даже не пробовал возражать, когда путешественник принялся открыто флиртовать с младшими миссис Блинко! Чтоб их всех, этих писателей!

И тут сквозь жалость к себе и начинающуюся головную боль, затуманившую мозг мистера Блинко, пробилось нечто, произнесенное начальником порта. Название. Знакомое название. Чрезвычайно ценное название!

– Вы сказали – «Дженни Ганивер»?

– Сказал, сэр.

– Но этого не может быть! Она погибла, когда боги уничтожили Лондон!

Начальник порта покачал головой:

– Да нет, сэр, совсем даже ничего подобного. Последние два года она провела в зарубежных небесах. Как я слышал, вела торговлю с городами-зиккуратами Нуэво-Майя.

Мистер Блинко поблагодарил начальника порта и выбежал на набережную. Он был человек солидный и бегал нечасто, но ради такого дела стоило побегать. Он растолкал толпу детишек возле подзорной трубы, установленной на парапете, и внимательно осмотрел небо. В направлении на юг, чуть к западу, блеснули в лучах заходящего солнца кормовые иллюминаторы воздушного корабля. Маленького, ярко-красного корабля с гондолой, кое-как сляпанной из разного металлолома, и сдвоенными двигателями Жёне-Каро.

Мистер Блинко заторопился к своему кораблю, который назывался «Временные трудности», и к своим многострадальным женам.

– Скорее! – завопил он, врываясь в гондолу. – Включите радиоприемник!

– Стало быть, Пеннироял опять ушел у тебя из-под носа, – заметила одна из жен.

– Какой сюрприз! – прибавила другая.

– Точно так же получилось и в Архангельске, – сказала третья.

– Молчать, жены! – заорал Блинко. – Тут важное дело!

Четвертая жена сделала гримаску:

– Едва ли Пеннироял стоит таких хлопот.

– Бедный, милый профессор Пеннироял, – захныкала пятая.

– Да забудьте вы про этого Пеннирояла! – проревел муж. Стащил с себя шляпу, торопливо натянул радионаушники, настроил приемник на секретную волну, раздраженно махнул рукой жене номер пять, чтобы прекратила нытье и крутила рукоятку стартера. – Кое-кто очень хорошо мне заплатит за сведения, которые я только что узнал! Торговое судно, на котором улетел Пеннироял, – это бывший корабль Анны Фанг!

Том только сейчас понял, насколько он истосковался по общению с другими историками. Эстер всегда с удовольствием слушала, когда ему случалось вспомнить какие-нибудь разрозненные факты из прежних учебных дней, но почти ничего не могла предложить в ответ. Сама она с семи лет жила своим умом, могла на полном ходу запрыгнуть на борт движущегося города, умела поймать и освежевать кошку, знала, куда нужно ударить ногой нападающего грабителя, а вот историей своего мира как-то не удосужилась заняться вплотную.

И вдруг появился профессор Пеннироял, сразу заполнив своим обаянием полетную палубу «Дженни». У него на любой случай жизни имелась своя теория или анекдот. Слушая его, Том едва не почувствовал ностальгию по старым временам, по лондонскому Музею, где его окружали книги, факты, экспонаты и атмосфера научных споров.

– Возьмем, к примеру, вот эти горы, – говорил Пеннироял, указывая рукой в окошко с правого борта.

«Дженни Ганивер» двигалась на юг, следуя вдоль длинного отрога Тангейзера. По лицу путешественника пробегали отсветы раскаленной лавы, клокочущей в жерле действующего вулкана.

– Им я собираюсь посвятить свою следующую книгу. Откуда они взялись? В древности их не было, мы знаем об этом по сохранившимся картам. Почему же они так внезапно возникли? По какой причине? То же самое в далеком Шань-Го. Чжань-Шань – самая высокая гора на Земле, но в древних летописях она ни разу не упоминается. Что такое эти новые горы – просто результат природной вулканической деятельности, как нам всегда твердили? Или перед нами последствия какого-то чудовищного сбоя в технологии Древних? Возможно, перед нами результат экспериментов с новыми источниками энергии или с каким-нибудь кошмарным оружием. Вулканы на заказ! Только подумай, Том, какая это была бы находка!

– Нас не интересует олд-тек, – машинально буркнула Эстер. Склонившись над штурманским столом, она пыталась проложить курс по карте, и разглагольствования Пеннирояла все больше ее раздражали.

– Ну конечно не интересует, деточка! – вскричал Пеннироял,

уставившись на переборку рядом с Эстер (он все еще не был уверен, что сможет, не дрогнув, посмотреть в ее ужасное лицо). – Конечно, конечно! Весьма благородный и разумный предрассудок. И тем не менее…

– Это не предрассудок, – отрезала Эстер, нацелив на Пеннирояла измерительный циркуль с таким видом, что профессор всерьез испугался, как бы она не нанесла ему тяжелого увечья. – Моя мама была археологом. И путешественницей, и искательницей приключений, и историком, совсем как вы. Она побывала в мертвых землях Америки, выкопала там древний предмет и привезла домой. Предмет назывался МЕДУЗА. Правители Лондона прослышали об этой штуковине и послали своего человека, Валентайна, чтобы он убил мою мать и забрал ту вещь. Заодно он сделал мне вот такое лицо. Он увез ту вещь в Лондон, там за нее взялись инженеры, привели ее в действие, а она возьми да и шарахни, как никто не ожидал, и дело с концом.

– Ах да, – отозвался слегка присмиревший Пеннироял. – Все знают о происшествии с МЕДУЗОЙ. Я даже могу точно сказать, чем занимался в то время. Я тогда находился на борту Читтамоторе, в обществе очаровательной юной особы по имени Минти Бэпснэк. Мы через полмира увидели зарево в небе на востоке…

– А мы были с ним совсем рядом. Мы пролетели сквозь ударную волну и видели, что осталось от Лондона на следующее утро. Огромный мегаполис, родной город Тома, сгорел дотла из-за какой-то дряни, которую раскопала моя мама. Вот потому мы теперь стараемся держаться подальше от олд-тека.

– А-а, – неловко протянул Пеннироял.

– Я иду спать, – объявила Эстер. – У меня голова болит.

Это была правда. После нескольких часов поучительных речей Пеннирояла позади ее слепого глаза поселилась резкая, пульсирующая боль. Эстер подошла к креслу пилота, собираясь поцеловать Тома на ночь, но не хотелось делать это на виду у Пеннирояла, так что она только быстрым движением коснулась его уха, сказала:

– Позови, когда будет нужно тебя сменить, – и удалилась в каюту на корме.

– Ого! – сказал Пеннироял, когда она ушла.

– У нее довольно тяжелый характер, – согласился Том, смущенный выходкой Эстер. – Но на самом деле она замечательная. Просто застенчивая. Когда познакомишься с нею поближе…

– Конечно, конечно, – сказал Пеннироял. – Сразу видно, что за несколько необычной внешностью скрывается совершенно… э-э…

Но он так и не придумал, что бы такое хорошее сказать об этой девушке, и умолк, глядя в иллюминатор на залитые лунным светом горы, на огни небольшого города, движущиеся внизу, на равнине.

– Знаешь ли, она не права насчет Лондона, – промолвил наконец Пеннироял. – Я хочу сказать – насчет того, что он сгорел дотла. Я говорил с людьми, которые там были. Осталось довольно много обломков. Целые отсеки Брюха лежат в развалинах на открытой Поверхности к западу от Батмунх-Гомпы. Ну как же, одна моя знакомая, очаровательная молодая женщина-археолог, по имени Крюис Морчард, утверждает, что побывала внутри одного из более крупных фрагментов. Она рассказывает удивительные вещи: на каждом шагу обугленные скелеты, громадные куски оплавленных зданий и механизмов. Из-за остаточной радиации среди обломков мелькают разноцветные вспышки, похожие на блуждающие огоньки… или как будет правильнее – бродячие огоньки?

Теперь уже Тому стало не по себе. Гибель родного дома была для него незаживающей раной. Два с половиной года прошло, а сполохи того страшного взрыва до сих пор озаряют его сны. Ему не хотелось говорить о катастрофе, и потому он перевел разговор на любимую тему профессора Пеннирояла – о профессоре Пеннирояле:

– Наверное, во время своих путешествий вы бывали в разных интересных местах?

– Интересных! Не то слово, Том! Чего я только не повидал! Когда приземлимся в брайтонском порту, я первым делом зайду в книжную лавку и куплю тебе полное собрание моих сочинений. Удивительно, что ты не читал их раньше, ведь ты такой умный молодой человек…

Том пожал плечами:

– К сожалению, их не было в библиотеке Лондонского музея…

– Ну конечно! Гильдия так называемых историков! Фу! Замшелые старые хрычи… Знаешь, я когда-то пытался вступить в эту несчастную гильдию. Их главный историк, Таддеус Валентайн, отказал мне наотрез! Только потому, что ему не понравились мои американские находки!

Том был заинтригован. Не очень приятно слышать, как высокоученых членов его гильдии обзывают замшелыми старыми хрычами, но Валентайн – дело другое. Валентайн пытался убить Тома, он убил родителей Эстер. Если Валентайн кого-то не одобрял, считал Том, значит это хороший человек.

– А что вы нашли в Америке, профессор?

– Ну, видишь ли, Том, тут целая история. Хочешь, расскажу?

Том кивнул. В эту ночь, при таком сильном южном ветре, все равно

нельзя уходить из рубки. Приятно будет послушать хорошую историю. Это поможет ему не заснуть. К тому же рассказы Пеннирояла пробудили какую-то частичку в душе Тома – воспоминания о прежних временах, когда жизнь была проще, когда он лежал, свернувшись калачиком под одеялом в спальне учеников третьего ранга, и читал при свете фонарика сочинения великих путешественников-историков – Монктона Уайлда, Чун-Мая Споффорта, Валентайна, Фишейкра и Комптона Кларка.

– Да, расскажите, пожалуйста, профессор, – сказал Том.

Глава 4
Земля отважных

Северная Америка, – рассказывал Пеннироял, – это Мертвый континент. Все об этом знают. Ее открыл в тысяча девятьсот двадцать четвертом году Христофор Коломбо, великий детектив и путешественник. Впоследствии там образовалась империя, которая одно время правила всем миром, но была полностью уничтожена во время Шестидесятиминутной войны. Сейчас это земля красных пустынь, населенных призраками, ядовитых болот, воронок от атомных бомб, ржавого железа и безжизненных скал. Лишь немногие дерзают побывать там. Археологи, такие как Валентайн и бедная матушка твоей приятельницы, отправляются туда в надежде извлечь из древних бункеров обломки олд-тека.

Тем не менее ходят разные слухи. Истории, которые рассказывают в подпитии старые небесные волки в захудалых воздушных караван-сараях. Байки о дирижаблях, сбившихся с курса и оказавшихся вдруг над совсем другой Америкой: зеленой страной, покрытой лесами, лугами и огромными голубыми озерами. Около пятидесяти лет тому назад некий пилот по имени Снори Ульвессон даже совершил посадку на одном из зеленых участков, который он назвал Винляндией[4] и нанес на карту, а карту передал лорд-мэру Рейкьявика, но, когда современные исследователи начали искать ее в Рейкьявикской библиотеке, никаких следов, конечно, не нашли. Да и все рассказы сводятся к тому же: пилот годами разыскивает увиденное однажды место, но найти не может. Или же, посадив свой корабль, обнаруживает, что зелень, которая так маняще выглядела с высоты, на самом деле – всего лишь токсичные водоросли на озере, образовавшемся в воронке от взрыва.

Но настоящие историки, Том, такие как мы с тобой, знают, что в подобных легендах час-то бывает скрыта крупица истины. Я собрал воедино все слышанные мною рассказы такого рода и пришел к следующему выводу: что-то во всем этом есть, стоило бы разобраться повнимательнее. В самом ли деле Америка мертва, как утверждают мудрецы вроде Валентайна? Или в глубине ее, к северу от мертвых городов, которые посещают охотники за олд-теком, есть такие места, где реки, берущие свое начало от Ледяных Пустошей, смыли всю отраву и Мертвый континент расцвел новой жизнью?

Я, Пеннироял, решил выяснить истину! Весной восемьдесят девятого

года я отправился в путь вместе с четырьмя товарищами на своем воздушном корабле «Аллан Квотермейн»[5]. Мы пересекли Северную Атлантику и вскоре достигли берегов Америки, приземлившись недалеко от того места, которое на древних морских картах называется Нью-Йорк. Там все было мертво, как нам и обещали: одни лишь громадные кратеры от бомб тысячелетней давности, чьи стенки оплавились от невыносимого жара, образовав вещество, известное под названием «ядерное стекло».

Мы снова поднялись в воздух и двинулись на запад, в самое сердце Мертвого континента. Тут и случилось несчастье. Разразилась буря почти сверхъестественной силы, мой бедный «Аллан Квотермейн» рухнул на землю посреди бескрайней отравленной пустыни. Трое моих товарищей погибли во время крушения, четвертый умер через несколько дней, отравившись водой из озерца, которое казалось чистым, но на самом деле, видимо, было заражено каким-нибудь мерзким химикатом Древних. Мой спутник весь посинел, и от него шел запах старых носков.

В полном одиночестве, едва волоча ноги, я побрел на север, пересек Равнину Кратеров, где когда-то находились легендарные города Чикаго и Милуоки. Я уже не думал о том, чтобы отыскать зеленую Америку. У меня была только одна надежда – добраться до края Ледяных Пустошей, где меня могли спасти кочевники-снегоходы.

В конце концов и эта надежда угасла. Ослабев от переутомления и обезвоживания, я лег на землю в иссохшей долине между двумя зубчатыми цепями высоких черных гор. В отчаянии я воскликнул: «Неужели так и окончит жизнь Нимрод Пеннироял?» И камни, казалось, отвечали: «Да». Я, видишь ли, простился со всякой надеждой, поручил свою душу богине смерти и закрыл глаза, ожидая, что открою их вновь уже бестелесным духом в Стране, не ведающей солнца. Когда я очнулся, то лежал, закутанный в меха, на дне каноэ, и какие-то милые молодые люди на веслах везли меня к северу.

Это не были коллеги-путешественники из Охотничьих Угодий, как я предположил вначале. Это были туземцы! Да, в самой северной части Мертвого континента действительно живут люди! Прежде я принимал на веру традиционную версию – ту самую, которую тебе, несомненно, излагали в твоей Гильдии историков: якобы немногочисленные бедняги, пережившие падение Америки, бежали по льду на север и там, смешавшись с эскимосами, стали прародителями современной расы снегоходов. Но теперь я понял, что кое-кто остался! Дикие, нецивилизованные потомки древней нации, чьи жадность и эгоизм некогда привели мир к гибели, – но у этих дикарей все же хватило человечности,

чтобы спасти умирающего от голода несчастного по имени Пеннироял!

Вскоре я уже мог объясняться со своими спасителями при помощи знаков и жестов. Это были девушка и юноша, и звали их Допускается Машинная Стирка и Доставка В Течение Двенадцати Дней. Как я понял, они обнаружили меня во время собственной экспедиции, отправленной на поиски ядерного стекла среди развалин древнего города Дулута. (Между прочим, как мне удалось установить, у них в племени ожерелье из ядерного стекла ценится так же дорого, как среди самых изысканных модниц Парижа или Движеграда. Оба моих новых знакомых носили серьги и браслеты из этого вещества.) Они блестяще владели навыками выживания среди ужасных пустынь Америки: умели переворачивать камни, охотясь за съедобными личинками, и распознавать пригодную для питья воду по наличию особых водорослей. Но эти заброшенные земли не были их родным домом. Нет, они пришли с севера и теперь, насколько я понял, возвращались вместе со мной к своему племени!

Вообрази мое волнение, Том! Пока лодка продвигалась вверх по реке, я словно возвращался к истокам мира. Поначалу вокруг виднелись лишь голые скалы, среди которых местами выпирали полуразрушенные от времени камни или покореженные балки – все, что осталось от грандиозных строений Древних. И вот однажды я начал замечать вдали пятна зеленого мха – одно, другое! Еще несколько дней пути на север – и по обоим берегам реки стали появляться трава, папоротники, заросли тростников. Сама река стала заметно чище. Доставка В Течение Двенадцати Дней ловил рыбу, а вечером Допускается Машинная Стирка готовила ее на костре, который мы разводили на берегу. А деревья, Том! Березы, дубы и сосны росли повсюду. Река впадала в обширное озеро, а на берегу стояли примитивные жилища племени. Какое зрелище для историка! Снова живая Америка, через столько тысячелетий!

Не стану утомлять тебя рассказами о том, как я жил среди этих славных людей в течение трех лет. Или о том, как я спас прекрасную дочь вождя, по имени Почтовый Индекс, от голодного медведя, как она полюбила меня и как мне пришлось спасаться бегством от ее разъяренного жениха. Умолчу и о том, как я снова отправился на север, как шел по льду и в конце концов после многих приключений вернулся в Охотничьи Угодья. Все это, когда приедем в Брайтон, ты сможешь прочесть в моем междугородном бестселлере «Прекрасная Америка».

Том долго сидел, не говоря ни слова. Голова его была полна чудесных видений. То`му не верилось, что он никогда прежде не слышал о великом

открытии Пеннирояла. Наверняка оно потрясло весь мир! Это монументально! Какие же дураки сидят в Гильдии историков, что прогнали такого человека!

Наконец Том сказал:

– Профессор, а вы больше не возвращались туда? Наверное, если снарядить вторую экспедицию, более основательно…

– Увы, Том, – вздохнул Пеннироял. – Я так и не нашел желающих финансировать повторную экспедицию. Не забывай, что вся фотоаппаратура и оборудование для сбора образцов погибли при крушении «Аллана Квотермейна». Уходя из племени, я захватил с собой несколько артефактов, но все они потерялись во время долгого обратного пути. Не имея доказательств, как мог я надеяться собрать деньги на вторую экспедицию? Как выяснилось, одного только слова альтернативного историка еще недостаточно. Да что там, – сказал он с грустью, – есть люди, Том, которые и по сей день считают, что я вообще не был в Америке.

Глава 5
Лисицы-оборотни

Эстер проснулась на следующее утро – в рубке по-прежнему раздавался трубный глас профессора Пеннирояла. «Неужели он проторчал там всю ночь? Да нет, вряд ли», – подумала она, ополаскивая лицо над маленьким умывальником в камбузе «Дженни Ганивер». Профессор успел выспаться, в отличие от бедного Тома, а теперь его выманил на палубу аромат утренней чашки кофе, который заварил себе Том.

Эстер повернула голову, чтобы смотреть в иллюминатор, пока будет чистить зубы, – все, что угодно, лишь бы не встречаться взглядом с собственным отражением в зеркале над умывальником. Небо было цвета заварного крема из пакетика, его пересекали полосы туч цвета ревеня. В центре этой картины застыли три крошечные черные крапинки. Пятнышки грязи на стекле, подумала Эстер, попробовала стереть их рукавом и поняла, что ошибается. Она нахмурилась, принесла подзорную трубу и принялась рассматривать крапинки. Нахмурилась еще сильнее.

Когда она вошла в рубку, Том готовился пойти подремать. Ураган не утих, но они уже удалились от гор, и, хотя ветер будет замедлять движение, он больше не грозил отнести их в тучу вулканического пепла или разбить о скалы. Том выглядел усталым, но довольным и радостно улыбнулся Эстер, когда она, пригнувшись, вылезла из люка. Пеннироял сидел в кресле второго пилота с кружкой лучшего на «Дженни» кофе в руках.

– Профессор рассказывал мне о своих экспедициях, – взволнованно начал Том, уступая место Эстер за пультом управления. – У него были такие приключения, ты не поверишь!

– Возможно, – согласилась Эстер. – Но в данную минуту мне хотелось бы услышать только одно: почему на нас идет звено боевых дирижаблей?

Пеннироял испуганно пискнул и поскорее зажал себе рот рукой. Том подошел к иллюминатору левого борта и посмотрел туда, куда указывала Эстер. Крапинки приблизились, и стало совершенно очевидно, что это воздушные суда, числом три, идущие развернутым строем.

– Может быть, это торговые корабли направляются в Воздушную Гавань? – сказал Том с надеждой.

– Это не торговый караван, – возразила Эстер. – Они идут боевым порядком.

Том снял с крюка под приборной доской полевой бинокль. Расстояние

до воздушных кораблей было около пятнадцати километров, но Том сразу увидел, что они быстроходны и хорошо вооружены. На баллонах виднелись зеленые опознавательные знаки, но в остальном они были абсолютно белыми. Это придавало им необъяснимо зловещий вид: словно призраки дирижаблей мчатся сквозь рассвет.

– Это истребители Лиги, – сказала Эстер напрямик. – Я узнаю их двигатели с раструбами. Лисицы-оборотни Мурасаки.

В голосе Эстер слышался страх, и по очень основательной причине. Вот уже два года они с Томом всеми силами старались уклоняться от встреч с Лигой противников движения, потому что «Дженни Ганивер» принадлежала когда-то агенту Лиги, бедной убитой Анне Фанг, и хотя, строго говоря, они корабль не украли, но Лига наверняка смотрела на это по-другому. Они рассчитывали, что уж на севере-то будут в безопасности, – после падения стационарного города на Шпицбергене силы Лиги здесь значительно ослабли.

– Поворачиваем, – сказала Эстер. – Будем двигаться по ветру, постараемся от них удрать или спрятаться в горах.

Том колебался. «Дженни» была намного быстроходнее, чем можно было подумать, судя по деревянной гондоле и двигателям, собранным из разного металлолома, но едва ли ей удастся удрать от Лисиц-оборотней.

– Бежать – значит признать свою вину, только и всего, – сказал он. – Мы ничего плохого не сделали. Я с ними поговорю, выясню, что им нужно…

Он потянулся к радиопередатчику, но Пеннироял перехватил его руку:

– Не надо, Том! Я слышал про эти белые корабли. Это не регулярные войска Лиги противников движения! Они подчиняются Зеленой Грозе, новой секте фанатиков, которая недавно отделилась от Лиги и обосновались на секретных авиабазах здесь, на севере. Эти экстремисты поклялись уничтожать все города без разбора, и всех горожан тоже. Великие боги, если они нас поймают, то перебьют всех прямо здесь, не выходя из гондолы!

Лицо путешественника приобрело оттенок самых дорогих сортов сыра, на лбу и на носу заблестели капельки пота. Рука, сжимавшая запястье Тома, дрожала. Профессор Пеннироял, переживший столько приключений, – неужели он боится?

Эстер подошла к иллюминатору как раз вовремя, чтобы увидеть, как с одного из приближающихся кораблей выпустили ракету, давая «Дженни Ганивер» приказ лечь на параллельный курс и позволить их людям перейти к себе на борт. Эстер не так уж безоговорочно верила Пеннироялу, но в

этих кораблях все-таки было что-то угрожающее. Она была уверена, что они не случайно встретились на пути «Дженни». Кто-то специально отправил эти дирижабли на их поиски.

Эстер коснулась руки Тома:

– Давай!

Том навалился на штурвал, разворачивая «Дженни» к северу, в ту сторону, куда дул ураган. Том переключил несколько медных рычажков – урчание мотора зазвучало тоном выше. Еще один рычажок – раскрылись небольшие полукруглые паруса из силиконового шелка между двигателями и баллонами с газом. С их помощью «Дженни» получила дополнительное ускорение.

– Мы от них уходим! – крикнул Том, глядя в перископ на зернистое перевернутое изображение вида с кормы.

Но Лисицы-оборотни были упорны. Они изменили курс вслед за «Дженни» и сумели выжать из своих моторов добавочную мощность. Спустя час они подошли настолько близко, что Том и Эстер смогли разглядеть знак, нарисованный на их баллонах: не сломанное колесо Лиги противников движения, а зеленый зигзаг молнии.

Том окинул взглядом тускло-серый ландшафт внизу, надеясь высмотреть город или хоть поселок, где можно было бы попросить убежища. Но никаких городов видно не было, кроме парочки медлительных обиталищ лапландских крестьян, которые гнали стада оленей через тундру далеко-далеко на востоке, но до них невозможно было добраться раньше, чем Лисицы-оборотни отрежут путь «Дженни Ганивер». Впереди горизонт заслоняли горы Тангейзера. Одна надежда – укрыться в их ущельях за тучами вулканического пепла.

– Что будем делать? – спросил Том.

– Не останавливаться, – сказала Эстер. – Может, выйдет оторваться от них в горах.

– А если они обстреляют нас ракетами? – заскулил Пеннироял. – Они ужасно близко! Что, если они откроют огонь?

– «Дженни» нужна им целой, – ответила Эстер. – Они не рискнут стрелять.

– Нужна «Дженни»? Да кому может понадобиться эта старая развалина? – От страха Пеннироял стал несколько вспыльчивым. Когда Эстер объяснила, что к чему, он завопил во все горло: – Это был корабль Анны Фанг? Великая Клио! Поскитт всемогущий! Ведь Зеленая Гроза просто-таки обожествила Анну Фанг! Они основали свое движение на пепелище Северного воздушного флота, поклявшись отомстить за гибель

людей, убитых лондонскими агентами в Батмунх-Гомпе! Еще бы они не хотели вернуть себе ее корабль! Милосердные боги, что же вы мне раньше не сказали, что дирижабль краденый? Немедленно верните мне деньги!

Эстер оттолкнула его и подошла к столу, на котором были расстелены карты.

– Том, – окликнула она, разглядывая карту Тангейзерова хребта. – Вот тут, к западу, разрыв в цепи вулканов – Драконий перевал. Может, там есть город, где мы сможем встать на стоянку.

Они все летели вперед, поднялись выше, в разреженные слои атмосферы над горными пиками, один раз чуть было не зацепили столб дыма, извергавшийся из жерла молодого вулкана. Не видно было ни перевала, ни города. Прошел еще час. Лисицы-оборотни упорно сокращали расстояние и вдруг дали залп; ракеты мелькнули мимо иллюминаторов и взорвались почти вплотную к правому борту.

– О Квирк! – вскрикнул Том.

Но Квирк – лондонский бог, и если уж он не потрудился спасти собственный город, почему он будет беспокоиться из-за потрепанного кораблика, затерянного среди сернистых испарений над хребтом Тангейзера?

Пеннироял попытался залезть под стол.

– Они стреляют в нас ракетами!

– Ах, спасибо, а мы-то удивлялись, что это за здоровенные штуковины там рвутся! – Эстер была очень сердита из-за того, что ее предсказание не сбылось.

– А ты говорила – они не станут стрелять!

– Они целятся в двигатели, – сказал Том. – Если попадут, мы остановимся, а они нас догонят и возьмут на абордаж…

– Неужели совсем ничего нельзя сделать? – набросился на него Пеннироял. – Отстреливайтесь, что ли!

– У нас нет ракет, – уныло ответил Том.

После той последней ужасной битвы в небе над Лондоном, когда он сбил «Лифт на тринадцатый этаж» и видел, как сгорела вся его команда в пылающей гондоле, Том поклялся, что «Дженни» будет мирным кораблем. С тех пор ее ракетницы пустовали. Теперь Том жалел о своей излишней совестливости. Из-за него Эстер и профессор Пеннироял вот-вот попадут в лапы Зеленой Грозы.

Совсем рядом ухнула еще одна ракета. Пора принимать отчаянные меры. Том снова призвал на помощь Квирка, резко повернул руль на левый борт и погнал «Дженни» полным ходом в горный лабиринт. Дирижабль то

оказывался в тени изрезанных ветром базальтовых утесов, то снова выскакивал на яркий солнечный свет.

А далеко внизу, прямо по курсу, тоже шла охота. Крошечный городок-кладоискатель удирал по горному ущелью в южном направлении, а за ним, разинув челюсти, катил большущий ржавый трехпалубный город.

Том направил «Дженни» к городу-охотнику, то и дело поглядывая в перископ, – трое Лисиц-оборотней по-прежнему висели у него на хвосте. Пеннироял грыз ногти и невнятно бормотал имена каких-то малоизвестных богов:

– О великий Поскитт! О Диббл, сохрани нас и помилуй!

Эстер снова включила радио и стала вызывать быстро приближающийся город, прося разрешения на посадку.

Пауза. Очередная ракета выбила тучу пара и мелких осколков из горного склона в тридцати метрах за кормой. Потом в репродукторе затрещало и послышался женский голос, говоривший на аэросперанто с сильным славянским акцентом:

– На связи портовое управление города Новая-Нижний. Посадку не разрешаем.

– Что? – завизжал Пеннироял.

– Но так же не… – начал Том.

– У нас чрезвычайная ситуация! – сказала Эстер в микрофон. – За нами гонятся!

– Мы знаем, – ответил голос сквозь треск радиопомех. Ответил с сожалением, но твердо. – Нам не нужны проблемы. Новая-Нижний – мирный город. Просьба не приближаться, иначе мы откроем огонь.

Ракета, выпущенная ведущим дирижаблем Лисиц-оборотней, взорвалась у самой кормы. Хриплые голоса авиаторов Зеленой Грозы на мгновение заглушили угрозы Новой-Нижнего, затем женский голос послышался вновь и очень настойчиво предупредил:

– Не приближайтесь, «Дженни Ганивер», или мы будем стрелять!

Вдруг у Тома появилась идея.

Некогда было объяснять Эстер, что он задумал. Да и вряд ли она бы одобрила, ведь эту уловку он позаимствовал у Валентайна. Она была описана в «Приключениях практикующего историка», одной из тех книг, которые он читал с замиранием сердца, когда еще был учеником и не знал, какие они на самом деле, настоящие приключения. Выпустив струю газа из верхних клапанов, «Дженни» камнем полетела вниз, грозя на всем ходу врезаться в город. Голос из репродуктора вмиг поднялся до визга, Эстер и Пеннироял тоже закричали. Том провел корабль над самыми крышами

ржавых фабричных зданий на краю средней палубы, проскочил между двумя огромными опорными столбами и нырнул в тень верхней палубы. Две Лисицы-оборотня резко замедлили ход, но их предводитель был смелее и ринулся вслед за своей добычей в самое сердце города.

Том впервые посетил Новую-Нижний, причем визит оказался весьма коротким. Насколько он успел разобрать, город был построен примерно по тому же плану, что и бедный старый Лондон. От центра каждой палубы расходились широкие радиальные улицы. Вдоль одной из них и мчалась «Дженни Ганивер» на высоте уличных фонарей. Из верхних окон таращились испуганные лица, пешеходы разбегались кто куда, спеша убраться с дороги. Ближе к центру яруса громоздилась чаща опорных колонн и лифтовых шахт.

Маленький воздушный кораблик проскользнул между ними, исполнив головокружительный слалом, оставляя зазор не больше нескольких сантиметров, поцарапав оболочку баллона и ободрав краску с лопастей рулевого винта. Их преследователю повезло меньше. Ни Эстер, ни Том не разглядели, что именно произошло, зато они услышали душераздирающий треск, который заглушил даже рев моторов «Дженни», и увидели в перископ, как сыплются на городскую палубу обломки. Гондола Лисицы-оборотня, зацепившаяся за навесные трамвайные пути, раскачивалась, как пьяная.

Миг – и они вырвались на ослепительный солнечный свет по другую сторону города. Казалось, они спаслись, и даже оцепеневший от страха Пеннироял закричал «ура!» в порыве восторга, объединившего всех троих. Но Зеленая Гроза так легко не сдавалась. Когда «Дженни» вынырнула из тянувшегося за городом шлейфа выхлопных газов, двое оставшихся Лисиц-оборотней поджидали средь ясного неба.

Ракета ударила по двигателям правого борта, взрывом выбило стекла в иллюминаторах рубки, воздушная волна бросила Эстер на пол. Кое-как поднявшись на ноги, девушка увидела Тома, по-прежнему склоненного над приборной доской. Его волосы и одежда были, словно инеем, припорошены стеклянной крошкой. Пеннироял сидел на полу, привалившись к ножке стола. Из ссадины на лысой голове тонкой струйкой сочилась кровь в том месте, где его задел, падая, медный огнетушитель. Эстер подтащила историка к скамейке у окна. Он еще дышал, но глаза у него закатились, так что из-под век виднелись только два полумесяца белков. Казалось, профессор с интересом изучает внутренность собственной головы.

Еще попадание. Мимо иллюминатора пролетел, крутясь, кусок

лопасти пропеллера и стремительно умчался вниз, к снеговым полям, словно бумеранг, не попавший в цель. Том навалился на рычаги управления, но «Дженни Ганивер» уже не слушалась его – то ли рули снесло, то ли порвались подсоединенные к ним тросы. Бешеный порыв ветра, с воем промчавшись через горное ущелье, бросил «Дженни» в сторону Лисиц-оборотней. Ближайший из двух кораблей резко свернул, чтобы избежать столкновения, и тут же врезался в своего напарника.

Рубка «Дженни» наполнилась зловещими багровыми отсветами близкого взрыва. Когда Эстер снова смогла хоть что-то видеть, небо было полно разлетающихся во все стороны обломков. Эстер слышала, как с треском и грохотом куски Лисиц-оборотней рушатся на склоны горного перевала далеко внизу, как урчат моторы Новой-Нижнего в нескольких километрах за кормой, как скрипят и грохочут гусеницы города, тяжело ползущего на юг, как громко и быстро бьется ее собственное сердце. Девушка вдруг поняла, что моторы «Дженни» молчат. Судя по тому, с каким отчаянием Том дергал рычаги управления, надежды запустить их вновь было очень мало. В разбитые иллюминаторы задувал резкий ветер, принося с собой снежинки и холодный, чистый запах льда.

Эстер наскоро произнесла про себя молитву за упокой души авиаторов Зеленой Грозы, надеясь, что их духи немедленно отправятся в Страну, не ведающую солнца, и не станут задерживаться, досаждая оставшимся в живых. Потом она немного скованно подошла к Тому. Том бросил бесполезную борьбу с пультом управления и обнял Эстер. Они стояли рядом, обхватив друг друга, и смотрели вперед. «Дженни» дрейфовала над отрогом большого вулкана. Дальше уже не было гор, только бесконечная голубовато-белая равнина до самого горизонта. Они были отданы на милость ветра, и ветер уносил их, беспомощных, вглубь Ледяных Пустошей.

Глава 6
Надо льдом

Бесполезно, – сказал Том. – Я не могу исправить моторы, пока мы не приземлились, а если мы здесь приземлимся…

Можно было не договаривать. Прошло три дня после катастрофы над Драконьим перевалом. Под дрейфующей, покалеченной «Дженни Ганивер» расстилался пейзаж, неприветливый, как морозная луна: иссеченная перекрещивающимися трещинами пустыня, покрытая толстым слоем древнего льда. Тут и там через белизну пробивались вершины гор, но и они были безжизненными, белыми и неприветливыми. Ни следа движущихся городов или кочевников-снегоходов и никакого ответа на сигналы бедствия, которые «Дженни» регулярно посылала в эфир. Хотя до вечера было еще далеко, солнце уже садилось – тусклый красный диск, не дающий тепла.

Эстер обхватила Тома руками и почувствовала, что он весь дрожит, несмотря на толстое авиаторское пальто, подбитое овчиной. Было ужасно холодно. Холод, словно живое существо, жался к телу, стараясь заползти внутрь через поры и задавить угасающую искорку тепла, еще сохранившуюся глубоко внутри. Эстер чувствовала, как ее пробирает до костей, как мороз вгрызается во вмятину, оставленную в ее черепе мечом Валентайна. Но все-таки она не так замерзла, как бедный Том, который провел целый час на гондоле правого двигателя, пытаясь обколоть с него лед и исправить повреждение.

Эстер отвела Тома на корму, усадила на койку у себя в каюте, набросала на него целую гору одеял и запасных курток, сама тоже забралась под них и устроилась рядышком, чтобы поделиться своим небольшим запасом тепла.

– Как Пеннироял? – спросил Том.

Эстер хмыкнула. Трудно сказать… Путешественник не приходил в сознание, и девушка начинала подозревать, что никогда не придет. В эту минуту он лежал в постели, которую она соорудила для него в камбузе, укрыв его собственным спальным мешком и несколькими одеялами, без которых ей с Томом было вовсе не легко обойтись.

– Каждый раз, как я думаю, что он наконец умер, он шевелится и что-то бормочет, и у меня духу не хватает сбросить его за борт.

Эстер задремала. Спать было легко и приятно. Ей снилось, что каюту вдруг наполнил какой-то странный свет – мерцающее, переменчивое

зарево, похожее на свет от МЕДУЗЫ. Вспомнив ту ночь, она крепче прижалась к Тому и нашла его губы своими. Когда она открыла свой единственный глаз, оказалось, что свет никуда не исчез, он по-прежнему пробегал по ее лицу мигающими бликами.

– Северное сияние, – прошептал Том.

Эстер вздрогнула:

– Кто? Где?

– Северное сияние, – со смехом повторил Том, указывая на иллюминатор.

В ночи надо льдом повисла мерцающая разноцветная вуаль, то зеленая, то красная, то золотая, то всех цветов сразу, то почти совсем угасая, то вспыхивая ослепительно сияющими полотнищами.

– Я всегда мечтал посмотреть на него, – сказал Том. – С тех пор как прочел о нем в книге Чун-Мая Споффорта «Зимовка среди снегоходов». И нате вам, вот оно! Словно специально для нас приготовили.

– Поздравляю, – буркнула Эстер и уткнулась лицом в мягкую ямку у него под подбородком, чтобы не видеть огней.

Они, конечно, очень красивые, но это слишком громадная, нечеловеческая красота, и Эстер невольно пришло в голову, что скоро эти огни станут ее погребальными светильниками. Скоро вес льда, намерзшего на оболочке и на такелаже «Дженни», прижмет их к земле, и там, среди мрака и морозных шорохов, Эстер и Том уснут вечным сном.

Она почти не чувствовала страха. Было так славно дремать в сонных объятиях Тома, ощущая, как тепло понемногу уходит из нее. Все знают, что богиня смерти благоволит к влюбленным, которые умерли, обнявшись, и вместе спустились в Страну, не ведающую солнца.

Единственная неприятность – ей вдруг понадобилось пописать. Чем больше она старалась игнорировать эту проблему, сосредоточиться и спокойно ожидать, пока ее коснется темная богиня, тем настойчивее мочевой пузырь напоминал о себе. Не хотелось отвлекаться от процесса умирания, но и перейти в загробную жизнь в мокрых штанах тоже не очень-то романтично.

Ворча и ругаясь, она выбралась из-под вороха одеял и осторожно двинулась вперед, поскальзываясь на обледеневшей палубе. Биотуалет разнесло на куски прямым попаданием ракеты, зато на его месте в полу образовалась чрезвычайно удобная дыра. Эстер присела над нею и как можно скорее сделала свое дело, охая от свирепого мороза.

Ей хотелось сразу же вернуться к Тому, и позже она жалела, что не сделала этого, но что-то словно толкнуло ее вперед, в тишину рубки.

Сейчас здесь было очень красиво – приборы на пульте управления тускло мерцали под слоем инея. Эстер опустилась на колени перед маленьким алтарем, где стояли статуэтки богини неба и бога пилотов. Многие авиаторы украшали свои алтари портретами предков, но у Тома и Эстер не сохранилось изображений умерших родителей, поэтому они прикрепили к стене над алтарем фотографию Анны Фанг, которую отыскали в сундуке в каюте, пока ремонтировали «Дженни». Эстер произнесла короткую молитву, обращаясь к ней и надеясь, что Анна будет им другом там, в Стране, не ведающей солнца.

Она уже снова встала, чтобы вернуться к Тому, и тут случайно взглянула вниз и увидела на льду скопление огней. Сначала она подумала, что это просто отражение того странного небесного свечения, которое так нравилось Тому. Но эти огоньки не двигались, не меняли цвет, только чуть-чуть мигали в морозном воздухе. Девушка подошла поближе к разбитому иллюминатору. От холода у нее заслезился глаз, но через какое-то время она различила темную массу позади огней, а выше – бледный шлейф тумана или пара. Перед ней был маленький ледовый город, на расстоянии около десяти километров по левому борту, и этот город двигался на север.

Эстер постаралась заглушить странное, неблагодарное чувство разочарования и пошла будить Тома. Она хлопала его по щекам, пока он не пошевелился и не застонал:

– Что такое?

– Кто-то из богов нас пожалел, – сказала Эстер. – Мы спасены.

Когда Том выбрался в рубку, город был уже значительно ближе – благоприятный ветер нес их почти прямо на него. Городок был совсем небольшой, двухпалубный, он катил по льду на широких железных полозьях. Том навел на него бинокль и увидел пологие изогнутые челюсти, образующие нечто вроде снегового плуга, а сзади – огромное колесо с крючьями, которое толкало город по льду. Это был изящный город с высокими полукруглыми зданиями на верхнем уровне и чем-то вроде дворцового комплекса ближе к корме, но выглядел он как-то печально: видны были пятна ржавчины и много неосвещенных окон.

– Не понимаю, почему мы не поймали их радиомаяк, – пробормотала Эстер, вертя рукоятки настройки приемника.

– Может, у них нет маяка, – сказал Том.

Эстер прошлась по всем диапазонам радиоволн, ловя попискивание радиомаяка. Но ничего не было слышно. Все это казалось странным и немного зловещим – одинокий город, молча пробирающийся на север. Но когда Эстер обратилась к городу по открытому каналу радиосвязи, ей

вполне дружелюбно ответил по-англичански начальник порта, а через полчаса прилетел племянник начальника порта на маленьком зеленом воздушном буксирчике под названием «Хохлатый баклан» и взял «Дженни Ганивер» на буксир.

Прошло совсем немного времени, северное сияние и яркие льдинки звезд едва успели поблекнуть в лучах арктического рассвета, когда дирижабли совершили посадку в почти совершенно безлюдной гавани в носовой части верхней палубы. Начальник порта и его жена, оба добродушные, кругленькие, смуглые, словно желуди, в куртках с капюшонами и меховых шапках, провели «Дженни» в ангар, купол которого раскрылся, как цветок, впуская ее, и отнесли Пеннирояла на носилках в свой дом, находившийся за конторой портового управления. Там, в теплой кухне, новоприбывших ждали кофе, бекон и горячие булочки. Пока Том и Эстер ели, хозяева стояли рядом, одобрительно улыбались и приговаривали:

– Добро пожаловать, путешественники! Добро пожаловать, добро пожаловать! Добро пожаловать в Анкоридж!

Глава 7
Город-призрак

Была среда, а по средам шофер Фрейи всегда возил ее в Храм ледяных богов, чтобы она могла обратиться к ним за советом и руководством. Храм стоял в каких-нибудь десяти метрах от дворца, на том же возвышении недалеко от кормы города. На самом деле не было никакой необходимости вызывать шофера, усаживаться в официального «жука», проезжать это короткое расстояние и снова вылезать из машины, но Фрейя каждый раз добросовестно проделывала всю процедуру. Маркграфине не подобает ходить пешком.

И вот она опять стоит на коленях в храме-холодильнике, озаренная слабым светом свечей, смотрит снизу вверх на прекрасные ледяные статуи Господина и Госпожи и просит их сказать, что ей делать, или хотя бы дать знак, который подтвердил бы, что все, сделанное до сих пор, было правильно. И снова нет ответа: ни чудесного сияния, ни голосов, шепчущих у нее в голове, ни морозных узоров на полу, складывающихся в слова. Только ровный гул двигателей, от которого чуть подрагивают плиты палубы под ее коленями, да зимние сумерки жмутся к окнам. Внимание невольно рассеивается, в голову лезут какие-то нелепые, раздражающие мысли – например, эти постоянные пропажи во дворце. Ее сердило и немножко пугало, что кто-то может заходить в ее покои и брать ее вещи. Она попробовала спросить ледяных богов, кто же вор, но они, конечно, снова промолчали.

Под конец она помолилась за маму и папу. Интересно, каково им сейчас в Стране, не ведающей солнца? После того как они умерли, Фрейя начала понимать, что никогда по-настоящему их не знала – не так, как другие знают своих родителей. За нею всегда присматривали няньки и прислужницы, маму с папой она видела только за обеденным столом и во время торжественных церемоний. Она называла их «ваше сиятельство» и «сэр». Ближе всего друг к другу они бывали в те редкие летние вечера, когда отправлялись на пикник на ледовой барке маркграфини – скромные, без затей семейные вылазки на природу: только Фрейя, мама, папа да человек семьдесят придворных и слуг. Потом пришла чума, и Фрейе не разрешали даже видеться с родителями, а потом они умерли. Слуги положили их на барку, подожгли и спустили горящую барку на лед. Фрейя стояла у окна, смотрела, как дым поднимается к небу, и у нее было такое

чувство, словно отца с матерью никогда и не было на свете.

Шофер ждал у дверей храма, расхаживал взад-вперед и рисовал на снегу узоры носком сапога.

– Домой, Смью, – распорядилась она.

Шофер засуетился, откидывая крышку «жука», а Фрейя смотрела вперед, в сторону носовой части, и думала о том, что в последнее время в верхнем городе до жалости мало светится окон. Она вспомнила, как издала манифест с разрешением всем желающим из рабочих машинного квартала занимать пустующие виллы вместо своих тесных квартирок на нижней палубе, но мало кто захотел переехать. Может, им нравятся эти тесные квартирки? Может быть, они чувствуют себя спокойнее в привычной обстановке, так же как и она?

Внизу, у воздушной гавани, среди белых и серых оттенков выделялось ярко-красное пятно.

– Смью? Что там такое? Неужели к нам прибыл дирижабль?

Шофер отвесил поклон:

– Встал на якорь прошлой ночью, ваше сиятельство. Торговое судно под названием «Дженни Ганивер». Их подстрелили воздушные пираты или что-то такое, им необходим ремонт. Так говорит начальник порта Аакиук.

Фрейя вглядывалась в даль, стараясь получше рассмотреть незнакомый корабль. Трудно было что-нибудь разглядеть сквозь снежные вихри, которые ветер поднимал над крышами. Подумать, как странно – после такого долгого перерыва на борту Анкориджа снова расхаживают чужеземцы!

– Почему мне раньше не сказали? – спросила она.

– Как правило, маркграфине не докладывают о прибытии простых торговцев, ваше сиятельство.

– А кто же был на этом корабле? Есть интересные люди?

– Двое молодых пилотов, ваше сиятельство. И еще один человек постарше, их пассажир.

– А-а… – протянула Фрейя, моментально теряя интерес.

Она чуть было не взволновалась на минуту, подумала даже, не пригласить ли гостей во дворец, но, разумеется, маркграфине Анкориджа не подобает якшаться с бродягами-пилотами и с человеком, который не в состоянии завести собственный воздушный корабль.

– Мистер Аакиук называл имена – Нэтсуорти и Шоу, ваше сиятельство, – продолжал Смью, усаживая ее в машину. – Нэтсуорти, Шоу и Пеннироял.

– Пеннироял? Не профессор ли это Нимрод Пеннироял?

– Кажется, так. Да, так, ваше сиятельство.

– Тогда я… Тогда я…

Фрейя не знала, куда кинуться. Поправила шляпку, помотала головой. Традиции, служившие ей путеводной нитью с тех пор, как все остальные умерли, ничего не говорили на тему: «Что Следует Делать В Случае, Если Произойдет Чудо».

– Ах! – прошептала она. – Ах, Смью, я непременно должна с ним встретиться! Поезжай в гавань! Приведи его в зал совета – нет, в большой аудиенц-зал. Поезжай, как только отвезешь меня домой… нет, поезжай сейчас же! Я пойду домой пешком!

И Фрейя снова бросилась в храм, возблагодарить ледяных богов за то, что они послали ей знак, которого она так ждала.

Даже Эстер слыхала об Анкоридже. Несмотря на маленькие размеры, это был один из самых известных ледовых городов. Его название происходило еще из Старой Америки. Группа беженцев успела покинуть тот, первый Анкоридж как раз перед тем, как разразилась Шестидесятиминутная война. Они основали новое поселение на исхлестанном штормами северном острове. Там они пережили чуму, землетрясения, ледниковый период, и наконец, восемьсот лет назад, Великое движение городов пришло к ним на север. Каждому городу пришлось стронуться с насиженного места, иначе его съедали более подвижные поселения. Жители Анкориджа переоборудовали свой родной город и пустились в бесконечные странствия по ледяным просторам.

Город не был хищником. Небольшие челюсти использовались только для сбора попадающихся на пути обломков и для добычи пресноводного льда, необходимого для работы паровых котлов. Обитатели Анкориджа жили торговлей. Они путешествовали по окраинам Ледяных Пустошей, подсоединялись при помощи изящных мостиков-сходней к другим миролюбивым городам и предоставляли им свою рыночную площадь, где собирались археологи и кладоискатели, чтобы продать находки, вырубленные из-подо льда.

Что же Анкоридж делает здесь, за много километров от торговых путей, зачем направляется на север, навстречу наступающей зиме? Эти вопросы не давали Эстер покоя, пока она помогала швартовать «Дженни Ганивер», и продолжали тревожить девушку, когда она проснулась, отдохнувшая, после долгого сна в домике начальника порта. В сизых сумерках, которые здесь сходили за дневной свет, было видно, что белые дома вокруг воздушной гавани покрыты потеками ржавчины, многие окна

разбиты и смотрят черными провалами, как пустые глазницы скелетов. Саму гавань, казалось, тоже вот-вот захлестнет волна ржавчины. Резкий, холодный ветер наметал грязные сугробы из снега вперемешку с мусором у стен пустых ангаров, тощая собачонка задрала лапу возле кучи старых сцеплений от вагонов небесного трамвая.

– Такая жалость, такая жалость! – приговаривала миссис Аакиук, жена начальника порта, занимаясь приготовлением завтрака для своих молодых гостей. – Видели бы вы наш милый город в прежние времена! Такие богатства, такое оживленное движение! Да когда я была еще девочкой, дирижабли в гавани частенько выстраивались в очередь штук по двадцать в высоту, дожидаясь, пока освободится место для стоянки. Небесные катера, и яхты, и гоночные шхуны прилетали попытать счастья в Арктической регате, приходили роскошные громадные лайнеры, которые назывались именами древних кинокоролев – «Одри Хепбёрн» и «Гун Ли».

– И что же случилось? – спросил Том.

– Ах, все переменилось, – грустно ответила миссис Аакиук. – Добычи стало мало, и крупные города-хищники вроде Архангельска, которые раньше и смотреть-то на нас не хотели, теперь гоняются за нами при всяком удобном случае.

Ее муж кивнул, разливая по кружкам дымящийся кофе.

– А в этом году случилась чума. Мы приняли на борт несколько кладоискателей-снегоходов, они нашли обломки древнего орбитального оружия, рухнувшего на лед в окрестностях полюса, а оказалось, что эти обломки заражены каким-то ужасным искусственным вирусом, оставшимся от Шестидесятиминутной войны. Ах, да вы не пугайтесь: эти старинные боевые вирусы очень быстро выполняют свою работу, а потом мутируют и превращаются в нечто совершенно безвредное. Но болезнь распространилась по всему городу, словно лесной пожар, и убила сотни людей. Погибли даже старая маркграфиня и ее консорт. Когда все кончилось и карантин был снят, многие уже не видели никакого будущего для Анкориджа. Они поделили между собой имеющиеся дирижабли и отправились строить свою жизнь заново в другие города. Едва ли нас здесь осталось больше пятидесяти человек.

– И все? – изумился Том. – Как может такое небольшое количество людей поддерживать на ходу город такого размера?

– Никак не может, – ответил Аакиук. – По крайней мере, не вечно. Но старый мистер Скабиоз, наш мастер-механик, творит чудеса с помощью автоматизированных систем, хитрых приспособлений олд-тека и тому подобного. С ним мы сможем продержаться достаточно долго.

– Достаточно долго для чего? – подозрительно спросила Эстер. – Куда вы направляетесь?

Улыбка начальника порта мгновенно угасла.

– Этого я не могу вам сказать, мисс Эстер. Кто поручится, что вы не полетите продавать эти сведения Архангельску или еще какому-нибудь хищнику? Не хватало нам еще угодить в засаду на Высоком льду. Доедайте-ка свои гамбургеры, и пойдем посмотрим, не найдется ли у нас запчастей для вашей бедненькой побитой «Дженни Ганивер».

Они доели, и начальник порта повел их через доки в огромный склад, чья изогнутая кровля по форме напоминала кита. Внутри в полумраке громоздились в шатком равновесии отслужившие свой срок двигатели и части гондол вперемешку с запасными деталями, снятыми с дирижаблей, которые отправились на слом, и изогнутыми алюминиевыми стойками от баллонов, похожими на ребра какого-нибудь великана. Под потолком висели пропеллеры всевозможных размеров, тихонько покачиваясь в такт движению города.

– Раньше этот склад принадлежал моему брату, – сказал Аакиук, освещая завалы рухляди электрическим фонариком. – Но он умер во время чумы, так что теперь, наверное, все это мое. Будьте спокойны, я умею чинить практически любые поломки, а делать мне в последнее время все равно нечего.

Они пробирались вслед за начальником порта в ржавой темноте, и вдруг как будто что-то маленькое, тихонько звякнув, шмыгнуло прочь между стеллажами, заваленными всевозможным металлоломом. Эстер, настороженная, как всегда, быстро повернулась в ту сторону, вглядываясь во тьму своим единственным глазом. Ничто не шевелилось. Наверное, среди такого скопища всяческого хлама постоянно падают небольшие предметы? В здании с разболтанными амортизаторами, которые скрипят и дергаются во время движения города по льду? И все-таки Эстер никак не могла избавиться от ощущения, что кто-то за ней наблюдает.

– Двигатели Жёне-Каро, не так ли? – спрашивал тем временем мистер Аакиук.

Ему явно понравился Том. Том всегда всем нравился. Начальник порта очень старался ему помочь, лазил по кучам запчастей и сверялся с записями в большущей заплесневелой амбарной книге.

– Кажется, вот это вам подойдет. Газовые аккумуляторы у вас старой тибетской работы, судя по виду. Что не сможем залатать, я заменю отличными элементами RJ50 от «Ястреба-Мотылька» с Чжань-Шаня. Да, думаю, недели через три ваша «Дженни Ганивер» снова сможет подняться

в воздух.

Далеко внизу, в темно-синем мраке, три пары внимательных глаз не отрывались от маленького экрана, рассматривая зернистое изображение Тома, Эстер и начальника порта. Три пары ушей, бледных, как подземные грибы, ловили каждое слово, которое произносили искаженные электроникой голоса, чуть слышным шепотом долетавшие из верхнего мира.

* * *

Когда вернулись в дом начальника порта, миссис Аакиук снарядила Тома и Эстер, вручив им по паре сапог, надевающихся поверх обычной обуви, снегоступы, термобелье, толстые свитера из неочищенной шерсти, варежки, шарфы и куртки с капюшонами. Еще она дала им специальные маски для защиты от мороза, подбитые овечьей шерстью, со слюдяными окошечками для глаз и с фильтром для дыхания. Миссис Аакиук не сказала, откуда у нее все эти вещи, но Эстер заметила на домашнем алтаре несколько фотографий, украшенных траурными ленточками, и догадалась, что их с Томом одели в костюмы умерших детей Аакиуков. Она от души надеялась, что чумные бактерии действительно погибли, как уверял начальник порта. Но маска ей понравилась.

На кухне они увидели профессора Пеннирояла, который сидел у печки, опустив ноги в тазик с горячей водой. Голова у него была перевязана. Он был довольно бледный, но в остальном такой же, как всегда, – шумно прихлебывал из кружки чай, который миссис Аакиук заварила из мха, и радостно приветствовал Эстер и Тома.

– Душевно рад видеть вас живыми и здоровыми! Какие приключения мы с вами пережили, а?! Найдется что включить в мою следующую книгу…

На стене рядом с печью задребезжал латунный телефон. Миссис Аакиук торопливо сняла трубку, внимательно выслушала сообщение, которое передавала ей ее приятельница, миссис Умиак, работавшая на телефонной станции. Лицо миссис Аакиук расплылось в сияющей улыбке, а когда она повесила трубку и обернулась к гостям, то едва могла говорить от волнения.

– Замечательные новости, мои дорогие! Маркграфиня даст вам аудиенцию! Сама маркграфиня! Она пришлет за вами шофера, чтобы он

отвез вас в Зимний дворец! Такая честь! Подумать только, вы поедете из моей скромной кухни прямиком в аудиенц-зал маркграфини!

Глава 8
Зимний дворец

Что такое «маркграфин»? – шепнула Эстер на ухо Тому, когда они снова вышли на мороз. – Сосуд какой-нибудь?

– Маркграфиня, – поправил Том. – Я думаю, это что-то вроде женщины-мэра.

– Маркграфиня, – вмешался в разговор Пеннироял, – это женский вариант маркграфа. Во многих северных городах сохранилось нечто подобное: наследственная правящая семья, где титул передается из поколения в поколение. Маркграф. Бейлиф. Граф. В Айзенштадте – курфюрст. В Архангельске – директор. Здесь очень трепетно относятся к традициям.

– Ну не знаю, почему бы им просто не назвать ее мэршей, да и дело с концом, – проворчала Эстер.

У ворот порта их поджидал «жук» – электромобиль вроде тех, которые Том помнил еще по Лондону, хотя там ему не встречались такие красивые машины. «Жук» был выкрашен в ярко-красный цвет с золотой буквой «Р» на боку, окруженной вычурными завитушками. Единственное заднее колесо было крупнее, чем у обычного «жука», и утыкано шипами для лучшего сцепления со снегом. Над двумя передними колесами – изогнутые крылья, а над ними – большие электрические фары; в их лучах плясали снежинки.

Шофер увидел, что гости идут, и откинул стеклопластиковую крышу. Он был одет в красную униформу с золотым галуном и эполетами, и когда выпрямился в полный рост, отдавая честь, то едва доставал Эстер до талии. Ребенок, подумала она сперва, но тут же увидела, что на самом деле он намного старше ее. На низеньком туловище сидела голова взрослого мужчины. Эстер быстро отвела глаза – она поняла, что уставилась на него с точно таким обидным жалостливым любопытством, с каким, бывало, смотрели на нее саму.

– Мое имя Смью, – сказал шофер. – Ее сиятельство поручила мне доставить вас в Зимний дворец.

Эстер и Том забрались в машину и устроились, основательно притиснутые, по бокам профессора Пеннирояла. Он занял на удивление много места для такого некрупного человека. Смью захлопнул крышу, и они отправились. Том оглянулся помахать Аакиукам, смотревшим в

окошко, но воздушная гавань уже скрылась в зимних сумерках, за летящим снегом. «Жук» ехал по широкой улице, по обеим сторонам которой тянулись крытые аркады. Мелькали магазины, рестораны, роскошные виллы – все темные, мертвые.

– Это Расмуссен-проспект, – сообщил Смью. – Весьма изысканная улица. Проходит через центральную часть верхнего города от носа до кормы.

Том рассматривал все вокруг сквозь прозрачный колпак «жука». Его поразила печальная красота этого места, но от царящей здесь пустоты делалось жутко. Куда стремится этот город, зачем он мчится к безжизненному северу? Том вздрогнул в своих теплых одежках – ему вспомнился другой город, где им пришлось побывать, который тоже направлялся неизвестно куда с какой-то загадочной целью: Танбридж-на-Колесах, чей свихнувшийся мэр загнал свой город в водную могилу Хазакского моря.

– Приехали, – внезапно объявил Смью. – Зимний дворец, резиденция дома Расмуссен в течение восьми столетий.

Они приближались к корме. Мотор «жука» взревел на подъеме по длинному пандусу. На возвышении стоял дворец, который Том видел с высоты накануне ночью: завиток белого металла с острыми шпилями и обледенелыми балконами. Верхние этажи казались пустыми и заброшенными, но в окнах нижних этажей кое-где горел свет, а в бронзовых газовых светильниках возле круглой парадной двери плясали веселые огоньки.

«Жук» остановился, скрипя по снегу. Смью откинул колпак, чтобы пассажиры могли выйти из машины, затем взбежал по ступенькам и, отворив входную дверь, впустил их в небольшое помещение – тепловой шлюз. Шофер закрыл раздвижные двери, и через несколько секунд, когда холодный воздух, принесенный с улицы, согрелся благодаря действию отопительных батарей, встроенных в потолок и стены, открылась внутренняя дверь. Смью повел гостей в коридор, стены которого были обшиты деревянными панелями и увешаны гобеленами. Впереди показались гигантские двойные двери, отделанные бесценными сплавами древних технологий. Смью постучал, пробормотал: «Подождите, пожалуйста, здесь» – и умчался в один из боковых коридоров. Здание тихонько поскрипывало, покачиваясь в такт движению города. Пахло плесенью.

– Не нравится мне это, – сказала Эстер, глядя на паутину, которая толстой вуалью окутывала канделябры и свисала с труб парового

отопления. – Зачем нас сюда зазвали? Может, это ловушка.

– Вздор и чепуха, мисс Шоу, – фыркнул Пеннироял, изо всех сил стараясь не подавать виду, что его напугало ее предположение. – Ловушка? Для чего маркграфине расставлять нам ловушку? Не забывайте, это же благородная дама, нечто вроде женщины-мэра.

Эстер пожала плечами:

– Я в своей жизни встречала только двух мэров, и в них не было ничего особенно благородного. Они оба были совершенно сумасшедшие.

Двери вдруг вздрогнули и поползли в стороны, скрежеща подшипниками. За дверью стоял Смью. Теперь он был одет в длинный синий балахон и шестиугольную шляпу, а рука его сжимала посох в два раза выше его самого. Он приветствовал гостей с такой торжественностью, словно в глаза их раньше не видел, а затем трижды ударил посохом в металлический пол.

– Профессор Нимрод Пеннироял с сопровождающими! – провозгласил он и отступил в сторону, освобождая проход в просторный зал с колоннами.

Со сводчатого потолка свисал ряд светильников в виде шаров, заполненных аргоном. Они отбрасывали на пол круглые пятна света, образующие дорожку, которая вела в дальний конец огромного зала. Там, на возвышении, кто-то сидел и ждал, развалившись в небрежной позе на пышно украшенном троне. Эстер нашла на ощупь руку Тома, и они зашагали рядышком вслед за Пеннироялом, попадая то в тень, то на свет, то в тень, то на свет, пока не остановились у подножия трона, глядя снизу вверх в лицо маркграфини.

Почему-то оба ожидали, что увидят перед собой старушку. Все в этом тихом, выцветшем доме говорило о дряхлости и распаде, о древних обычаях, сохранившихся до наших дней, хотя их смысл давно забыт. Но девушка, надменно смотревшая на них сверху вниз, была даже младше Эстер и Тома. Да ей же никак не больше шестнадцати! Полненькая, хорошенькая, одетая в изысканное льдисто-голубое платье, поверх которого накинута белая мантия с воротником из лисьего меха. Чертами лица чем-то напоминает эскимосов, как мистер Аакиук и его жена, только у девушки очень светлая кожа и золотистые волосы. Цвета дубовых листьев осенью, подумала Эстер, пряча лицо. Красота маркграфини заставила ее почувствовать себя маленькой, ничтожной, никому не нужной. Эстер принялась выискивать недостатки во внешности незнакомки. Она слишком толстая. И шею ей не мешало бы помыть. А красивое платье погрызла моль, да и застегнуто оно не на ту пуговицу…

Том стоял рядом с Эстер и думал: «Такая молодая – и уже в ответе за

целый город! Неудивительно, что у нее грустный вид. Но какая же она красавица!»

– Ваша милость, – обратился к ней Пеннироял с низким поклоном. – Позволено ли мне будет сказать, как глубоко я благодарен за то, что вы и ваши люди с такой добротой отнеслись ко мне и моим юным спутникам…

– Меня нужно называть «ваше сиятельство», – произнесла девушка. – Или «свет ледяных полей».

Наступила неловкая пауза. Что-то тихонько шуршало и позвякивало в толстых трубах парового отопления, которые змеились по потолку, обогревая дворец отработанным теплом от двигателей. Девушка на троне рассматривала своих гостей. Наконец она заговорила:

– Если вы Нимрод Пеннироял, почему на фотографии вы не такой толстый и совсем не такой лысый?

Она взяла с маленького столика книгу, показывая заднюю сторону обложки. Тот, кто был там изображен, мог бы быть младшим братом Пеннирояла, значительно более бодрым и свежим.

– А, ну это, видите ли, художественная вольность… – выпалил путешественник. – Тупица-художник… Я ему говорил, пусть изображает меня таким, какой я есть, с брюшком, залысинами и так далее, но вы же знаете этих живописцев, им обязательно нужно идеализировать, выявить внутреннюю сущность человека…

Маркграфиня улыбнулась. (Улыбаясь, она становилась еще красивее. Эстер решила, что она ей совершенно не нравится.)

– Я просто хотела убедиться, что это действительно вы, профессор Пеннироял, – сказала маркграфиня. – Что касается портрета, я вас очень хорошо понимаю. С меня постоянно писали портреты, еще до чумы, помещали их на тарелках, марках, монетах и тому подобных вещах, и никогда не получалось похоже…

Она внезапно замолчала, будто некая внутренняя гувернантка одернула ее, напомнив, что маркграфине не подобает болтать без умолку, словно взволнованный подросток.

– Прошу садиться, – объявила она официальным тоном и хлопнула в ладоши.

Позади трона приоткрылась дверь, из нее рысью выбежал Смью, волоча за собой несколько маленьких креслиц. На этот раз на нем был наряд лакея: фуражка-«таблетка» без козырька и тужурка со стоячим воротником. На мгновение Том подумал: уж не служат ли маркграфине трое братьев-близнецов? Но, присмотревшись поближе, понял, что Смью все тот же; он еще не успел отдышаться после всех своих переодеваний, а

из кармана у него выглядывал парик камергера.

– Нельзя ли побыстрее? – сказала маркграфиня.

– Виноват, ваше сиятельство.

Смью расставил три креслица напротив трона и снова растворился в тени. Через минуту он появился опять, толкая перед собой тележку с подогревом, на которой стояли чайник и поднос с миндальными пирожными. Вместе с ним явился еще один человек, высокий, строгий, пожилой, одетый в черное. Он кивнул гостям и занял место возле трона. Смью разлил чай в крошечные чашечки из ядерного стекла и вручил их гостям.

– Насколько я понял, вы знакомы с моими сочинениями, о свет ледяных полей? – В голосе Пеннирояла явственно слышались заискивающие нотки.

И вновь маркграфиня не удержала маску придворного этикета, из-под которой мигом выглянула взволнованная девочка.

– О да! Я обожаю историю, приключения… Я все время об этом читала, до того как… ну, до того как стала маркграфиней. Я перечитала всю классику: Валентайна, Споффорта, Тамартона Фолио… Но больше всего мне нравились ваши книги, профессор Пеннироял. Они-то и навели меня на мысль…

– Осторожнее, маркграфиня, – произнес человек, стоявший подле нее.

Голос его негромко рокотал, словно хорошо отлаженный мотор.

– Словом, – сказала маркграфиня, – поэтому так замечательно, что ледяные боги прислали вас к нам! Понимаете, это знак свыше. Знак, что я приняла правильное решение и что мы найдем то, что ищем. Теперь, когда вы здесь и будете помогать нам, разве можем мы потерпеть неудачу?

– Совсем чокнутая, – шепнула Эстер на ухо Тому.

– Признаюсь, я в некотором недоумении, ваше сиятельство, – заметил Пеннироял. – Видимо, мои умственные способности еще не совсем восстановились после удара по голове. Боюсь, я не совсем вас понимаю.

– Все очень просто, – сказала маркграфиня.

– Маркграфиня, – снова предостерегающе произнес человек, стоявший рядом с троном.

– Ах, ну не будьте же таким мрачным занудой, мистер Скабиоз! – возразила она. – Это ведь профессор Пеннироял! Ему можно доверять!

– Не сомневаюсь в этом, ваше сиятельство, – сказал Скабиоз. – А вот его юные друзья меня беспокоят. Если они узнают, куда мы направляемся, существует опасность, что они полетят и продадут нас Архангельску, как только будет починен их корабль. Директор Масгард был бы несказанно

рад заполучить мои двигатели.

– Мы бы никогда так не сделали! – воскликнул Том и хотел уже подскочить к старику, но Эстер его удержала.

– Думаю, что могу поручиться за свою команду, ваше сиятельство, – сказал Пеннироял. – Капитан Нэтсуорти – историк, как и я, он обучался в Лондонском музее.

Маркграфиня в первый раз внимательно посмотрела на Тома, да с таким восхищением, что он весь покраснел и принялся рассматривать носки своих сапог.

– В таком случае добро пожаловать, мистер Нэтсуорти, – приветливо сказала маркграфиня. – Надеюсь, вы останетесь и тоже поможете нам.

– В чем вам нужно помочь? – напрямик спросила Эстер.

– Помогите нам добраться до Америки, – ответила девушка.

Она перевернула книгу, которую держала в руках, другой стороной. На обложке был изображен мускулистый, немыслимо красивый Пеннироял, сражающийся с медведем, причем профессора подбадривала девушка в меховом купальнике-бикини. Это было первое издание книги «Прекрасная Америка».

– Она всегда была у меня самой любимой, – пояснила маркграфиня. – Наверное, поэтому ледяные боги и вложили в мою голову мысль о путешествии в Америку. Мы пробьемся через льды к тем новым зеленым землям, которые обнаружил профессор Пеннироял. Там мы заменим полозья на колеса, будем рубить деревья на топливо, станем торговать с дикарями, познакомим их со всеми преимуществами муниципального дарвинизма…

– Но, но, но… – Пеннироял ухватился за подлокотники кресла, словно находился на аттракционе «Американские горки». – Но… я хотел сказать… Канадский ледовый щит… К западу от Гренландии… Еще ни один город не пытался…

– Я знаю, профессор, – согласилась девушка. – Путешествие будет долгим и опасным, как это было и с вами, когда вы пешком выбирались по льду из Америки. Но боги с нами. Наверняка. Иначе они не послали бы нам вас. Я назначу вас почетным Главным навигатором, и с вашей помощью, я уверена, мы благополучно достигнем новых охотничьих земель.

Том в восторге от смелого замысла маркграфини повернулся к Пеннироялу.

– Какая удивительная удача, профессор! – воскликнул он. – Вы все-таки сможете еще раз побывать в Америке!

Пеннироял издал какой-то булькающий звук, глаза у него вылезли на

лоб.

– Я… Главным навигатором? Вы слишком добры, свет ледяных полей, слишком добры…

Профессор лишился чувств. Чашечка из ядерного стекла выпала из его ослабевшей руки и разлетелась вдребезги на железном полу. Смью прищелкнул языком – сервиз был частью древнего наследия дома Расмуссен, но Фрейю это не смутило.

– Профессор Пеннироял еще не оправился от слабости после своих приключений, – сказала она. – Уложите его в постель! Проветрите комнаты в гостевом крыле для профессора и его друзей. Нужно как можно лучше ухаживать за ним, чтобы он поскорее выздоровел. И бросьте квохтать из-за этой дурацкой чашки, Смью! Когда профессор приведет нас в Америку, мы сможем выкопать сколько угодно ядерного стекла!

Глава 9
Добро пожаловать на объект!

Далеко к югу, за границей льда, в холодном море высится островок. Остров этот весь черный, с острыми зубчатыми скалами, в пятнах помета чаек и поморников, которые обитают на его уступах. Крики птиц слышны за много километров. Они только и делают, что перекликаются или ссорятся между собой, ныряют в волны за рыбой или кружат огромными стаями над самой высокой вершиной, время от времени присаживаясь на крыши приземистых зданий, которые жмутся к горным склонам, или на заржавленные поручни шатких металлических мостков, облепивших утесы, словно древесные грибы – какой-нибудь трухлявый пень. Ибо, хоть это место и выглядит непригодным для жизни, когда-то здесь поселились люди. В камне с помощью взрывчатки выдолбили помещения для ангаров, в узких расщелинах примостились шарообразные резервуары с горючим, словно яйца гигантской паучихи. Именно здесь находился Разбойничий Насест – логово Рыжего Локи и его легендарной шайки воздушных пиратов.

Локи давно уже не стало. На некоторых зданиях еще сохранились следы ракетных ударов, доказывающие, что разбойник не ушел отсюда по доброй воле. Однажды тихой ночью на остров налетел с воздуха боевой отряд, порубил пиратов в мелкое крошево и завладел Насестом, устроив себе здесь базу, до которой не мог добраться ни один голодный мегаполис.

Солнце садилось. Через все небо на востоке протянулись красные, пурпурные, дымчато-оранжевые полосы. На их фоне остров выглядел еще более зловещим, чем обычно, – по крайней мере, так показалось обитателям дирижабля «Временные трудности», который приближался к Насесту с наветренной стороны, натужно пыхтя мотором. Стволы орудий медленно поворачивались, словно острия копий, отслеживая путь толстобокого старенького кораблика. Пока судно подходило к главному ангару, сопровождающие его Лисицы-оборотни кружили вокруг, словно деревенские собаки, загоняющие в овчарню упрямую овцу.

– Ну и помойка! – возмутилась одна из жен Уиджери Блинко, выглянув в иллюминатор.

– Ты говорил, если донесем на тот обшарпанный корабль, нас ждут деньги и удача, – подхватила другая. – Говорил, мы будем загорать на солнышке где-нибудь на плавучем курорте, а не болтаться неизвестно зачем

на краю света.

– Ты обещал нам новые наряды и рабов!

– Тихо, жены! – прикрикнул на них Блинко, пытаясь сосредоточиться на управлении кораблем, пока наземная команда подавала ему сигналы цветными флажками, указывая дорогу в ангар. – Побольше уважения! Это же база Зеленой Грозы! Приглашение сюда – большая честь, знак, что они ценят мои услуги!

По правде говоря, он и сам был не рад, что его заставили явиться на Разбойничий Насест. Передав по радио информацию о своей встрече с «Дженни Ганивер» на базу Зеленой Грозы, расположенную в горах Тангейзера, он рассчитывал получить в ответ «спасибо» и, может быть, хорошее денежное вознаграждение. Уж во всяком случае, он никак не ожидал, что сразу после выхода из Воздушной Гавани его окружит отряд Лисиц-оборотней и отконвоирует сюда, на остров.

– Уважение, как же! – ворчали жены, подталкивая друг друга локтями.

– Жаль только, что Зеленая Гроза не так сильно его уважает!

– Ценят его услуги, скажете тоже!

– Подумать, сколько выгодных сделок мы упускаем, пока здесь валандаемся!

– Говорила мне мама: не выходи за него замуж!

– И мне!

– И мне тоже!

– Да он и сам понимает, что нам здесь ничего хорошего не светит! Смотрите, он же сам не свой от страха!

* * *

Мистеру Блинко все еще было очень не по себе, когда он сошел с корабля и оказался в гулком, захламленном ангаре, но озабоченное выражение мгновенно сменилось покровительственной улыбкой, когда к нему подскочила и отсалютовала молоденькая девушка-субалтерн. Уиджери Блинко всегда питал слабость к хорошеньким барышням, в результате чего ему и пришлось жениться аж на пяти из них, но, хотя все пять оказались довольно-таки сварливыми, упрямыми и без конца дружно его пилили, он невольно подумал: «А не предложить ли девушке-офицеру сделаться номером шестым?»

– Мистер Блинко? – спросила она. – Добро пожаловать на Объект!

– А я думал, милашка, что это место называется Разбойничьим

Насестом.

– Командир предпочитает называть его «объектом».

– А-а.

– Я здесь, чтобы отвести вас к ней.

– К ней, вот оно как? Не знал, что в вашей организации так много дам.

Улыбка сошла с лица девушки.

– Члены Зеленой Грозы считают, что женщины и мужчины должны наравне участвовать в будущих военных действиях и победить варваров – приверженцев движущихся городов, чтобы Земля вновь зазеленела.

– О, конечно, конечно, – быстро проговорил мистер Блинко. – Всецело с вами согласен…

Такие разговоры ему совсем не нравились: военные действия крайне неблагоприятно влияют на бизнес. Но последние два года были неудачными для Лиги противников движения. Лондон подкатил чуть ли не к самым воротам Батмунх-Гомпы, а его агенты спалили Северный воздушный флот. В результате у Лиги не осталось свободных дирижаблей, чтобы прийти на помощь стационарному поселению на Шпицбергене, когда прошлой зимой на него напал Архангельск. Так последний крупный северный город противников движения угодил в брюхо хищника. Естественно, многие младшие офицеры Лиги недовольны нерешительностью Высшего Совета и рвутся отомстить. Будем надеяться, все это кончится ничем.

Плетясь за девушкой-субалтерном, мистер Блинко пытался прикинуть силы этой маленькой базы. В швартовочных ячейках стояли в полной боевой готовности хорошо вооруженные дирижабли Лисиц-оборотней. Попадалось большое количество солдат в белой форменной одежде и бронзовых шлемах. На руках у них были повязки с изображением молнии – символа Зеленой Грозы. «Крепко охраняют, – подумал Блинко, скользнув взглядом по паровым пулеметам. – Но почему? Что такого важного может происходить здесь, в этом глухом углу?»

Мимо промаршировал отряд, несущий здоровенные металлические ящики, прочно запертые, с выполненными по трафарету надписями «Хрупкое» и «Совершенно секретно». Вокруг солдат суетился лысый человечек в прозрачном пластиковом плаще поверх форменной одежды.

– Пожалуйста, осторожней! Без толчков! Там чувствительная аппаратура!

Почувствовав на себе взгляд Блинко, человечек обернулся. Между бровей у него была татуировка в виде красного колеса.

– Чем это вы тут занимаетесь? – спросил Блинко свою конвоиршу,

когда они вышли из ангара и начали подниматься по сырым туннелям и лестницам, все вверх, вверх, к самому сердцу горы.

– Это секретная информация.

– Ну уж мне-то вы могли бы сказать?

Девушка-офицер покачала головой. Грубая, бесцеремонная девица, типичная военщина, решил Блинко. Из такого материала не выйдет шестой миссис Блинко. Он стал разглядывать плакаты, развешанные по стенам туннеля. На них были изображены воздушные корабли Лиги, осыпающие дождем ракет движущиеся города; гневные лозунги призывали читателя уничтожить все города. Между плакатами были нарисованы стрелки, указывающие путь к тюремному корпусу, в казарму, на орудийные платформы и в лабораторию. Это тоже казалось довольно странным. Лига противников движения всегда свысока относилась к науке. Там считали, что любой технологический продукт, превосходящий по сложности дирижабль или ракетную установку, – это варварство и лучше с таким не связываться. Очевидно, Зеленая Гроза иначе смотрела на вещи.

Мистеру Блинко сделалось жутко.

* * *

Кабинет командира находился в одном из старых зданий на вершине острова. Когда-то здесь располагались жилые помещения шайки Рыжего Локи, и стены были сплошь изрисованы не вполне приличными картинками, которые командир велела замазать, благопристойности ради. Но сквозь тонкий слой побелки тут и там проглядывали нарисованные лица, словно призраки погибших пиратов неодобрительно взирали на новых обитателей Насеста. В дальней стене было большое круглое окно, за которым не было видно ничего примечательного.

– Это вы Блинко? Добро пожаловать на Объект!

Командир была очень молода. Мистер Блинко надеялся, что начальница базы будет хорошенькой, но она оказалась этакой высокомерной лисичкой, смуглой, черноволосой, с жестким, непреклонным выражением лица.

– Вы – тот агент, который видел «Дженни Ганивер» в Воздушной Гавани? – спросила она.

Ее руки непрерывно сжимались и разжимались, словно беспокойные коричневые пауки. А как уставилась на него своими черными глазищами! Блинко подумалось, что она, пожалуй, малость не в себе.

– Да, ваша честь, – нервно ответил он.

– Вы уверены, что это была именно она? Нет ли здесь ошибки? Может быть, вы просто состряпали эту историю, чтобы выманить обманом деньги у Зеленой Грозы?

– Нет, нет! – поспешно заверил Блинко. – О боги, нет! Я видел корабль Цветка Ветра ясно как день!

Командир отвернулась, подошла к окну и стала смотреть сквозь мутное от соли стекло на быстро темнеющее небо. Помолчав, она сказала:

– Мы сформировали на одной из наших секретных баз боевое звено Лисиц-оборотней и послали на перехват к «Дженни». Никто из них не вернулся.

Уиджери Блинко не знал, что можно на это сказать. Сказал на пробу:

– Да что вы говорите!

Она снова повернулась к нему, но он не мог разглядеть выражение ее лица на фоне освещенного окна.

– Хотя двое варварских лазутчиков, угнавшие «Дженни Ганивер» из Батмунх-Гомпы, выглядели как парочка беспризорников с Поверхности, на самом деле это были высокопрофессиональные агенты на службе у Лондона. Несомненно, они пустили в ход свое адское коварство, чтобы перехитрить нас, уничтожить наши корабли и бежать на север, в Ледяные Пустоши.

– Это, э-э… вполне возможно, командир, – согласился Уиджери Блинко, думая про себя, что это звучит крайне неправдоподобно.

Она подошла к нему вплотную, невысокая, худенькая, впилась в него горящим взглядом.

– У нас много Лисиц-оборотней. Зеленая Гроза с каждым днем набирает силу. Очень многие командиры Лиги на нашей стороне, они готовы прислать солдат и дирижабли, чтобы укрепить наши базы. Чего нам не хватает, так это разведывательной сети. Поэтому вы нам нужны, Блинко. Я хочу, чтобы вы нашли для меня этот корабль. Возвращайтесь в свой мерзкий Архангельск и прозондируйте почву, или как там это называется. Найдите «Дженни Ганивер» и варваров, которые на ней летают.

– Это, мм… ну, это можно… – протянул Блинко.

– Вам заплатят за услуги.

– Сколько? Не хотелось бы показаться меркантильным, но мне приходится содержать пять жен…

– Десять тысяч – после того как доставите корабль сюда.

– Десять ты…

– Зеленая Гроза щедро награждает своих слуг, – заверила его девушка-

командир. – Но и наказывает тех, кто нас предает. Если вы хоть слово шепнете кому-нибудь о своем задании или о том, что видели на Объекте, мы разыщем вас и убьем. Причем весьма болезненным способом. Вы меня поняли?

– А-а… Да! – пискнул Блинко, вертя шляпу в руках. – Э-э… Можно вас спросить, почему все это? Я хотел сказать – почему этому кораблю придается такое значение? Возможно, он имеет некую сентиментальную ценность для Лиги, как своего рода символ, но едва ли это стоит…

– Это стоит той суммы, которую я назвала.

Впервые девушка-командир улыбнулась – холодной, вымученной улыбкой, с какой благодарят дальнего родственника за то, что потрудился приехать на похороны.

– «Дженни Ганивер» и похитившие ее варвары могут оказаться жизненно необходимыми для той работы, которая здесь ведется. Вот и все, что вам нужно знать. Найдите ее и доставьте сюда, мистер Блинко.

Глава 10
Вундеркамера

Все врачи Анкориджа были мертвы. Лучшей сиделкой, какую удалось найти для профессора Пеннирояла, оказалась Виндолен Пай из Направляющего комитета. Когда-то она окончила курсы по оказанию первой медицинской помощи. Вызванная к постели больного в роскошной гостевой комнате на одном из верхних этажей Зимнего дворца, она держала запястье профессора своими тонкими пальцами, считая пульс по карманным часам.

– Я думаю, у него просто обморок, – объявила она диагноз. – Возможно, это от истощения или же у бедного джентльмена наступил запоздалый шок после его ужасных приключений.

– А что же мы-то в обморок не кувыркаемся? – поинтересовалась Эстер. – Мы вместе с ним пережили эти ужасные приключения и все-таки не валимся без чувств на каждом шагу, будто старые девы.

Мисс Пай, которая и сама была старой девой, сурово посмотрела на Эстер.

– По-моему, вам следует удалиться. Профессору необходимы покой, тишина и круглосуточный уход. Кыш отсюда, все!

Эстер, Том и Смью, пятясь, вышли в коридор, и Виндолен Пай решительно закрыла за ними дверь.

Том сказал:

– Наверное, он просто переволновался. Столько лет искал людей, готовых профинансировать вторую экспедицию в Америку, и вдруг оказывается, что маркграфиня ведет туда целый город…

Эстер засмеялась:

– Это невозможно! Она сошла с ума!

– Мисс Шоу! – задохнулся Смью. – Как вы можете говорить такие вещи? Маркграфиня – наша правительница и наместница ледяных богов на земле! Среди ее далеких предков была Долли Расмуссен. Она-то и вывела оставшихся в живых жителей первого Анкориджа из Америки на безопасные территории. Вполне естественно, что представительнице дома Расмуссен выпало снова привести нас на родину.

– Не понимаю, почему вы за нее заступаетесь, – буркнула Эстер. – Она с вами обращается как с грязью, прилипшей к подошве. И надеюсь, вы не думаете, что вам удалось кого-то обмануть своими переодеваниями. Мы

прекрасно заметили, что вы один и тот же.

– Я никого не пытаюсь обмануть, – с достоинством возразил Смью. – Маркграфине положен определенный штат прислуги и должностных лиц: шоферы, повара, камергеры, лакеи и так далее. К сожалению, все они умерли. Вот мне и приходится закрывать собою брешь. Я по мере сил стараюсь поддержать древние традиции.

– А кем же вы были раньше? Шофером или камергером?

– Ни тем ни другим. Я был карликом маркграфини.

– Зачем ей карлик?

– При дворе маркграфини всегда бывает карлик. Чтобы забавлять маркграфиню.

– Чем это он ее забавляет?

Смью пожал плечами:

– Вероятно, своим малым ростом.

– Разве это смешно?

– Это традиция, мисс Шоу. С тех пор как в Анкоридже случилась чума, традиции очень нам помогают. Вот ваши комнаты.

Он распахнул две двери, немного дальше по коридору. В каждой из комнат были широкие окна, большая кровать, толстые отопительные трубы. Каждая была размером приблизительно с гондолу «Дженни Ганивер».

– Они замечательные, – сказал Том с благодарностью. – Но нам нужна только одна комната.

– Об этом не может быть и речи, – сказал Смью. Он вошел в первую из комнат и принялся подкручивать вентиль на батарее. – Чтобы в Зимнем дворце молодые люди противоположного пола, не связанные браком, проживали в одной комнате – это просто неслыханно! Мало ли что может из этого выйти. Пойдут всякие нежности… Нет-нет, ни в коем случае!

В трубе вдруг что-то загремело. Смью на мгновение отвлекся, потом снова обернулся и хитро подмигнул Эстер и Тому:

Но кое-кто знал практически обо всем, что происходило в Анкоридже. Пристально глядя на экраны, слабо светившиеся в синей полутьме, наблюдатели видели нечеткие, искаженные панорамной камерой изображения Тома и Эстер, входящих вслед за карликом во вторую комнату.

– Ну и уродина!

– Вид у нее не очень-то радостный.

– А кто бы стал радоваться с таким лицом?

– Не в том дело. Она ревнует. Вы что, не видели, как Фрейя смотрела на ее дружка?

– Надоели они мне. Давайте переключаться.

– Наверное, нужно бы послать весточку Аакиукам? – спросил Том, когда Смью отрегулировал отопление во второй комнате и собрался уходить. – Они, может быть, ждут нас.

– Их уже предупредили, сэр, – сказал Смью. – Теперь вы гости дома Расмуссен.

– Мистер Скабиоз будет не очень доволен, – заметила Эстер. – По-моему, мы ему совсем не понравились.

– Мистер Скабиоз по натуре пессимист, – сказал Смью. – Это не его вина. Он вдовец, а его единственный сын Аксель погиб во время чумы. Он тяжело перенес эту потерю. Но не в его власти помешать маркграфине, коли уж она решила предложить вам свое гостеприимство. Вам очень рады в Зимнем дворце. Если что-нибудь понадобится, позвоните и вызовите слугу… Ладно, ладно – меня. Обед в семь, но, если вам будет угодно спуститься немного раньше, маркграфиня желала бы показать вам свою Вундеркамеру.

«Кого-кого?» – подумала Эстер, но ей не хотелось снова выглядеть глупой и невежественной в присутствии Тома, так что она промолчала. Когда Смью ушел, они открыли соединительную дверь, плюхнулись на кровать Тома и немножко попрыгали, испытывая пружины.

– Америка! – воскликнул Том. – Нет, ты только подумай! Она очень храбрая, эта Фрейя Расмуссен. Практически ни один город не рискует заходить на запад от Гренландии, и уж точно ни один не пытался достичь Мертвого континента.

– Не пытались, потому что он и есть мертвый, – кисло отозвалась Эстер. – Я бы, например, не стала рисковать целым городом, начитавшись книжек Пеннирояла.

– Профессор Пеннироял знает, о чем говорит, – сказал Том, храня верность ученому. – Да и не он один сообщает о зеленых участках в Америке.

– А, ты об этих пилотских легендах?

– Ну да. И есть еще карта Снори Ульвессона.

– Та, про которую ты мне рассказывал? Которая так удачно исчезла, пока никто не успел ее проверить?

– Ты хочешь сказать, что профессор лжет? – спросил Том.

Эстер покачала головой. Она и сама не знала, что хотела сказать; просто ей было трудно принять на веру рассказы Пеннирояла про девственные леса и благородных дикарей. Но кто она такая, чтобы

сомневаться в его словах? Пеннироял – знаменитый путешественник, пишет книги, а Эстер в жизни своей не прочитала ни одной книжки. Том и Фрейя ему верят, а они гораздо лучше ее разбираются в таких вещах. И все-таки никак не получалось совместить образ пугливого человечка, который трясся и скулил всякий раз, как мимо «Дженни Ганивер» пролетала ракета, и отважного путешественника, сражавшегося с медведями и дружившего со свирепыми американскими туземцами.

– Завтра пойду навещу Аакиука, – сказала Эстер. – Посмотрю, как продвигается ремонт «Дженни».

Том кивнул, но при этом старался не смотреть на нее.

– Мне здесь нравится, – сказал он. – Я хочу сказать, нравится город. Здесь грустно, но очень красиво. Напоминает более привлекательные кварталы Лондона. И к тому же в отличие от Лондона он не ест другие города.

Эстер показалось, что между ними вдруг разверзлась пропасть. Пока еще совсем узенькая, словно трещина во льду, но она может стать шире.

– Том, это просто еще один движущийся город. Все они одинаковые – что хищники, что торговцы. Наверху все очень красиво, а внизу – рабы, грязища, страдания и всякие гадости. Чем скорее мы отсюда улетим, тем лучше.

Смью вернулся за ними в шесть и провел по длинной винтовой лестнице в зал для приемов, где их ожидала Фрейя Расмуссен.

Видимо, маркграфиня попыталась как-то поинтереснее убрать свои волосы, но бросила эту затею на полдороге. Моргая, она смотрела на гостей из-под чересчур длинной челки.

– Боюсь, профессор Пеннироял все еще нездоров, но я уверена, что он скоро поправится. Раз уж ледяные боги прислали его сюда, наверное, они не дадут ему умереть, правда? Это было бы несправедливо. Но вы, Том, историк из Лондона, вас наверняка заинтересует моя Вундеркамера.

– И что же это такое – Вундеркамера? – не выдержала Эстер, которой надоело, что эта избалованная девчонка постоянно ее игнорирует.

– Это мой частный музей, – ответила Фрейя. – Моя Комната чудес.

Она чихнула и стала ждать, когда к ней подойдет прислужница, чтобы вытереть нос своей госпоже; потом вспомнила, что прислужницы все умерли, и утерлась рукавом.

– Я очень люблю историю, Том. Всякие древности, которые находят при раскопках. Когда-то это были обычные, повседневные предметы, ими пользовались обычные люди, но время сделало их особенными.

Том с энтузиазмом кивнул, и маркграфиня засмеялась, почувствовав,

что встретила родственную душу.

– Когда я была маленькая, то совсем не хотела становиться маркграфиней. Я хотела быть историком, как вы, как профессор Пеннироял. Поэтому и основала свой собственный музей. Пойдем посмотрим!

Смью шел впереди, а маркграфиня всю дорогу не переставала жизнерадостно болтать. Они прошли несколько длинных коридоров, пересекли громадный бальный зал, где люстры были закутаны чехлами от пыли и пахло нафталином, и в конце концов оказались в крытой галерее со стеклянными стенами. Снаружи в темноте горели огни, освещая летящий снег и замерзший ледяной фонтан. Эстер спрятала руки в карманы и сжала их в кулаки, шагая позади Тома. «Выходит, она не просто хорошенькая, – думала Эстер, – она читала те же книги, что и он, разбирается в истории, и, несмотря на то что все ее близкие погибли от какого-то древнего олд-тековского вируса, она до сих пор ожидает от богов справедливости. Она – словно зеркальное отражение Тома. Ну куда мне с ней тягаться?»

Путешествие закончилось в круглом зале вроде прихожей, перед дверью, которую охраняли двое Сталкеров. Узнав их угловатые фигуры, Том шарахнулся назад и чуть было не закричал от ужаса, потому что одна такая древняя бронированная боевая машина когда-то гнала их с Эстер чуть ли не через все Охотничьи Угодья. Тут Смью зажег аргоновый светильник, и Том увидел, что эти Сталкеры – безжизненные обломки, ржавые металлические экзоскелеты, извлеченные изо льда и поставленные здесь, у входа в Вундеркамеру Фрейи Расмуссен, в виде украшения. Том покосился на Эстер – разделяет ли она его страх? Но она смотрела в сторону. Прежде чем Том успел привлечь ее внимание, Смью уже отпер двери и маркграфиня повела всех в музей.

Том вошел в пыльное, полутемное помещение со странным чувством, словно он вернулся домой. Правда, эта большая комната скорее походила на лавку старьевщика, чем на тщательно оформленные лондонские экспозиции, но все равно это была настоящая пещера сокровищ. Ледяные Пустоши со времен Шестидесятиминутной войны видели расцвет и падение по крайней мере двух цивилизаций, и у Фрейи имелись интересные экспонаты, относящиеся к обеим. Еще здесь находился макет Анкориджа, каким он мог выглядеть в те далекие времена, когда был еще неподвижным городом, целая полка ваз эпохи Культуры синего металла и несколько фотографий «ледяных кругов» – весьма загадочного явления, которое иногда встречается на Высоком льду.

Бродя между экспонатами как во сне, Том не замечал, что Эстер

следует за ним с большой неохотой.

– Смотри! – воскликнул он, восторженно оглядываясь через плечо. – Эстер, смотри!

Эстер смотрела и видела предметы, значение которых не могла понять по недостатку образования, да отражение собственного страхолюдного лица в стеклянных витринах. Она видела, что Том отошел еще дальше от нее, чтобы полюбоваться какой-то обшарпанной древней каменной статуей. Он был здесь настолько на своем месте, что Эстер показалось – у нее сейчас сердце разорвется.

Одно из любимейших сокровищ Фрейи хранилось в витрине в дальнем конце комнаты. Это был почти идеальный лист тонкого серебристого металла, какие встречались по всему миру на территориях, являвшихся некогда собственностью Американской империи. Древние называли его «фольга». Фрейя остановилась рядом с Томом, разглядывая витрину, любуясь отражением двух лиц в волнистой металлической поверхности.

– Сколько у Древних было всего разного…

– Удивительно, не правда ли, ваше сиятельство? – согласился Том шепотом.

Предмет, висевший в витрине, был таким древним и таким драгоценным, что казался Тому святыней. Этого листка коснулась своими перстами сама богиня истории.

– Подумать только, когда-то люди были настолько богатыми, что могли себе позволить выбрасывать такие вещи! Даже самые бедные из них жили не хуже лорд-мэра.

Они перешли к следующей витрине. Здесь хранилась коллекция тех странных металлических колечек, которые часто находят на мусорных свалках Древних. У некоторых из них до сих пор сохранилась подвеска в форме слезы с надписью: «Открывать здесь».

– Профессор Пеннироял не согласен с тем, что их выбрасывали, – сказала Фрейя. – Он утверждает, что те места, которые современные археологи называют мусорными свалками, на самом деле религиозные центры, где Древние приносили ценные предметы в жертву богам потребления. Вы не читали его книгу на эту тему? Называется «Мусор? Как бы не так!». Я вам дам почитать…

– Спасибо, – сказал Том.

– Спасибо, *ваше сиятельство*, – поправила Фрейя, но при этом так мило улыбнулась, что обидеться было невозможно.

– Конечно, – продолжала она, проводя пальчиком по пыльной

витрине, – музею нужен хранитель. Когда-то здесь был куратор, но он умер во время чумы… или убежал, не помню. Теперь все покрывается пылью и вещи постоянно воруют. Пропало несколько очень красивых старинных ювелирных изделий и парочка механизмов, хотя я не могу себе представить, кому они могли понадобиться и как кто-то мог сюда проникнуть. Но когда мы доберемся до Америки, знания о ее прошлом будут очень ценны. – Она снова посмотрела на Тома и улыбнулась. – Вы могли бы здесь остаться, Том. Мне было бы приятно думать, что моим маленьким музеем заведует настоящий лондонский историк. Можно его расширить, открыть для публики. Мы бы назвали его Институт Расмуссен…

Том глубоко вдохнул воздух музея, затхлые запахи пыли, мастики для паркета и побитых молью чучел животных. Когда он был учеником-историком, то мечтал сбежать от всего этого навстречу приключениям, но теперь, когда вся его жизнь состояла из приключений, мысль о том, чтобы снова работать в музее, отчего-то показалась удивительно заманчивой. Вдруг он нечаянно посмотрел через плечо Фрейи и увидел Эстер, которая не сводила с него глаз, – худенькую, одинокую фигурку, затерявшуюся в тени у самой двери, придерживая рукой у лица свой старый красный шарф. В первый раз он почувствовал раздражение, глядя на нее. Если бы только она была хоть чуточку покрасивее и немножко более общительной!

– Мне очень жаль, – сказал он, – но Эстер не захочет остаться здесь. Она чувствует себя счастливой только в небе.

Фрейя бросила на Эстер неприветливый взгляд. Она не привыкла получать отказы, удостоив кого-либо приглашения на службу. Ей уже начал нравиться симпатичный молодой историк. Мелькала даже мысль: быть может, ледяные боги специально послали его ей, чтобы восполнить нехватку подходящих юношей в Анкоридже? Но почему же, ах, почему же они решили прислать вместе с ним еще и Эстер Шоу? Эта девушка не просто некрасива, она прямо-таки страшна, а между тем она стоит между Фрейей и этим милым молодым человеком, словно демон, стерегущий заколдованного принца.

– Ну что ж, – сказала маркграфиня, как будто отказ нисколько не разочаровал ее, – вероятно, Аакиуку потребуется несколько недель, чтобы отремонтировать ваш дирижабль. Так что у вас будет вполне достаточно времени, чтобы обдумать мое предложение.

А про себя прибавила: «И вполне достаточно времени, чтобы послать подальше свою кошмарную подружку».

Глава 11
Беспокойные призраки

В ту ночь Том спал крепко и видел во сне музеи. Рядом с ним Эстер не могла сомкнуть глаз. Кровать была такая широкая, что с тем же успехом можно было ночевать в разных комнатах. Эстер нравилось спать, свернувшись калачиком, вплотную к Тому на узкой койке в каюте «Дженни Ганивер», уткнувшись лицом ему в волосы, прижавшись сзади коленями к его коленям, чтобы их тела сцеплялись друг с другом, словно фигурные кусочки картинки-головоломки. А здесь, на большом пухлом матрасе, Том во сне откатился от нее в сторону, и она осталась совсем одна среди сбившихся в ком влажных простыней. В комнате было слишком жарко. Сухой воздух царапал горло, а в трубах отопления, идущих под потолком, то и дело раздавались какие-то жуткие металлические звуки, словно там скреблись крысы.

В конце концов Эстер натянула куртку, сапоги и вышла из дворца на обжигающий холод, какой стоит на улице в три часа ночи. Винтовая лестница вывела ее через тепловой шлюз в машинное отделение Анкориджа, где слышался глухой, ровный гул, а в темноте между опорами верхнего уровня теснились кучками, как грибы, паровые котлы и топливные баки. Эстер двинулась в сторону кормы, думая про себя: «Сейчас увидим, как наша маленькая Снежная королева обращается со своими рабочими». Эстер мечтала о том, как после ее разоблачительных рассказов Тому перестанет нравиться это место. Она испортит ему завтрак описанием условий жизни и работы на нижней палубе!

Эстер прошла по металлическому мостику, по обеим сторонам которого, скрипя и жужжа, вращались огромные зубчатые шестерни, словно в механизме гигантских часов. По большущей суставчатой трубе спустилась ниже, на поддонный уровень, где ходили вверх и вниз поршни, приводившиеся в действие моторами какой-то древней технологии. Эстер никогда раньше не приходилось видеть двигателей такой системы. Обшитые металлическими листами сферы гудели и урчали, выстреливая лучи фиолетового света. То и дело мимо проходили деловитые мужчины и женщины, некоторые из них несли ящики с инструментами или управляли большими многорукими машинами, но не было ни скованных цепями рабов, ни наглых надсмотрщиков, которых ожидала увидеть Эстер. С расклеенных на столбах плакатов смотрело бесцветное личико Фрейи

Расмуссен, и рабочие, проходя мимо, почтительно наклоняли головы.

«Может, прав Том, – подумала Эстер, незаметно пробираясь по краешку моторной шахты. – Может быть, Анкоридж действительно мирный, цивилизованный город, каким кажется с виду. Может быть, здесь Том найдет свое счастье. Возможно, город даже осилит путь до Америки, а Том сможет остаться на борту хранителем музея Фрейи Расмуссен и обучать дикарей, рассказывать им о мире, созданном их далекими предками. Он может сохранить „Дженни“ в качестве прогулочной яхты, станет в свободное время разыскивать артефакты олд-тека в пустынях, населенных призраками…»

«Но ты ему будешь уже не нужна, верно? – спросил мучительный голосок где-то глубоко внутри. – И как же ты будешь жить без него?»

Эстер попыталась представить себе жизнь без Тома – и не смогла. Она всегда знала, что вечно это не продлится, но теперь, когда конец замаячил совсем близко, ей хотелось закричать: «Только не сейчас! Еще чуть-чуть! Еще хотя бы один год счастья. Или два…»

Она вытерла слезы, которые туманили ей глаза, и пошла быстрее, направляясь к корме, чувствуя дыхание холода и открытого пространства позади города с его теплоперерабатывающими заводами. Стук необычных двигателей затих у нее за спиной, сменившись ровным пронзительным шипением, которое становилось громче по мере приближения к корме. Еще несколько минут – и Эстер вышла на крытый тротуар, проходивший по периметру города. Он был огорожен стальной защитной сеткой, а за ней мерцали сполохи северного сияния, отражаясь в огромном ободе бесконечно крутящегося кормового колеса Анкориджа.

Эстер пересекла тротуар, прижалась лицом к холодной решетке и стала смотреть наружу. Колесо было отполировано до блеска, и среди сыплющихся отражений мелькали металлические шипы, которыми оно было утыкано; бесконечной чередой они уходили вниз, вцепляясь в лед и толкая Анкоридж к далекой цели. Из-под колеса летели брызги талой воды, мелкие льдинки барабанили по защитной сетке. Попадались и довольно крупные осколки льда. В нескольких шагах от того места, где стояла Эстер, часть ограждения погнулась и откачивалась внутрь каждый раз, как в нее ударял кусок льда размером побольше, и тогда через открывшуюся дыру на тротуар сыпались ледяная крошка и комья мокрого снега.

Как было бы просто проскользнуть в эту дыру! Падение – один миг, а потом на нее накатит колесо – и останется только красная клякса на льду, которую все очень скоро забудут. Уж лучше так, чем смотреть, как Том уходит от нее все дальше и дальше. Разве не лучше умереть, чем снова

остаться одной?

Она потянулась к хлопающему краю решетки, но вдруг чья-то рука перехватила ее руку и чей-то голос крикнул в самое ухо:

– Аксель?

Эстер рывком обернулась, хватаясь за нож. У нее за спиной стоял Сёрен Скабиоз. Глаза его светились надеждой и непролитыми слезами, но тут он узнал девушку, и его лицо вновь приобрело свое привычное угрюмое выражение.

– Мисс Шоу, – проворчал он. – В темноте я принял вас за…

Эстер попятилась, прикрывая лицо. Давно ли он наблюдает за нею?

– Что вы здесь делаете? – спросила она. – Что вам нужно?

Скабиоз от смущения начал сердиться.

– Я мог бы спросить тебя о том же, воздухоплавательница! Ты, должно быть, явилась шпионить в машинное отделение? Кажется, ты успела как следует все разглядеть.

– Меня не интересуют ваши двигатели, – отрезала Эстер.

– Да ну? – Скабиоз снова протянул руку, схватил девушку за запястье. – Что-то не верится! Более двадцати поколений моей семьи разрабатывали и совершенствовали Скабиозовы сферы. Коэффициент полезного действия у двигателей этой системы – один из самых высоких в мире. Уверен, тебе не терпится отправиться в Архангельск или в Рагнаролл и рассказать, какие богатства им достанутся, если они нас проглотят.

– Глупость какая! – рявкнула Эстер. – Чтобы я взяла золото хищников!

Вдруг ее поразила внезапная мысль, жестокая и холодная, как одна из льдинок, стукавшихся о решетку у нее за спиной.

– Между прочим, кто это – Аксель? Кажется, это ваш сын? Тот, про которого рассказывал Смью? Который погиб? Вы подумали, что я – его призрак? Или что?

Скабиоз выпустил ее руку. Его гнев мгновенно угас, словно костер залили водой. Взгляд старого механика метнулся к колесу, потом вверх, к небесным огням, куда угодно, только не на Эстер.

– Его дух бродит по городу, – пробормотал Скабиоз.

Эстер коротко, зло рассмеялась и вдруг умолкла. Старик был совершенно серьезен. Он быстро глянул на нее и снова отвел глаза. Его лицо, освещенное неверным, мигающим светом, неожиданно смягчилось.

– Снегоходы верят, мисс Шоу, что души умерших переселяются в северное сияние. Они говорят, что в такие ночи, когда сияние особенно ярко, духи спускаются на Высокий лед.

Эстер молчала, чуть ссутулив плечи. Ей было не по себе рядом с его

горем и его безумием. Она смущенно проговорила:

– Из Страны без солнца не возвращаются, мистер Скабиоз.

– Да нет, мисс Шоу, возвращаются. – Скабиоз уверенно кивнул. – С самого начала нашего путешествия в Америку духи являются в городе. Люди замечают движение. Вещи пропадают из запертых комнат. Слышатся шаги и голоса в тех районах, которые пустуют со времени чумы. Потому я и прихожу сюда, когда работа позволяет и когда северное сияние светит ярко. Я уже дважды видел его издали. Светловолосый мальчик смотрит на меня из тени и исчезает, как только я его замечу. В городе не осталось в живых ни одного светловолосого мальчика. Это Аксель, я знаю, что это он.

Еще мгновение старик смотрел в мерцающее огнями небо, потом отвернулся и пошел прочь. Эстер глядела ему вслед, пока высокая фигура не скрылась за углом в дальнем конце галереи. Девушка не знала, что и думать. Неужели Скабиоз действительно верит, что город сможет добраться до Америки? Или ему все равно? Или он просто согласился поддержать сумасшедшую идею маркграфини, потому что надеется встретить на Высоком льду призрак своего сына?

Эстер пробрала дрожь. Она только сейчас заметила, как холодно здесь, на краю города. Хотя Скабиоз ушел, ее не покидало ощущение, будто за нею наблюдают. Волосы на затылке зашевелились. Эстер оглянулась через плечо и вдруг в темном устье бокового прохода увидела – или ей показалось, что увидела? – бледное лицо, мгновенно отступившее в темноту. Осталось только неясное впечатление белокурой головы.

Из Страны без солнца не возвращаются. Эстер знала это совершенно твердо, и тем не менее все когда-либо слышанные истории о привидениях разом проснулись и затрепыхались у нее в голове. Она повернулась и бросилась бежать, бежать изо всех сил по темным закоулкам, внезапно ставшим угрожающими, назад, к более оживленным улицам.

У нее за спиной в путанице труб, нависающих над галереей, что-то звякнуло, зашуршало и снова затихло.

Глава 12
Незваные гости

Мистер Скабиоз был и прав, и не прав по поводу призраков. В самом деле, в его городе кое-кто поселился, но это не были духи умерших.

Началось это около месяца назад, причем не в Анкоридже, а в Гримсби – очень странном и очень секретном городе. Началось все с тихого звука – глухого щелчка, словно кто-то щелкнул ногтем по туго натянутому боку игрушечного воздушного шарика. Затем послышался шорох электрических разрядов, потрескивание микрофона, и вот в комнате Коула заговорило укрепленное на потолке «ухо».

– Вставай, мальчик. Просыпайся. Тебя вызывает Дядюшка. У меня есть для тебя работенка, Коул, мой мальчик. Да.

Коул вынырнул из беспорядочных сновидений и, вздрогнув, осознал, что этот голос ему не снится. Он скатился с койки и встал, чуть пошатываясь спросонья. В сущности, его комната была по размеру не больше чулана. Если не считать узкой, словно полочка, койки и живописных пятен сырости по стенам, единственным предметом обстановки здесь был запутанный узел проводов на потолке, в котором угнездились телекамера и громкоговоритель. Мальчишки называли эти устройства «Дядюшкины глаза и уши». Ни слова насчет Дядюшкиного рта. Но сейчас устройство заговорило:

– Ты не спишь, мальчик?

– Нет, Дядюшка! – ответил Коул, стараясь произносить слова как можно отчетливее.

Вчера он основательно потрудился в Грабиляриуме, стараясь изловить компанию мальчишек помладше, пробиравшихся по лабиринту коридоров и лестниц, которые Дядюшка специально спроектировал для обучения искусству скрытного, неуловимого воровства. Коул лег в постель смертельно уставшим и проспал, наверное, несколько часов, но ощущение было такое, как будто свет погас всего несколько минут назад. Он потряс головой, пытаясь стряхнуть с себя сон.

– Я не сплю, Дядюшка!

– Хорошо.

Камера потянулась к Коулу. Длинная сверкающая змея из металлических сегментов гипнотизировала его своим единственным немигающим глазом. Он знал, что сейчас в квартире Дядюшки, в верхней

части старой ратуши, его лицо обретает четкость на экране наблюдения. Он машинально схватил с кровати одеяло – прикрыть наготу.

– Что я должен сделать, Дядюшка? – спросил он.

– Я нашел для тебя город, – ответил голос. – Анкоридж, милый маленький ледовый городок. Ему немного не повезло, и теперь он направляется на север. Возьми пиявку «Винтовой червь» и ограбь этот город.

Коул попытался придумать, что такого умного можно на это сказать, стоя в одном одеяле посреди комнаты под неотрывным взглядом камеры.

– Ну что, мальчик, – резко сказал Дядюшка, – тебе не нравится задание? Ты считаешь, что еще не готов командовать пиявкой?

– Да, конечно! Да, да! – закричал Коул. – Просто… я думал, «Винтовой червь» – это катер Врассе. Наверное, лучше ему поехать… или кому-то из старших?

– Не нужно критиковать мои приказы, мальчик. Дядюшка знает лучше. Так получилось, что я отправляю Врассе на юг с другим заданием, и потому у нас образовалась нехватка рабочих рук. В обычной ситуации я не поставил бы младшего руководить грабительской экспедицией, но, по-моему, ты уже вполне готов для такой работы, а этот Анкоридж – слишком лакомый кусочек, чтобы его упустить.

– Да, Дядюшка.

Коул уже слышал разговоры о загадочном южном задании, на которое отправляли все больше мальчишек из старших и все больше самых лучших катеров-пиявок. По слухам, Дядюшка замыслил самое дерзкое ограбление за всю свою долгую карьеру, но никто не знал точно, о чем идет речь. Ну да Коула это и не интересовало. Главное – благодаря отсутствию Врассе ему доверят командовать пиявкой!

К своим четырнадцати годам Коул успел поучаствовать в выполнении дюжины заданий, но он ожидал, что пройдет еще как минимум два сезона, пока ему предложат командовать самому. Командирами пиявок, как правило, назначали старших мальчиков. Эти блистательные герои обитали в отдельных квартирах на верхних этажах, не чета тесным сырым каморкам, в каких приходилось жить Коулу, – сразу над Грабиляриумом, где соленая морская вода просачивалась сквозь проржавевшую обшивку и металл потрескивал под давлением, заполняя ночи своей зловещей песней, где целые комнаты, случалось, неожиданно схлопывались под напором воды и все мальчишки, находившиеся в них, погибали на месте. Если удастся успешно провести операцию и привезти домой что-нибудь такое, что понравится Дядюшке, можно будет навсегда распрощаться с этими

трущобами!

– С собой возьмешь Вертела, – сказал Дядюшка. – И одного младшего, Гаргла.

– Гаргла! – воскликнул Коул, запоздало попытавшись изгнать из своего голоса недоверчивое удивление.

Гаргл был самым тупым среди своих одногодков. Трусоватый, неловкий, он как будто напрашивался на издевательства старших мальчиков. Он ни разу не сумел пройти дальше второго уровня Грабиляриума. Обычно ловил его Коул и поскорее вытаскивал наружу, пока тот не попался кому-нибудь из других тренеров, такому, как Вертел, который обожал лупить учеников-неудачников. Коул уже и счет потерял, сколько раз он отводил бледного, хнычущего мальчишку в спальню новичков. И вот теперь Дядюшка хочет, чтобы он взял этого сосунка на настоящую работу!

– Гаргл неуклюж, зато умен, – сказал Дядюшка (он всегда знал, о чем думает мальчишка, даже если тот ничего не произносил вслух). – Гаргл ловко умеет обращаться с машинами. Хорошо справляется с телекамерами. Он поработал немного у меня в архивах, и я думаю перевести его сюда на постоянную работу, но сперва хочу, чтобы ты взял его с собой и показал ему, что значит быть настоящим Пропащим Мальчишкой. Поручаю это тебе, потому что ты более терпелив, чем Врассе, Черепаха и прочие.

– Да, Дядюшка, – сказал Коул. – Ты знаешь лучше.

– Вот именно, черт побери! Отправляйся на «Винтового червя» к началу дневной смены. Привези мне каких-нибудь хорошеньких вещиц, Коул. И рассказы. Много-много рассказов.

– Да, Дядюшка!

– И еще, Коул…

– Да, Дядюшка?

– Смотри не попадись.

А теперь, месяц спустя, за много сотен километров от Гримсби Коул, не дыша, скорчился в тени, дожидаясь, пока топот ног убегающей Эстер затихнет вдали. Что это на него нашло, что заставляет его постоянно рисковать с тех пор, как они прибыли сюда? Хороший грабитель не допускает, чтобы его увидели, но Коул был почти уверен, что молодая пилотесса заметила его, а уж Скабиоз… Коула передернуло при одной мысли о том, что было бы, узнай об этом Дядюшка.

Убедившись, что остался один, он выскользнул из укрытия и быстрыми, почти беззвучными шагами направился по тайному проходу к «Винтовому червю», который висел, надежно спрятанный в маслянистой

тени под брюхом Анкориджа, недалеко от ведущего колеса. Это был дряхлый ржавый катер на магнитных присосках, кое-как склепанный из старого железа, но Коул очень им гордился, как и его трюмом, который быстро наполнялся всякой всячиной, что Коул с командой успели наворовать в заброшенных мастерских и виллах верхнего города. Коул бросил очередной мешок с добычей в общую кучу и пробрался между тюками и свертками в передний отсек. Там под тихое гудение разнообразных механизмов и равномерное мерцание голубых экранов его дожидались двое мальчишек – остальные члены команды «Винтового червя». Само собой, они всё видели. Пока Коул крался за Эстер по машинному отделению, мальчишки отслеживали ее путь с помощью скрытых телекамер. Они до сих пор еще посмеивались, вспоминая ее разговор с мастером-механиком.

– Ой-ой! Привидение! – завопил, ухмыляясь, Вертел.

– Коул, Коул! – заверещал Гаргл. – Старый Скабиоз думает, что ты призрак его покойного сыночка, явился сказать ему «привет».

– Знаю. Слышал, – буркнул Коул.

Он протиснулся мимо Вертела и устроился на скрипучем кожаном сиденье. После холодного чистого городского воздуха его вдруг начали раздражать теснота и духота «Винтового червя». Он оглянулся на своих товарищей по команде. Те по-прежнему смотрели на него, глупо ухмыляясь, и явно ожидали, что он станет вместе с ними насмехаться над стариком Скабиозом. Вертел был ровесником Коула, только крупнее и сильнее. Иногда Коула удивляло, почему Дядюшка поставил командовать экспедицией его, Коула, а не Вертела, а иногда, как видно, и самому Вертелу приходила в голову та же мысль, судя по тому, какими злыми становились порой его шуточки.

Десятилетний Гаргл, переполненный сознанием, что впервые в жизни участвует в настоящем грабительском походе, кажется, вовсе не замечал напряженности. Он оказался точно таким неуклюжим и никчемным, как и боялся Коул. Воровать он не умел и цепенел от ужаса всякий раз, когда поблизости появлялся сухопутник. Чаще всего он возвращался из вылазок в город с трясущимися руками и намоченными штанами. Вертел, который никогда не щадил чужих слабостей, совсем затиранил бы мальчишку, если бы Коул его не удерживал. Коул еще помнил свое первое задание, когда он оказался в компании двух недружелюбно настроенных старших мальчишек в пиявке под городом Зеештадт-Гданьск. Каждому грабителю приходится с чего-то начинать.

Вертел все продолжал скалиться:

– Теряешь бдительность, Коул! Попадаешься людям на глаза. Твое счастье, что старикашка ненормальный. Призрак, тоже мне! Вот подожди, вернемся домой, я всем расскажу! Коул-вурдалак! Бу-у-у!

– Не смешно, Верт, – сказал Коул.

Слова мистера Скабиоза оставили у него какое-то странное, тревожное чувство. Коул бросил взгляд на свое отражение в иллюминаторе. Никакого особенного сходства с портретами Акселя, которые он видел, когда обшаривал кабинет мастера-механика. Сын Скабиоза был намного старше, высокий, красивый, голубоглазый. Коул был сложен как типичный воришка – тощий, словно отмычка, и глаза у него были черные. Но у обоих были одинаково лохматые светлые, почти белые волосы. Старик с разбитым сердцем, увидев краем глаза в темноте или в тумане светлые патлы, вполне мог сделать неверные выводы, правда ведь?

Коул неожиданно сообразил, что Вертел обращается к нему – и, видимо, уже давно.

– …Ты же знаешь, что говорит Дядюшка. Первое правило грабителя: «Не попадаться!»

– Я не попадусь, Верт. Я осторожный.

– А тогда как получилось, что тебя увидели?

– Каждому может не повезти. В прошлом году Большому Спэджеру со «Взломщика Билла» пришлось зарезать сухопутника, который заприметил его на нижней палубе Архангельска.

– Это другое дело. Ты слишком много наблюдаешь за сухопутниками. Пока ты смотришь на экран, это не страшно, но ты-то за ними таскаешься в натуре!

– Ага, – поддакнул Гаргл, спеша подольститься к Вертелу. – Я тоже видел.

– А ты заткнись! – бросил Вертел, рассеянно толкнув младшего ногой.

– За ними интересно наблюдать, – сказал Коул.

– Они – сухопутники! – нетерпеливо оборвал его Вертел. – Знаешь ведь, что про них говорит Дядюшка. Они – как скот. У них мозги крутятся еле-еле, не то что у нас. Так что нам сам бог велел забирать у них барахло.

– Я знаю! – сказал Коул. В него тоже вбивали все эти истины, когда он был еще новичком и тренировался в Грабиляриуме. – Мы – Пропащие Мальчишки. Мы – лучшие грабители в мире! Все то, что не прибито гвоздями, принадлежит нам по праву.

Но в глубине души он знал, что Вертел не зря на него взъелся. Иногда у Коула появлялось ощущение, что он не годится в Пропащие Мальчишки. Ему больше нравилось наблюдать за людьми, а не грабить их.

Коул вскочил и снял с полки над пультом управления телекамерами свой последний отчет: тринадцать страниц лучшей официальной почтовой бумаги Фрейи Расмуссен, исписанные его крупным, корявым почерком. Коул двинулся на корму, по дороге помахав листками перед носом Вертела:

– Пойду отправлю это на базу. Ты же знаешь, Дядюшка рассердится, если не будет получать свежие новости раз в неделю.

– Он еще не так рассердится, если из-за тебя нас всех тут поймают, – пробурчал Вертел.

Почтовый отсек «Винтового червя» находился под каютой, где спали мальчики, и за время экспедиции основательно пропитался запахом застарелого пота и нестираных носков. Здесь были установлены стеллажи для десяти почтовых рыб, но три ячейки были уже пусты. У Коула на мгновение сжалось сердце, когда он начал готовить номер четвертый к запуску. Через шесть недель уйдет последняя рыба и настанет время «Винтовому червю» отстыковаться от Анкориджа и вернуться домой. Ему будет не хватать Фрейи и ее подданных. Но ведь это же глупо! Они всего-навсего тупые сухопутники. Просто картинки на дурацком экране.

Почтовая рыба была похожа на гладкую серебристую торпеду. Если поставить ее стоймя, она оказалась бы выше Коула. Как всегда, его охватил трепет, пока он проверял топливные баки рыбы и заправлял свой отчет в водонепроницаемое отделение в ее носовой части. По всем северным морям капитаны пиявок, такие же как он, посылали почтовых рыб домой, Дядюшке, чтобы Дядюшка всегда знал, что происходит во всех частях света, и мог планировать все более дерзкие ограбления. Коул почувствовал себя еще более виноватым, что так привязался к сухопутникам. Это же невероятное везение – стать Пропащим Мальчишкой. Невероятное везение – работать на Дядюшку. Дядюшка знает лучше.

Несколько минут спустя почтовая рыба выскользнула из-под брюха «Винтового червя» и упала на лед, никем не замеченная в путанице теней под Анкориджем. Город ушел дальше, на север, а рыба начала ввинчиваться в снег, потом в лед, терпеливо высверливая себе дорогу все вниз, вниз, пока не окунулась в черную воду под ледяной шапкой. Ее компьютерный мозг, построенный на основе древних технологий, урчал и пощелкивал. Рыба не была разумной, но она знала дорогу домой. Раскрылись коротенькие плавники, выдвинулся небольшой пропеллер, замурлыкал мотор, и почтовая рыба устремилась на юг.

Глава 13
Рулевая рубка

Эстер не стала рассказывать Тому о своей странной встрече. Она не хотела, чтобы он считал ее дурочкой, болтающей о привидениях. Фигура, смотревшая на нее из темного закоулка, ей просто-напросто примерещилась, а мистер Скабиоз – сумасшедший, только и всего. В этом городе все сумасшедшие, если верят Фрейе и Пеннироялу с их обещаниями новых зеленых охотничьих земель за границей льда, и Том сошел с ума заодно с ними. Нет смысла спорить, уговаривать его опомниться. Лучше увезти его отсюда, пока не случилось беды.

Проходили дни и недели, а Анкоридж все бежал по льду, затянувшему северные моря, огибая гористое побережье Гренландии. Эстер теперь больше времени проводила в гавани, наблюдая, как мистер Аакиук ремонтирует «Дженни Ганивер». Она почти ничем не могла ему помочь, поскольку не разбиралась в механике, но могла по крайней мере подавать инструменты, приносить нужные вещи из мастерской и наливать ему обжигающе-горячее темно-лиловое какао из старенького термоса. Ей казалось, что, уже просто находясь здесь, она приближает тот день, когда «Дженни» будет готова унести ее прочь из этого города, населенного призраками.

Иногда Том тоже приходил в ангар, но это случалось очень редко.

– Незачем нам обоим стоять над душой у мистера Аакиука, – сказал он Эстер. – Мы будем ему только мешать.

Но оба они знали настоящую причину: Тому слишком понравилось в Анкоридже. До сих пор он даже не сознавал, насколько истосковался по жизни в движущемся городе. Тут все дело в моторах, говорил он себе, в этой уютной вибрации, от которой здания кажутся живыми, в этом ощущении движения, когда каждое утро, проснувшись, видишь за окном новый пейзаж, пусть даже это все та же тьма и ледяная пустыня.

А может, хоть он и не хотел признаться в этом даже самому себе, дело было во Фрейе. Он часто встречал ее в Вундеркамере и в дворцовой библиотеке, и, хотя встречи всегда бывали довольно официальными и при этом всегда присутствовали Смью или мисс Пай, Том чувствовал, что все лучше узнает маркграфиню. Она его заинтриговала. Она была так не похожа на Эстер и так похожа на девушек, о которых он, бывало, грезил в Лондоне, когда был еще одиноким неприкаянным учеником-историком, –

красивая, образованная. Правда, она немножечко сноб и малость задвинута на ритуалах и этикете, но это можно понять, если вспомнить, как ее воспитывали и что ей пришлось перенести в жизни. Она нравилась ему все больше и больше.

Профессор Пеннироял совсем поправился и переехал в официальную резиденцию Главного навигатора – высокую, узкую башню под названием Рулевая Рубка, которая стояла неподалеку от Зимнего дворца, рядом с храмом. На верхнем этаже башни находился капитанский мостик, откуда производилось управление движением города, а ниже располагались роскошные апартаменты, куда Пеннироял и вселился, весьма довольный собой. Он всегда считал себя человеком незаурядным и был чрезвычайно рад оказаться в городе, где все остальные придерживались того же мнения.

Конечно, он и понятия не имел об управлении движущимся городом, так что на практике повседневную работу по прокладке курса по-прежнему выполняла мисс Пай. Каждое утро они с Пеннироялом в течение часа изучали имевшиеся в городе немногочисленные и довольно невразумительные карты западных ледяных территорий. Все остальное время профессор нежился в сауне, или прохлаждался у себя в гостиной, или отправлялся на поиски кладов по заброшенным бутикам Расмуссен-проспекта и Заполярной аркады.

– Какая все-таки удача, что мы оказались в Анкоридже, Том. Вот уж действительно, не было бы счастья, да несчастье помогло, мой милый мальчик! – сказал он однажды, темным арктическим вечером, когда Том зашел к нему в гости.

Широким жестом руки в драгоценных перстнях профессор обвел просторную гостиную, где на полу лежали узорчатые ковры, по стенам висели картины в тяжелых рамах, весело горели огни в бронзовых треножниках, а огромные окна смотрели поверх крыш соседних домов на проплывающий мимо ледяной пейзаж. За окнами поднимался настоящий буран, ветер гнал снег по городским улицам, а в квартире Главного навигатора было тепло и уютно.

– Кстати, как там поживает твой дирижабль? – осведомился Пеннироял.

– А, потихоньку, – ответил Том.

Если честно, он уже несколько дней не наведывался в гавань и понятия не имел, как продвигается ремонт «Дженни Ганивер». Он старался поменьше думать об этом, ведь, когда ремонтные работы закончатся, Эстер захочет улететь и потащит его с собой, прочь от этого чудесного города и от Фрейи. Но все-таки профессор очень добр, что интересуется состоянием

корабля, подумал Том.

– А как путешествие в Америку? – спросил он. – Все идет хорошо, профессор?

– Абсолютно! – вскричал Пеннирояль, поудобнее устраиваясь на диване и расправляя складки стеганого халата из силиконового шелка. Он заново наполнил свой бокал вином и налил еще один для Тома. – В погребах Главного навигатора имеются прекрасные выдержанные вина, было бы жаль не воспользоваться его запасами, пока можно… То есть…

– Самое лучшее вино нужно поберечь, чтобы выпить его, когда вы доберетесь до Америки, – сказал Том, присаживаясь на низенький стульчик у ног великого человека. – Вы уже окончательно определили курс?

– Как сказать… И да, и нет, – небрежно ответил Пеннирояль, взмахнув бокалом и пролив немного вина на меховое покрывало, раскинутое на диване. – И да, и нет, Том. Как только мы окажемся к западу от Гренландии, дело пойдет как по маслу. Виндолен и Скабиоз придумали какой-то безумно запутанный маршрут, собирались петлять между многочисленными островами, которых, вполне возможно, уже и не существует больше, а затем двинуться на юг вдоль западного побережья Америки. К счастью, я смог показать им значительно более легкий путь. – Он ткнул пальцем в сторону карты на стене. – Мы проскочим через остров Баффина прямо в Гудзонов залив. Там хороший, толстый, прочный лед, он тянется в самую глубь Северо-Американского континента. Именно так я шел на обратном пути. Мы мигом промчимся до границы льда, а там поднимем кормовое колесо и покатим себе на гусеничном ходу прямо в зеленые края. Пара пустяков!

– Вот бы и мне тоже с вами, – вздохнул Том.

– Нет-нет, мой милый мальчик! – довольно резко возразил путешественник. – Тебя ждут птичьи дороги. Как только ваш кораблик приведут в божеский вид, ты и твоя… э-э… прелестная спутница должны вернуться в небо. Между прочим, я слышал, ее толстячество маркграфиня дала тебе почитать кое-какие из моих книг?

При упоминании о Фрейе Том покраснел.

– Ну-с, и что же ты о них скажешь? – продолжал Пеннирояль, наливая себе еще вина. – Недурно, а?

Том не знал, что и сказать. Безусловно, книги Пеннирояла очень увлекательны. Только вот история у альтернативного историка получается какая-то слишком уж альтернативная. По крайней мере, так представлялось Тому с его лондонским образованием. В «Прекрасной Америке» профессор рассказывает о том, что видел остовы древних небоскребов, выступающие

из пылевого слоя Мертвого континента, но больше ни один исследователь не сообщал о подобных вещах. Несомненно, ветер и ржавчина давным-давно должны были уничтожить эти балки. Может, у Пеннирояла в то время были галлюцинации? А в книге «Мусор? Как бы не так!» Пеннироял утверждает, будто малюсенькие игрушечные поезда и наземные автомобильчики, какие находят время от времени на месте древних поселений, – это вовсе не игрушки. «Нет никакого сомнения, – пишет он, – что эти машины управлялись миниатюрными человечками, которых создали Древние при помощи генной инженерии для каких-то неизвестных целей».

Том не сомневался, что Пеннироял – великий путешественник. Просто, видимо, когда он садится за пишущую машинку, у него слишком разыгрывается воображение.

– Ну что, Том? – спросил Пеннироял. – Не стесняйся! Хороший писатель всегда рад контрактивной корытике… Я хотел сказать, конфективной кретинитике…

– Ах, профессор Пеннироял! – послышался вдруг голос Виндолен Пай из латунного громкоговорителя на стене. – Скорее сюда! Дозорные что-то заметили впереди, на льду!

Том похолодел, представив себе притаившийся в засаде город-хищник, но Пеннироял только пожал плечами:

– И что эта старая дура хочет, чтобы я сделал по этому случаю?

– Но ведь вы все-таки Главный навигатор, профессор, – напомнил Том. – Наверное, в такое время вы должны быть на капитанском мостике.

– Почечечетный Главный навигатор, Том, – уточнил Пеннироял, и Том вдруг понял, что профессор совершенно пьян.

Том терпеливо помог подвыпившему путешественнику подняться на ноги и повел его к небольшому персональному лифту, который мигом вознес их на верхний этаж Рулевой Рубки. Они оказались в комнате со стеклянными стенами, где мисс Пай, сама не своя от тревоги, стояла возле переговорного устройства, соединяющего капитанский мостик с машинным отделением, а ее немногочисленные помощники спешно раскладывали на столе навигационные карты. Дюжий рулевой замер у громадного штурвала, ожидая указаний.

Пеннироял рухнул в первое попавшееся по дороге кресло, зато Том подбежал к стеклянной стене, с нетерпением дожидаясь, пока по ней пройдутся дворники, чтобы можно было хоть что-нибудь разглядеть впереди. Над городом взметались снежные вихри, заслоняя все вокруг, кроме ближайших зданий.

– Я ничего не вижу… – начал было Том, но тут вьюга на мгновение утихла и стало видно, что на севере мерцают далекие огни.

В ледяной пустыне на пути Анкориджа появился хищный пригород-убийца.

Глава 14
Пригород

Фрейя обдумывала список приглашенных к обеду. Дело это было трудное, поскольку согласно давней традиции обедать у маркграфини могли лишь самые высокопоставленные из горожан, к каковым в настоящее время можно было причислить одного только мистера Скабиоза, а его никто не назвал бы приятным собеседником. Разумеется, после приезда профессора Пеннирояла дело пошло значительно веселее, ведь Главный навигатор города – достаточно важная персона, чтобы сидеть за одним столом с правительницей. Но даже увлекательные истории высокоученого профессора начали понемногу надоедать, и к тому же профессор чересчур много пил.

Чего ей на самом деле хотелось (хотя она старалась не признаваться в этом даже самой себе, когда сидела за столом у себя в кабинете), это пригласить к обеду Тома. Одного только Тома, чтобы он любовался ею при свечах и говорил, какая она красивая; она была уверена, что он хочет сказать ей об этом. Да вот беда – он всего-навсего простой пилот. Одно дело – разрешить ему называть ее по имени, и совсем другое – пригласить его к обеду. И даже если она нарушит все традиции и все-таки пригласит его, так ведь он наверняка притащит с собой эту свою гадкую подружку и испортит весь вечер.

Фрейя со вздохом откинулась на спинку кресла. Портреты прежних маркграфинь сочувственно смотрели на нее со стен, и ей вдруг пришло в голову: интересно, а как бы они поступили в подобной ситуации? Но конечно, такой ситуации никогда еще не бывало. Их всегда выручали древние традиции города, служа простым и надежным руководством в вопросах о том, что можно и чего нельзя делать. В их жизни не было сбоев, она напоминала работу хорошо налаженного часового механизма.

«Мое всегдашнее везенье – остаться за главную именно в тот момент, когда лопнула пружина, – мрачно подумала Фрейя. – Мое всегдашнее везенье – тащить на себе груз традиций и правил, которые уже не действуют так, как нужно».

Но она знала, что, если сбросит с себя броню традиций, окажется лицом к лицу с огромным множеством новых проблем. Люди, оставшиеся в городе после чумы, не разбежались только потому, что почитали свою маркграфиню. Если Фрейя перестанет вести себя, как подобает

маркграфине, будут ли они по-прежнему ее слушаться?

Она снова склонилась над списком гостей и как раз заканчивала рисовать маленькую собачку в левом нижнем углу листка, когда в комнату влетел Смью, тут же снова вылетел за дверь и, как положено, постучал три раза.

– Можете войти, камергер.

Он вошел опять, запыхавшийся, в шляпе, надетой задом наперед.

К тому времени как Фрейя добралась до капитанского мостика, погода окончательно испортилась и снаружи ничего не было видно, кроме крутящихся в воздухе снежных хлопьев.

– Ну что? – Маркграфиня вышла из лифта, не дожидаясь, пока Смью доложит о ее прибытии.

Виндолен Пай испуганно присела в реверансе:

– О свет ледяных полей! Я почти уверена, что это Волкогемптон! Я успела разглядеть три характерные металлические башни позади челюстей. Наверное, он затаился здесь, рассчитывая перехватить какие-нибудь из городов-китобоев, идущих вокруг Гренландии…

– Что за Волкогемптон? – спросила Фрейя, жалея, что невнимательно слушала своих дорогостоящих преподавателей.

– Вот, ваше сиятельство…

Маркграфиня не замечала Тома, пока он не заговорил. Теперь она увидела его, и на душе у нее потеплело. Он подал ей книжку с загнутой страничкой:

– Я нашел это поселение в Кейдовском альманахе движущихся городов.

Фрейя с улыбкой взяла у него из рук книгу, но улыбка погасла, как только она раскрыла справочник на отмеченной странице и увидела диаграмму мисс Кейд и подпись под нею:

ВОЛКОГЕМПТОН: Англичанскоговорящий пригород, мигрировал на север в 768 году Эры Движения и стал одним из самых опасных мелких хищников Высокого льда. Громадные челюсти, а также традиция набирать для работы в машинном отделении огромное количество рабов и содержать их в позорно тяжелых условиях делают встречу с этим городом крайне нежелательной.

Палуба под ногами Фрейи затряслась и завибрировала. Маркграфиня захлопнула книжку. Она вообразила, что гигантские челюсти Волкогемптона уже вцепились в ее город, – но это всего-навсего застопорили главный двигатель. Анкоридж замедлил ход, и в наступившей

жутковатой тишине стало слышно, как снежная крупа шуршит по стеклу.

– Что случилось? – спросил Том. – Что-то с двигателем?

– Мы останавливаемся, – сказала Виндолен Пай. – Из-за бурана.

– Но ведь там хищник!

– Я знаю, Том. Ужасно некстати. Но во время сильного бурана мы всегда останавливаемся и бросаем якорь. Иначе слишком опасно. Скорость ветра на Высоком льду достигает семисот пятидесяти километров в час. Случалось, что ветер опрокидывал небольшие города. Бедный старый Скрелингсгаген[6] зимой шестьдесят девятого перевернуло на спину, как жука.

– Можно выпустить кошки, – предположила Фрейя.

– Кошки? – всполошился Пеннироял. – Какие кошки? У меня аллергия…

– Ее сиятельство имеет в виду шипованные гусеничные траки, профессор, – объяснила мисс Пай. – Они немного усилят сцепление, но в такую снежную бурю этого может оказаться недостаточно.

Ветер утвердительно завыл в ответ на ее слова, и стеклянные стены начали со скрипом прогибаться внутрь.

– А как же этот ваш Волчий Гемптон? – спросил Пеннироял, по-прежнему полулежа в кресле. – Им, вероятно, тоже придется остановиться?

Все посмотрели на Виндолен Пай. Та покачала головой:

– К сожалению, нет, профессор. Они ниже и тяжелее, чем мы. Они могут не прекращать движения даже при таком ветре.

– Фу ты! – заохал Пеннироял. – Значит, нас наверняка съедят! Должно быть, они определили наше направление еще до того, как разгулялся буран! Так и пойдут себе по азимуту, а потом – ам!

Тому показалось, что пьяненький профессор единственный в Рулевой Рубке говорит дело.

– Нельзя же вот так сидеть и ждать, пока нас слопают! – поддержал он Главного навигатора.

Мисс Пай взглянула на бешено крутящиеся стрелки индикаторов скорости ветра.

– Анкоридж никогда еще не двигался при таком ветре…

– Так, может, пора попробовать! – закричал Том и повернулся к Фрейе. – Поговори со Скабиозом! Скажи ему – пусть погасит все огни, изменит курс и гонит через буран на всех парах. Лучше перевернуться, чем быть съеденным, разве нет?

– Не смей так разговаривать с ее сиятельством! – завопил Смыо, но Фрейе было приятно, что Тому небезразлична судьба ее города. И все-таки

нельзя забывать о традициях. Она сказала:

– Не знаю, могу ли я это сделать, Том. Еще ни одна маркграфиня не отдавала такого приказа.

– Так ведь ни одна маркграфиня еще не пробовала добраться до Америки, – возразил Том.

Пеннироял, тяжело опираясь на подлокотники, начал выбираться из кресла. Не успел Смью или еще кто-нибудь остановить его, как он отпихнул Тома, бросился к Фрейе, схватил ее за пухлые плечики и так встряхнул, что все ее драгоценности громко забренчали.

– Делай, что Том говорит! – заорал профессор. – Делай, что он сказал, дуреха сопливая, не то мы все окажемся рабами в брюхе этого Волчьего Гемптона!

– Ах, профессор Пеннироял! – взвизгнула мисс Пай.

– Убери свои грязные лапы от ее сиятельства! – рявкнул Смью, выхватывая шпагу и целясь в коленки ученого.

Фрейя вырвалась из рук профессора, испуганная, возмущенная, разъяренная, вытирая с лица брызги слюны Пеннирояла. Никто и никогда не осмеливался говорить с нею так, и на какое-то мгновение ей подумалось: вот что бывает, когда нарушаешь древние обычаи и назначаешь Главным навигатором простолюдина! Но тут она вспомнила, что Волкогемптон, скорее всего, мчится сейчас к ее городу сквозь пургу, разинув громадные челюсти, пылая всеми топками своего брюха. Она повернулась к навигаторам:

– Сделаем так, как сказал Том! Нечего таращить глаза! Вызывайте мистера Скабиоза! Меняем курс! Полный вперед!

Коул набивал сумку запчастями в одной из заброшенных мастерских машинного отделения, когда город переменил курс. От неожиданности взломщик чуть было не полетел на пол. Он покрепче прижал к себе сумку, чтобы награбленные детали не звякали, на цыпочках выбежал из мастерской и нырнул в лабиринт давно уже ставших знакомыми улочек и переулков, ведущих в центр машинного отделения, к шахтам, где размещались Скабиозовы сферы. Скорчившись между двумя пустыми топливными бункерами, он услышал, как перекрикивались рабочие, спеша по своим местам, и мало-помалу сообразил, что происходит. Коул поглубже забился в тень и стал думать, что ему теперь делать.

Он знал, что следует делать, у Дядюшки на этот счет были абсолютно ясные и четкие правила. Если городу, подвергающемуся обработке, угрожает опасность быть съеденным, прикрепленная к нему пиявка обязана немедленно отсоединиться и спасаться бегством. Все это – частный случай

единого общего правила: НЕ ПОПАДАТЬСЯ. Если хоть одну пиявку возьмут в плен, северные города узнают, каким образом их столько лет обирали и грабили. Они начнут выставлять стражу, примут меры безопасности. Пропащие Мальчишки уже не смогут разбойничать без помех, как раньше.

И все-таки Коул не торопился вернуться к «Винтовому червю». Ему не хотелось покидать Анкоридж. Не так, не сейчас. Он пытался убедить самого себя, что не хочет расставаться со своим первым участком работы, что в городе еще полно добычи, которую он не собирается отдавать какому-то дурацкому хищному пригороду. Он не вернется домой побежденным, с полупустым трюмом!

Но на самом деле причина была в другом, и в глубине души Коул прекрасно это понимал, хотя на поверхности продолжал кипеть от злости на наглое вмешательство Волкогемптона.

У Коула появилась тайна. Такая глубокая и страшная тайна, что он ни за что на свете даже не заикнулся бы о ней Вертелу или Гарглу. Он и наедине с собой только недавно осмелился признать ужасную правду: ему нравятся люди, которых он грабит! Он знал, что это неправильно, но ничего не мог с собой поделать. Ему была симпатична Виндолен Пай, он сочувствовал ее тайным страхам – хватит ли у нее мастерства, чтобы довести город до Америки? Он жалел мистера Скабиоза, его восхищало упрямое мужество Смью, Аакиуков и других горожан, которые работали в машинном отделении, разводили скот и водоросли на фермах. Том нравился ему своей добротой и тем, что летал в небе (Коулу иногда казалось, что, не попади он к Дядюшке, тоже мог бы стать таким, как Том).

А Фрейя… У него не было слов, чтобы описать те противоречивые, незнакомые чувства, которые она в нем пробудила.

Том не раз наблюдал за охотой со смотровой площадки второй палубы Лондона, кричал «ура!», когда его город догонял мелкие промышленные и тяжелые, неповоротливые торговые города, но ему никогда еще не приходилось испытывать, что такое охота с точки зрения добычи. Это ощущение ему совсем не понравилось. Если бы хоть у него было какое-нибудь дело, как у Виндолен Пай и ее сотрудников, которые деловито раскладывали на столе географические карты, прижимая их кофейными кружками, чтобы уголки не загибались кверху… С начала погони за их городом они успели выпить неимоверное количество кофе, исподтишка бросая умоляющие взгляды на фигурки ледяных богов, установленные на алтаре Рулевой Рубки.

– Почему они так нервничают? – спросил Том у Фрейи, которая стояла рядом с ним и тоже ничего не делала. – Ветер совсем не такой уж сильный. Разве он может на самом деле нас опрокинуть?

Фрейя кивнула, крепко сжав губы. Она знала свой город лучше, чем Том, и чувствовала, как вздрагивает палуба, когда ураган подцепляет днище своими крепкими пальцами, пытаясь оторвать его ото льда. Кроме того, бояться нужно было не только ветра.

– Большая часть Высокого льда достаточно прочная, – сказала Фрейя. – Толщина ледовой шапки – около трехсот метров, а в некоторых местах океан промерз до самого дна. Но есть места, где лед тоньше. И еще бывают полыньи – это как озера незамерзшей воды среди льда – и ледяные круги, они меньше, но, если часть полоза туда провалится, город вполне может потерять равновесие. Полыньи обходить не очень трудно, они более или менее постоянные и отмечены на картах мисс Пай. А вот круги появляются во льду совершенно беспорядочно.

Том вспомнил фотографии в Вундеркамере.

– Как образуются эти круги?

– Неизвестно, – ответила Фрейя. – Может быть, на них влияют какие-нибудь течения во льду или вибрация от движущихся городов. Они часто встречаются в тех местах, где проехал город. Они очень странные, эти круги. Совершенно ровные, с гладкими краями. Снегоходы говорят, что призраки пробивают лунки во льду, когда ловят рыбу.

Девушка засмеялась. Было приятно болтать о загадках Высокого льда, вместо того чтобы думать о слишком даже реальном хищнике, рыщущем где-то там, в буране.

– Про Высокий лед рассказывают много разных историй. Например, крабы-привидения: гигантские существа, похожие не то на паука, не то на краба, размером с айсберг. Якобы их кто-то видел бегущими по льду при свете северного сияния. В детстве они мне снились в страшных снах…

Фрейя придвинулась поближе к Тому, так что даже задела рукой рукав его куртки. Она вдруг почувствовала себя отчаянно храброй. В первую минуту было очень страшно идти наперекор старинным обычаям, но теперь, когда они мчались сквозь снежную бурю, бросая вызов Волкогемптону, а заодно и всем традициям Анкориджа, на смену страху пришло какое-то другое чувство. Упоение – вот самое подходящее слово! Хорошо, что Том здесь, рядом с ней. Если они переживут все это, решила Фрейя, она нарушит еще одну традицию и пригласит его на обед. Его одного.

– Том… – сказала она.

– Смотрите! – закричал Том. – Мисс Пай! Что это?

За темными силуэтами крыш Анкориджа вдруг вспыхнул целый ряд огней. Мелькнули гигантские колеса, утыканные зубьями-когтями, и ярко освещенные окна домов. Все это пронеслось мимо, двигаясь под прямым углом к новому курсу Анкориджа. Это была корма Волкогемптона. Его дозорные заметили Анкоридж, тяжелые колеса дали обратный ход, но из-за массивных челюстей пригород не смог быстро развернуться, а буран уже снова взметнул густую снежную завесу, скрывая хищника от его жертвы.

– Слава Квирку! – прошептал Том и засмеялся от облегчения.

Он уже думал, что им не миновать рабских бараков пригорода, а теперь ему словно заново подарили будущее. Фрейя тихонько сжала его пальцы, и Том неожиданно обнаружил, что, когда появился хищник, они в панике схватились за руки, и теперь ее теплая пухленькая ручка уютно лежала в его руке. Смутившись, Том быстро отдернул руку. С самого начала охоты он ни разу не подумал об Эстер.

Анкоридж замедлил свой бег. Мисс Пай то и дело резко меняла курс, уводя город в лабиринты вьюги. Прошел час, другой. Постепенно становилось ясно, что на этот раз смертный приговор не будет приведен в исполнение. Волкогемптон не станет зря тратить топливо, разыскивая их во мраке, а к рассвету снег заметет следы. Мисс Пай обняла по очереди всех своих коллег, потом рулевого, потом Тома.

– Мы справились! – повторяла она. – Мы от них убежали!

Фрейя сияла. Профессор Пеннироял, поняв, что опасность миновала, задремал в уголке.

Том в ответ тоже крепко обнял мисс Пай. Он смеялся, он был счастлив, что живет, он был очень, очень счастлив, что находится на борту этого города, среди этих славных, добрых, дружелюбных людей. Как только буран утихнет, он отыщет Эстер и заставит ее понять, что им совершенно незачем отправляться в полет, как только починят «Дженни Ганивер». Он положил ладонь на стол с географическими картами и ощутил мерную пульсацию двигателей Анкориджа. Совсем как дома!

В дешевой гостинице неподалеку от воздушной набережной Волкогемптона пять жен Уиджери Блинко приобрели нездоровый зеленоватый цвет пяти различных оттенков.

– О-о-ох! – стонали они, держась за животы, когда пригород кренился то на один, то на другой бок, рыская в поисках своей добычи, затерявшейся в буране.

– В жизни не ездила на таком кошмарном городишке!

– У этой гостиницы что, вообще нет амортизаторов?

– О чем ты только думал, муженек, когда затащил нас сюда?

– Ты мог бы догадаться, что не отыщешь «Дженни Ганивер» в каком-то паршивом пригороде!

– Надо было мне улететь с милым профессором Пеннироялом. Знаете, он был в меня безумно влюблен.

– Зря я не слушала, что говорила моя мамочка!

– Ах, если бы мы были сейчас в Архангельске!

Уиджери Блинко аккуратно заткнул уши шариками воска, чтобы не слышать этих жалоб, но его и самого укачало, ему тоже было страшно и хотелось домой, ко всем удобствам жизни в большом городе. А все эта Зеленая Гроза, чтоб их приподняло да шлепнуло! Отправили его с дурацким заданием: пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что… Вот уже несколько недель он мотается по Ледяным Пустошам, как какой-нибудь полоумный снегоход, ни одного встречного города не пропускает, везде расспрашивает о «Дженни Ганивер». В Новой-Нижнем ему рассказали, что она улетела на север после сражения с истребителями Зеленой Грозы, но с тех пор никто ее и в глаза не видел. Можно подумать, злосчастный дирижабль просто растаял в воздухе!

Мистер Блинко рассеянно подумал о городе, который Волкогемптон только что неудачно попытался захватить, – об Анкоридже. Пожалуй, если сняться с пристани сразу же, как только закончится буран, можно будет его догнать… Но к чему? Двое молодых воздухоплавателей никак не могли добраться так далеко к западу на своей развалине. Кроме того, к этому времени Блинко был готов скорее сразиться с фанатиками из Зеленой Грозы, нежели объявить своим женам, что им предстоит посадка в очередном захолустном городишке.

Определенно, пришла пора пересмотреть свои планы.

Он вытащил затычки из ушей – как раз вовремя, чтобы услышать, как жена номер три жалуется на жизнь:

– …А раз местные головорезы упустили добычу, они теперь совсем озвереют! Нас всех убьют, а виноват во всем Блинко!

– Чепуха, женушки! – загремел Блинко и выпрямился во весь рост, чтобы показать, что он в доме хозяин и ему нипочем сумасшедшая гонка сквозь буран на борту дикого пригорода. – Никто никого не собирается убивать! Как только утихнет буря, мы выведем из ангара «Временные трудности» и полетим домой, в Архангельск. Я продам охотникам сведения о городах, которые мы посетили, так что наша поездка вполне окупится. А что касается Зеленой Грозы… Надо думать, в Архангельске на Небесной Бирже можно встретить авиаторов со всего света. Вот я их и расспрошу.

Кто-нибудь наверняка сможет что-нибудь рассказать о «Дженни Ганивер».

Глава 15
Эстер остается одна

Буря все бушевала, пронзительные голоса ветра завывали все громче и громче. В верхнем городе снесло несколько пустующих зданий, у многих домов были сорваны крыши, выбиты окна. Двое рабочих мистера Скабиоза, отважившись выйти на носовую часть палубы, чтобы закрепить расшатавшийся стальной лист обшивки, были подхвачены ветром и улетели во тьму, волоча за собой обрывки каната, словно два неуклюжих воздушных змея.

Эстер работала в ангаре у «Дженни» с мистером Аакиуком, когда его племянник прибежал рассказать о погоне. В первый момент она инстинктивно кинулась в Зимний дворец, к Тому, но на улице ветер сразу ударил в лицо, словно в нее швырнули туго набитым матрасом, прижав к стене ангара. Одного взгляда на мечущиеся по безлюдным докам снежные вихри хватило, чтобы понять: дальше дома начальника порта ей не добраться. Эстер пересидела буран на кухне. Аакиуки кормили ее тушеными водорослями и рассказывали о других снежных бурях, еще похуже этой, которые славный старина Анкоридж пережил без единой царапинки.

Эстер была им благодарна за эти старания утешить ее и подбодрить, но она отнюдь не была ребенком и ясно видела, что за их улыбками скрывается страх. Дело было не только в непривычном, противоестественном путешествии через ураган – всех пугала мысль о хищнике, который подкарауливает их и в любой момент может наброситься. «Только не сейчас! – думала Эстер, обгрызая ногти до мяса. – Нельзя, чтобы нас съели теперь! Еще только одну неделю, еще хоть несколько дней…»

Ведь «Дженни Ганивер» почти уже готова вновь подняться в воздух. Рули и двигатели отремонтированы, на оболочку баллона поставлены заплаты, газовые аккумуляторы заправлены. Осталось только заново покрасить корабль да закончить кое-какую мелкую починку по части электроники. Какая ужасная шутка судьбы, если их съедят, прежде чем «Дженни» успеет улететь!

Наконец затрезвонил телефон. Миссис Аакиук бросилась к аппарату и вскоре вернулась, вся сияя.

– Это звонила миссис Умиак! У нее новости из Рулевой Рубки!

Говорят, мы удрали от Волкогемптона. Теперь проедем еще совсем немножко и встанем на якорь, а ветер пусть себе бушует. Как я поняла, это милый профессор Пеннироял посоветовал ее сиятельству продолжать движение, несмотря на буран. Такой симпатичный джентльмен! Мы все должны благодарить за него ледяных богов. Эстер, дорогая, тебе просили передать, что твой молодой человек жив и здоров. Он вернулся в Зимний дворец.

Чуть позже позвонил и сам Том. Он рассказал приблизительно то же, что и миссис Умиак. Его голос в трубке, пройдя через путаницу проводов, казался каким-то металлическим, неестественным. Он говорил как будто из другого измерения. Они обменялись скудными, ничего не значащими новостями.

– Мне так хочется быть сейчас с тобой, – тихо сказала Эстер, поднеся трубку к самому лицу, чтобы миссис Аакиук не услышала.

– Что? Что ты говоришь? Нет, лучше пока не выходить на улицу. Фрейя говорит, в такую погоду можно замерзнуть насмерть. Когда Смью вез нас сюда из Рулевой Рубки, «жука» чуть не сдуло!

– Фрейя, вот оно теперь как?

– Что?

– «Дженни» почти готова. К концу недели можно будет улететь.

– А-а… Хорошо.

Эстер уловила нерешительность в его голосе. Было слышно, что рядом разговаривают еще какие-то люди, у них были счастливые голоса, словно во дворце вовсю праздновали.

– Может, задержимся еще немного? – сказал Том с надеждой. – Мне хотелось бы остаться здесь, пока не доберемся до Америки, а там… Ну, там посмотрим…

Эстер улыбнулась, шмыгнула носом, попыталась что-то сказать в ответ, но не смогла выговорить ни слова. Он такой хороший и так очарован этим городом, было бы просто нечестно на него сердиться или напоминать, что она предпочла бы отправиться куда угодно, только не на Мертвый континент.

– Эстер? – позвал он.

– Я люблю тебя, Том.

– Я тебя очень плохо слышу!

– Все нормально. Скоро увидимся. Как только утихнет буря.

Но буря вовсе не собиралась утихать. Еще несколько часов Анкоридж медленно полз на запад, стремясь по возможности увеличить расстояние между собой и Волкогемптоном, но осторожности ради постепенно начал

замедлять ход. Теперь им грозили не только полыньи и ледяные круги. Анкоридж приближался к северо-восточной оконечности Гренландии, где из-подо льда проступали вершины гор, которые могут пропороть брюхо неосторожному городу. Мистер Скабиоз убавил мощность двигателя вдвое, потом еще вдвое. Лучи прожекторов шарили по льду, словно длинные белые пальцы пытались раздвинуть снеговую завесу. Время от времени высылали разведывательную команду на мотосанях для проверки прочности льда. Мисс Пай без конца сверялась с картами и молила богов, чтобы хоть на минуту выглянули звезды, – по ним можно было бы точно установить местонахождение города. Но молитвы женщины-навигатора остались без ответа, и в конце концов Анкоридж был вынужден сделать остановку.

Сумеречный день тянулся еле-еле. Эстер, сидя у печки, рассматривала фотографии умерших детей Аакиуков, прислоненные к домашнему алтарю, и коллекцию сувенирных тарелочек на стене, посвященных дням рождения, свадьбам и юбилеям дома Расмуссен. Все лица походили на Фрейю. Ей сейчас, должно быть, очень уютно рядышком с Томом в Зимнем дворце. Наверное, они потягивают подогретое вино и беседуют об истории и о своих любимых книжках.

Единственный глаз Эстер наполнился слезами. Она поскорее извинилась, пока Аакиуки не начали расспрашивать, в чем дело, и убежала на второй этаж, в тесную комнатку, где для нее устроили постель. Зачем так мучиться, когда можно очень легко все оборвать? Нужно только дождаться, пока стихнет буран, пойти к Тому и сказать: «Все кончено, оставайся здесь, если хочешь, со своей Снежной королевой, мне-то что…»

Но она этого не сделает. Кроме Тома, у нее ничего хорошего не было в жизни. Для Фрейи и Тома все совсем иначе, они милые, славные, симпатичные, у них еще будет масса возможностей найти любовь. А у Эстер больше никого не будет. Такие, как она, если уж встретят любовь, должны держаться за нее изо всех сил.

«Лучше бы нас съел Волкогемптон», – подумала Эстер, проваливаясь в тяжелый сон, от которого потом болит голова. По крайней мере, в бараках для рабов она снова стала бы нужна Тому.

Когда она проснулась, была полночь. Буря кончилась.

Эстер натянула варежки, маску и верхнюю одежду и быстро спустилась по лестнице. На цыпочках прокралась мимо спальни Аакиуков – оттуда доносился тихий храп. Эстер открыла тепловой шлюз в кухне и вышла на мороз. Луна уже взошла и лежала на южном краю горизонта, словно оброненная кем-то монета. В ее свете Эстер увидела, что все здания

верхней палубы покрыты тонким слоем льда, будто глазурью, которую ветер закрутил немыслимыми спиралями и завитками. С проводов, пешеходных мостиков и подъемных кранов в порту свисали сосульки. Они тихонько позванивали на ветру, наполняя город причудливой музыкой. Больше ничто не нарушало глухую снежную тишину.

Эстер хотелось, чтобы Том тоже был здесь. Хотелось разделить с ним эту красоту. Наедине с ним, на этой пустынной улице, она смогла бы сказать ему о том, что чувствует. Эстер бросилась бежать, на каждом шагу проваливаясь в сугробы, которые кое-где были ей по плечо, даже с подветренной стороны зданий. Холод пробирался под маску, залезал за шиворот. С нижней палубы доносился смех, обрывки музыки – в машинном отделении праздновали избавление Анкориджа. От холода кружилась голова. Эстер с трудом одолела подъем по длинному пандусу к Зимнему дворцу.

Она минут пять дергала ручку звонка, пока Смью наконец открыл дверь.

– Извините меня, – сказала Эстер, решительно протиснувшись через тепловой шлюз и напустив в вестибюль морозного воздуха. – Я понимаю, что сейчас довольно поздно. Мне нужно повидать Тома. Вы, пожалуйста, не беспокойтесь, я знаю, где его комната…

– Он сейчас не у себя, – проворчал Смью, плотнее запахнув халат и возясь с запорами теплового шлюза. – Он в Вундеркамере, вместе с ее сиятельством.

– В такой час?

Смью, насупившись, кивнул. Это совершенно неслыханно, но, когда он попытался остаться, ее сиятельство грозным шепотом приказала ему уйти и оставить ее с молодым джентльменом. Смью, разумеется, не одобрил, однако не собирался делиться своими чувствами с этой воздушной бродяжкой.

– Ее сиятельство велела не беспокоить, – сообщил он.

– Что поделать, сейчас ее побеспокоят, нравится ей это или нет, – пробормотала Эстер, отпихнула преданного слугу в сторону и помчалась по дворцовому коридору.

На бегу она уговаривала себя, что тут, возможно, ничего такого и нет. Том и барышня Расмуссен, скорее всего, просто отправились полюбоваться на ее несравненную коллекцию никому не нужной рухляди, увлеклись и забыли о времени. Она застанет их погруженными в увлекательную беседу о керамике сорок третьего века или о рунных камнях эры соломенных шляпок…

Из приоткрытой двери Вундеркамеры падала полоска света, и Эстер замедлила шаг. Лучше всего было бы ворваться в комнату с радостным криком: «Привет!» Но это совсем не в характере Эстер; она из тех, кто предпочитает забиться в темный уголок. Она нашла себе темный уголок за спиной одного из скелетов-Сталкеров и забилась туда. Слышно было, что Том и Фрейя разговаривают, но не получалось разобрать о чем. Том засмеялся, и у Эстер сжалось сердце. Было время, после гибели Лондона, когда она одна умела рассмешить Тома.

Она выбралась из своего укрытия и неслышно шагнула в комнату. Том и Фрейя стояли в дальнем конце Вундеркамеры, ее отделяло от них с полдюжины пыльных витрин. Она видела их сквозь несколько слоев неровного стекла, искаженно, словно в кривом зеркале. Они стояли очень близко друг к другу и разговаривали теперь совсем тихо. Эстер уже раскрыла рот, чтобы что-нибудь произнести, все равно что, лишь бы отвлечь их друг от друга, но ничего не сумела выговорить, только стояла и смотрела. Вот Фрейя потянулась к Тому, и вдруг они оказались друг у друга в объятиях и начали целоваться. А Эстер все не могла вымолвить ни звука, не могла отвести взгляд. Белые пальцы Фрейи запутались в темных волосах Тома, его руки легли ей на плечи.

Эстер давно уже не испытывала такого жгучего желания убить кого-нибудь – с тех самых пор, как охотилась на Валентайна. Она вся напряглась, она уже была готова сорвать со стены какое-нибудь старинное оружие и рубить, кромсать этих двоих, этих двоих, и Тома… и Тома! Ужаснувшись, она повернулась и, ничего не видя перед собой, бросилась прочь из музея. В галерее имелся тепловой шлюз, Эстер проскочила через него и выбежала в морозную ночь.

Она кинулась ничком в сугроб и осталась лежать, беспомощно всхлипывая. Еще страшнее, чем поцелуй, была та чудовищная ярость, что так внезапно проснулась в ней. Как могла она хотя бы мысленно причинить вред Тому? Он же не виноват! Во всем виновата эта девчонка, она его околдовала! Он ни разу даже не посмотрел на других девушек, пока не появилась эта жирная маркграфиня! Эстер вообразила, как она убивает Фрейю. Но что толку? Тогда Том ее возненавидит, да к тому же тут ведь не только Фрейя. Том отдал свое сердце этому городу. Все кончено. Он для нее потерян. Она умрет здесь, в сугробе, а он утром увидит ее окоченевший труп, вот тогда он пожалеет…

Но Эстер слишком привыкла бороться за жизнь, чтобы умереть так легко. Через несколько минут она поднялась на четвереньки и попыталась выровнять рваное, болезненное дыхание. Холод царапал ей горло, кусал за

уши, дергал губы, а в голове свернулась некая мысль, словно багровая змея.

Для Тома это был странный день. Он сидел в Зимнем дворце и не мог выйти: снаружи бушевала буря, снег колотился в окна – а Эстер затерялась где-то там, на другом краю города. Странный день и странный вечер. Том устроился в библиотеке и пытался сосредоточиться на одной из книг профессора Пеннирояла, но тут перед ним появился Смью в полном камергерском облачении и объявил, что маркграфиня ждет Тома к обеду.

Судя по выражению лица Смью, это была огромная честь. Для Тома отыскали парадное одеяние, свежевыстиранное и аккуратно отглаженное.

– Эти вещи принадлежали прежнему камергеру, – пояснил Смью, помогая Тому одеться. – Я думаю, по размеру они вам как раз подойдут.

Том никогда еще не носил подобной одежды и, посмотрев в зеркало, увидел совершенно незнакомого молодого человека, красивого, утонченного, нисколько не похожего на него самого. Сильно волнуясь, он пошел следом за Смью в обеденный зал маркграфини. Ветер как будто уже не так яростно рвал ставни, – может быть, буря заканчивается? Он поест как можно скорее и пойдет к Эстер.

Но поскорее поесть не удалось. Формальный обед тянулся размеренно и неторопливо. Смью в костюме лакея вносил очередное блюдо, после чего мчался на кухню, нахлобучивал поварской колпак и принимался готовить следующее или спускался в винный погреб за бутылкой отменного красного вина из города виноградников Бордо-Мобиль. Отведав несколько блюд, Том вдруг обнаружил, что ему совсем не хочется придумывать какие-то отговорки и брести в метель. Фрейя была такая приветливая, с нею было очень приятно. Сегодня она вся как будто светилась, словно, пригласив Тома к обеду, совершила нечто невероятно дерзкое и смелое. И держалась более непринужденно, чем обычно, рассказывала о своей семье, об истории Анкориджа, вплоть до ее древней прародительницы Долли Расмуссен, девчонки-старшеклассницы, которая увидела в пророческом видении начало Шестидесятиминутной войны и успела вывести небольшую группу своих последователей из первого Анкориджа прежде, чем город превратился в пар.

Пока Фрейя рассказывала, Том смотрел на нее и заметил, что она попыталась покрасивее причесать волосы и надела самое блестящее из своих платьев, наименее пострадавшее от моли. Неужели она так старалась ради него? Эта мысль взволновала Тома. Он почувствовал себя виноватым, отвел глаза и натолкнулся на неодобрительный взгляд Смью, убиравшего посуду после десерта и разливавшего кофе.

– Что-нибудь еще, ваше сиятельство?

Фрейя отпила кофе, глядя на Тома поверх своей чашки.

– Нет, спасибо, Смью. Можешь закончить работу на сегодня. Мы с Томом, пожалуй, заглянем в Вундеркамеру.

– Как будет угодно вашему сиятельству. Я буду вас сопровождать.

Фрейя гневно глянула на него:

– В этом нет необходимости, Смью. Ты можешь идти.

Том почувствовал, что слуга встревожен. Ему и самому было немного не по себе, но, возможно, это от вина? Он сказал:

– Ну, может быть, в другой раз…

– Нет, Том. – Фрейя коснулась его руки кончиками пальцев. – Сегодня. Сейчас. Слышишь, буря кончилась. В Вундеркамере будет так красиво при лунном свете…

Вундеркамера была действительно красива в лунном свете, но Фрейя была еще красивее. Когда они вошли в маленький музей, Том вдруг понял, почему жители Анкориджа любят свою маркграфиню и следуют за нею. Если бы Эстер была хоть немножко на нее похожа! В последнее время Том постоянно ловил себя на том, что ищет оправдания для Эстер, пытается доказать, что она такая только из-за того страшного, что ей пришлось пережить. Но ведь в жизни Фрейи тоже было много страшного, и все-таки она не озлобилась, не ожесточилась.

Луна заглядывала в комнату сквозь заснеженное стекло, и в ее свете знакомые экспонаты волшебно преображались. Лист фольги мерцал в витрине, словно окошко в другой мир, а когда Фрейя в бледном отраженном свете повернулась к нему лицом, Том понял – она хочет, чтобы он ее поцеловал. Словно какая-то неизвестная сила потянула их друг к другу, и, когда губы их встретились, Фрейя издала тихий, довольный звук. Она теснее прижалась к нему, и его руки сами собой обняли ее, независимо от его воли. От нее шел слабый запах пота, немытого тела. Поначалу это казалось странным, а потом – очень приятным. Ее платье зашуршало под руками Тома, вкус ее губ напоминал корицу.

И вдруг что-то ее отвлекло – какой-то тихий звук у двери, дуновение холодного воздуха из коридора… Фрейя оглянулась, и Том, сделав над собой усилие, очень мягко отодвинул ее от себя.

– Что это было? – прошептала Фрейя. – Мне показалось, там кто-то есть…

Радуясь предлогу отойти от ее тепла, от ее манящего запаха, Том попятился к двери.

– Никого. Наверное, это просто отопление. В трубах постоянно что-то

скребется.

– Да, я знаю, это ужасно неприятно. Никогда такого не было, пока мы не вышли на Высокий лед… – Она снова подошла ближе, протягивая руки. – Том…

– Мне надо идти, – сказал он. – Уже поздно. Извини. Спасибо.

Он бегом взлетел по лестнице в свою комнату, стараясь думать об Эстер и не вспоминать теплый коричный вкус Фрейи на своих губах. Бедная Эт! По телефону у нее был такой грустный голос. Надо пойти к ней. Он только совсем чуть-чуть полежит, соберется с мыслями, а потом натянет теплую одежду и пойдет в гавань. Постель такая мягкая! Он закрыл глаза и почувствовал, что комната вращается. Слишком много вина. Только из-за вина он поцеловал Фрейю. Ведь он любит Эстер. Так почему же он не может не думать о Фрейе?

– Дурак! – сказал он вслух.

Поцелуй Тома и Фрейи видела не только Эстер. Пока Вертел и Гаргл занимались грабежами, Коул сидел один в носовой каюте пиявки и рассеянно переключал каналы шпионской телесети, как вдруг замер при виде обнявшейся парочки.

– Том, вот дурень-то! – прошептал Коул.

Том нравился Коулу главным образом своей добротой. В Гримсби доброту не ставили ни во что. Там только приветствовалось, когда старшие мальчики издевались над младшими, а те, в свою очередь, подрастали и начинали издеваться над новым пополнением.

– Это им пригодится в жизни, – говорил Дядюшка. – В этом мире их ждут одни только колотушки!

Может быть, Дядюшка просто не встречал – таких людей, как Том, который всегда был добр к другим и не ожидал в ответ ничего, кроме доброты. Только очень добрый человек мог выбрать себе в подружки Эстер Шоу, сделать так, чтобы эта некрасивая, никому не нужная девушка почувствовала себя любимой и желанной. Коулу Том казался почти святым. Было ужасно видеть, как он целует Фрейю, предает Эстер, предает самого себя, видеть, что он вот-вот все погубит.

А может, Коул еще и чуточку ревновал.

Вдруг он заметил бледное размытое пятно лица возле открытой двери, торопливо увеличил изображение и только успел узнать Эстер, как она повернулась и убежала. Когда изображение вернулось в прежнее состояние, те двое уже отступили друг от друга. Они неуверенно смотрели в сторону двери, их голоса звучали тихо и смущенно. «Уже поздно. Я должен идти».

– Ах, Эстер!

Коул начал ее искать, лихорадочно переключая каналы. Он сам не знал, почему так расстроился из-за того, что ей больно. Может быть, и тут отчасти была ревность, сознание, что, если она сделает какую-нибудь глупость, Том и Фрейя в конце концов будут вместе. Что бы там ни было, руки у него дрожали, пока он возился с переключателями.

На других телекамерах дворца ее не было видно. Коул вывел запасную камеру на крышу, повернул объектив, осматривая прилегающие к дворцу улицы. Торопливые ноги Эстер оставили след – неразборчивую длинную строку на белой странице Расмуссен-проспекта. Коул подался вперед к экрану и, потея, принялся манипулировать телекамерами, расставляя их в разных точках гавани. Да где же она?!

Глава 16
Ночной полет

Аакиуки еще спали. Эстер тихонько пробралась к себе в комнату, вытащила из тайника под матрасом деньги, полученные от Пеннирояла в Воздушной Гавани, и направилась прямо в ангар, где стояла «Дженни». Разгребла снег, который намело во время бурана, и с трудом открыла дверь. Зажгла рабочие фонари. Красный корпус «Дженни Ганивер» возвышался у нее над головой. У наполовину окрашенных двигателей стояли стремянки. Заплаты, прикрывающие пробоины гондолы, были похожи на едва затянувшиеся раны. Эстер поднялась на борт и включила горелки. Оставив корабль прогреваться, она снова вышла наружу, пробираясь через сугробы к топливным бакам.

Высоко вверху, под куполом ангара, что-то мелко дребезжало и звякало.

Нетрудно было догадаться, что она задумала. Коул стукнул кулаком по приборной доске и застонал:

– Эстер, не надо! Он был пьяный! Это ничего не значит!

Он скорчился на краешке сиденья, словно бессильный бог, который все видит, но ничего не может изменить.

Только вот… Кое-что изменить он все-таки может! Если бы Том знал, что происходит, наверняка он сразу побежал бы в гавань, поговорил бы с Эстер, объяснил ей все, попросил прощения. Коул уже видел раньше, как мирятся влюбленные, и был уверен, что это дурацкое недоразумение еще можно поправить… Если бы только Том знал!

Но рассказать ему об этом не может никто, кроме Коула.

– Не дури, – сказал он сам себе очень сердито, отдернув руки от переключателей. – Что тебе эти двое сухопутников? Тебе до них и дела нет! Незачем рисковать из-за них «Винтовым червем». Нельзя нарушать Дядюшкины приказы.

Он снова потянулся к переключателям. Ничего не поделаешь. На нем все-таки ответственность.

Он вывел на экран изображение с телекамеры, установленной в спальне Тома во дворце. Дал команду камере, заставляя ее потопать своими металлическими ногами по внутренней поверхности трубы, в которой она пряталась. Но Том лежал себе и спал, глупо разинув рот и понятия не имея, что его жизнь рушится.

«Ну и пусть его, – подумал Коул. – Ты попробовал его разбудить, не вышло, вот и закончим на этом. Все это не имеет значения».

Он проверил, чем занимается Эстер, потом отправил камеру рысью по трубам в заброшенную виллу верхнего города, где работали Вертел и Гаргл. Заглянул во все комнаты по очереди и в конце концов нашел их в кухне: они рассовывали по сумкам серебряную посуду. Камера постучала по трубе: три удара, перерыв, еще три удара. НЕМЕДЛЕННО ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ. Размытые фигуры на экране встрепенулись, узнав условный сигнал, и заметались, будто клоуны, в попытках запихнуть в сумки остатки добычи и успеть вернуться на пиявку.

Коул колебался еще целую минуту, проклиная свое мягкосердечие и напоминая себе, что сделает с ним Дядюшка, если узнает. Потом он вскочил, вскарабкался по трапу, вылез из люка и бросился бежать по сонному городу.

Эстер боялась, что резервуары с горючим замерзли, но она упустила из виду восьмисотлетний опыт портовых начальников Анкориджа, которые сумели приспособиться к арктическому холоду. В топливо добавляли антифриз, а насосы управлялись из отапливаемого зданьица рядом с главной цистерной. Эстер сняла с крюка топливный шланг, закинула тяжелый наконечник на плечо и побрела назад, в ангар, волоча за собой постепенно разматывающийся рукав. В ангаре она прикрутила наконечник шланга к вентилю под брюхом дирижабля, затем вернулась в насосную и включила помпу. Шланг начал ритмично вздрагивать: топливо пошло. Пока наполнялись баки, Эстер поднялась на борт и занялась подготовкой к взлету. Лампы в гондоле все еще не работали, но девушке хватало света от фонарей снаружи. По мере того как она переключала рубильники на панели управления, приборы оживали один за другим, их светящиеся циферблаты озаряли полетную палубу, мерцая, словно светлячки.

Проснувшись, Том удивился, что спал. Голова казалась мутной и тяжелой, а рядом с ним в комнате кто-то был. Кто-то наклонился над кроватью, коснулся лица Тома холодными пальцами.

– Фрейя? – спросил Том.

Нет, это была не маркграфиня. Голубоватым светом вспыхнул фонарик, осветив бледное, абсолютно незнакомое лицо. Том думал, что повидал уже всех обитателей Анкориджа, но он не узнавал это белое лицо, светлое пламя белокурых волос. И голос тоже был незнакомый, с легким акцентом, не таким, как у жителей Анкориджа.

– Некогда объяснять, Том! Идем со мной. Эстер в гавани. Она хочет улететь без тебя!

– Что?

Том потряс головой, пытаясь стряхнуть остатки сна, слабо надеясь, что и это ему тоже снится. Кто этот мальчик, о чем он говорит?

– С чего ей улетать?

– Из-за тебя, дубина! – закричал незнакомый мальчик. Он сорвал с Тома одеяло, швырнул ему верхнюю одежду. – Подумай, каково ей было смотреть, как ты милуешься с Фрейей Расмуссен?

– Я не миловался! – в ужасе воскликнул Том. – Мы просто… Эстер не могла… И вообще, откуда ты знаешь?…

Но тревога незнакомца уже передалась ему. Он стащил чужую парадную мантию, кое-как натянул сапоги и защитную маску, накинул свое старое летное пальто и выбежал вслед за таинственным мальчишкой в коридор, потом на улицу через боковой вход, которого никогда раньше не замечал. Холод пробирал до костей, уснувший город был похож на зимнюю сказку. На западе выступали из-подо льда горы Гренландии, четкие и близкие в лунном свете, как будто их можно коснуться рукой. Над крышами пылало северное сияние, и Тому померещилось, что оно гудит и потрескивает в тишине, как высоковольтная линия электропередач морозным утром.

Незнакомец повел его вниз по лестнице на Расмуссен-проспект, затем по узкому мостику для технического персонала под самым брюхом верхнего яруса и снова вверх по лестнице, прямо к воздушной гавани. Когда они опять оказались на открытой палубе, Том понял, что неправильно определил источник звуков. Потрескивание издавал лед, который осыпался с медленно открывающейся крыши ангара, где стояла «Дженни», а гудели моторы дирижабля, разогреваясь перед стартом.

– Эстер! – заорал Том, барахтаясь в снегу.

В открытом ангаре зажглись ходовые огни «Дженни», полосы отраженного света протянулись через сугробы. Послышался стук – это упала лестница, прислоненная к боку судна. Три щелчка – отсоединились швартовочные магниты. Этого не может быть! Неужели это действительно Эстер ходит там, за темными иллюминаторами полетной палубы? Том рвался вперед, разгребая снег руками, словно пловец.

– Эстер! Эстер! – кричал он, все еще не веря, что она на самом деле сейчас улетит.

Она же не могла знать про этот нелепый поцелуй, правда? Она расстроилась из-за того, что он предлагал остаться здесь, и решила проучить его, вот и все. Том быстрее заковылял через сугробы, но до ангара оставалось еще около двадцати метров, когда «Дженни Ганивер» взмыла в

небо, выполнила разворот и, взяв курс на юго-восток, пронеслась над крышами и быстро начала удаляться в бесконечные ледяные просторы.

– Эстер! – заорал Том с внезапной яростью.

Почему она не могла просто поговорить с ним по-человечески? Нет, обязательно надо было сорваться невесть куда! Поднялся западный ветер, он стремительно уносил прочь воздушный корабль, он бросил Тому пригоршню снега в лицо, когда тот обернулся посмотреть на своего загадочного спутника. Мальчишка исчез! Том был совсем один, если не считать мистера Аакиука, который торопился к нему, крича:

– Том? Что случилось?

– Эстер… – жалким голосом ответил Том и сел прямо в снег. Он чувствовал, что его защитная маска из овечьей шерсти намокла от слез.

Кормовой фонарь «Дженни», крошечный теплый огонек посреди бесконечного холода, становился все меньше и меньше, пока совсем не слился с северным сиянием.

Глава 17
На поиски Эстер

Том возвращался по мосткам под верхним ярусом с ужасным чувством полной опустошенности, словно только что основательно получил под дых. Прошло несколько часов с отлета «Дженни Ганивер». Мистер Аакиук пробовал вызывать Эстер по радио, но ответа не получил.

– Возможно, она не включила приемник, – сказал начальник порта. – Или, может, у нее радио не работает, я ведь не успел его как следует проверить. И газа в оболочке маловато. Я накачал ее совсем слабо, только чтобы определить, нет ли разрывов. Ах, почему же бедная девочка улетела так неожиданно?

– Не знаю, – ответил Том, хотя на самом деле знал.

Если бы только он раньше понял, как ей здесь невыносимо! Если бы потрудился задуматься над ее чувствами, прежде чем влюбляться в этот город! Если бы она не застала его с Фрейей! Но тут угрызения совести перешли в злость. В конце концов, она-то разве подумала о его чувствах? Почему он не может остаться здесь, если ему этого хочется? Она настоящая эгоистка! Если она не переносит городскую жизнь, это не значит, что он должен на веки вечные остаться бездомным бродягой!

И все-таки нужно ее найти. Том не знал, примет ли она его назад, не знал даже, хочет ли этого он сам, но он не мог допустить, чтобы все закончилось вот так по-дурацки, нелепо, отвратительно.

Когда он поднимался на продуваемую ветром верхнюю палубу, заурчали, просыпаясь, городские двигатели. Том шел к Зимнему дворцу по своим собственным неровным следам. Ему не хотелось видеть Фрейю – при воспоминании о том, что произошло между ними в Вундеркамере, он внутренне корчился, как сгорающий листок бумаги. Но одна только Фрейя могла приказать городу повернуть назад и пуститься в погоню за «Дженни Ганивер».

Когда он пересекал длинную тень Рулевой Рубки, где-то поблизости хлопнула дверь и полубезумное привидение в шелковом халате кинулось ему наперерез, увязая в снегу.

– Тим! Это правда, Тим? – Глаза Пеннирояла выпучились, пальцы впились в руку Тома почище укусов мороза. – Мне сказали, что твоя девчонка улетела! Бросила нас!

Том кивнул, мучаясь от стыда.

– Но ведь без «Дженни Ганивер»…

Том пожал плечами:

– Видно, придется мне все-таки поехать вместе с вами в Америку, профессор.

Он оттолкнул путешественника и побежал дальше, а Пеннироял побрел назад в свои апартаменты, бормоча на ходу:

– В Америку! Ха-ха! Как же-с, как же-с! В Америку!

В Зимнем дворце Том увидел Фрейю. Она ждала его, пристроившись на краешке кресла в самой маленькой из своих приемных – комнатке размером всего лишь с футбольное поле, где стены были сплошь увешаны зеркалами и казалось, будто там сидят тысячи Фрей и тысячи Томов врываются в двери, взмокшие и растрепанные, роняя капли тающего снега на мраморный пол.

– Ваше сиятельство, – выпалил он с ходу, – мы должны повернуть назад!

– Повернуть назад?

Фрейя ожидала чего угодно, только не этого. Приятно взволнованная известием о бегстве Эстер, она представляла себе, как будет утешать Тома, уговаривать, что все к лучшему, как заставит его понять, что он прекрасно обойдется без своей уродливой подружки и что, очевидно, сами ледяные боги желают, чтобы он остался в Анкоридже, с нею. Чтобы ему было легче понять, она надела свое самое красивое платье и оставила незастегнутой верхнюю пуговку, открыв маленький треугольничек мягкой белой плоти ниже ямки у основания горла. Ее знобило от ощущения собственной смелости и взрослости. Она ожидала чего угодно, только не того, что услышала.

– Как это – повернуть назад? – переспросила она со смешком, надеясь, что он просто пошутил. – Зачем нам поворачивать?

– Но Эстер…

– Мы не можем догнать воздушный корабль, Том! Да и зачем? Я хочу сказать – когда там, позади, притаился Волкогемптон…

Но Том даже не смотрел на нее. Его глаза блестели от слез. Фрейя, смутившись, на ощупь застегнула платье и тут же страшно рассердилась.

– Почему я должна рисковать целым городом ради сумасшедшей девчонки на дирижабле?

– Она не сумасшедшая!

– А ведет себя как сумасшедшая.

– Она расстроилась!

– Ну и я тоже расстроилась! – закричала Фрейя. – Я думала, что ты

меня любишь! Разве то, что случилось тогда, ничего не значит? Я думала, ты забыл Эстер! Она ничто! Обыкновенное пилотское отребье, и я рада, что она тебя бросила! Я хочу, чтобы ты был мой! Надеюсь, ты хоть понимаешь, какая это честь для тебя!

Том смотрел на нее и не мог придумать, что на это сказать. Он вдруг увидел маркграфиню такой, какой, должно быть, видела ее Эстер: пухлая, избалованная, капризная девчонка, которая считает, что весь мир должен подстраиваться под ее интересы. Он знал, что она права, отказываясь выполнить его просьбу, что было бы безумием поворачивать город, но почему-то от этого поведение Фрейи казалось еще более вздорным. Том пробормотал что-то невразумительное и повернулся, чтобы уйти.

– Куда ты идешь? – требовательно спросила Фрейя. – Кто сказал, что ты можешь идти? Разве я разрешила тебе удалиться?

Он бежал по бесконечным коридорам Зимнего дворца, сам не зная куда, почти не замечая мелькающих мимо комнат и тихого скрежета, который то и дело доносился из отопительных и вентиляционных труб. С тех пор как они вывалились из Лондона, Эстер была рядом с ним, заботилась о нем, объясняла, что нужно делать, любила его своей особенной, застенчивой и яростной любовью. И вот теперь он оттолкнул ее от себя. Он бы даже и не узнал, что она улетает, если бы не тот мальчишка…

В первый раз после отлета «Дженни Ганивер» Том вспомнил своего странного гостя. Кто же это был? Кто-нибудь из машинного отделения, судя по одежде (ему припомнилось нечто темное, многослойное, замасленная тужурка с облупившейся черной краской на медных пуговицах). И откуда он знал, что собирается сделать Эстер? Неужели она ему открылась? Рассказала ему то, о чем не рассказала Тому? Он ощутил неожиданный укол ревности при мысли, что Эт могла делиться своими секретами с кем-то другим, кроме него.

Но что, если этот мальчик знает, куда она направляется? Обязательно нужно его найти, поговорить с ним! Том выбежал из дворца и по ближайшей лестнице спустился в машинное отделение, разыскивая среди грохота и пара Скабиозовых сфер контору мастера-механика.

Когда Коул, запыхавшийся, на подгибающихся ногах примчался из гавани, Вертел и Гаргл уже ждали его. Они притаились около люка, с пистолетами и ножами наготове на случай, если сухопутники выследили их командира. Они втолкнули его внутрь и не давали ему заговорить, пока не убедились, что погони нет.

– О чем ты только думал? – набросился на него Вертел. – Что ты вытворяешь? Ты знаешь, что пиявку запрещено оставлять без охраны! А уж разговаривать с сухопутниками! Тебя что, ничему не научили в Грабиляриуме? – Он заговорил странным, хнычущим голосом, видимо передразнивая Коула: – «Том! Том! Скорее, Том! Она хочет улететь без тебя!» Тьфу, бестолочь!

Коул сел на пол, привалившись спиной к тюку с ворованной одеждой. Ощущение полного провала нахлынуло на него, словно талая вода в паводок.

– Ты запорол всю операцию, Коул, – сказал Вертел, неожиданно улыбнувшись. – Точно тебе говорю, запорол! Я беру на себя командование кораблем. Дядюшка меня поймет. Когда он узнает, что ты сделал, он пожалеет, что сразу не назначил меня командиром. Сегодня ночью я отправлю почтовую рыбу с докладом. Не выйдет у тебя больше подглядывать за местными жителями, любитель сухопутников! Кончились прогулочки по ночам да вздохи над разными там маркграфинями – ага, не думай, что я не видел, какие у тебя сладкие глазки делаются, как только ее личико покажется на экране!

– Но, Вертел… – прошептал Гаргл.

– Молчать! – Вертел со всей силы треснул его по затылку и тут же пнул ногой Коула, когда тот попытался вскочить, чтобы защитить младшего мальчишку. – А ты тоже помалкивай, Коул. Я здесь наведу свои порядки!

Мистер Скабиоз, чей дом на верхней палубе хранил слишком много горестных воспоминаний, почти все свободное время проводил у себя в конторе – узенькой хибарке, затиснутой в щель между двумя палубными опорами в самом центре машинного отделения. В конторе имелись: письменный стол, шкаф, где хранились папки с чертежами, банкетка, примус, маленький рукомойник, календарь, эмалированная кружка – вот практически и все. Траурная мантия Скабиоза висела на крючке в углу и взметнулась, будто черное крыло, когда Том рывком распахнул дверь. Сам мистер Скабиоз восседал за столом, словно памятник меланхолии. Отсветы из топок машинного отделения, просочившись сквозь жалюзи на окнах, исчертили его черно-белыми полосками света и тени. Только глаза его жили, пронзая посетителя холодным взглядом.

– Мистер Скабиоз, – задыхаясь, выговорил Том, – Эстер улетела! Взяла «Дженни» и улетела!

Мастер-механик кивнул, пристально глядя на стену за головой Тома, как будто там показывали фильм, видимый только ему одному.

– Так, она улетела. А я здесь при чем?

Том рухнул на банкетку.

– Тут был мальчик. Я никогда его раньше не видел. Бледный такой мальчик со светлыми волосами, из машинного отделения, чуть помладше меня. Он, кажется, все знает про Эстер.

Скабиоз, мигом утратив свою неподвижность, вскочил с места и бросился к Тому. На лице его было очень странное выражение.

– Ты тоже его видел?

Том вздрогнул, удивившись неожиданному странному порыву мастера-механика.

– Я подумал – вдруг он может рассказать, куда она отправилась?

– В городе нет такого мальчика, как ты описываешь. Нет среди живых…

– Но… Он так говорил, как будто они с ней знакомы. Вы мне только скажите, где можно его найти…

– Акселя нигде нельзя найти. Если захочет, он сам тебя найдет. Даже я видел его только издали. Что он тебе сказал? Он говорил обо мне? Просил тебя передать что-нибудь его отцу?

– Отцу? Нет.

Скабиоз как будто не слышал. Он порылся в карманах комбинезона и вытащил маленькую серебряную книжечку – рамку для фотографии. Том знал многих людей, всюду носивших с собой такие вот портативные алтари, и, когда Скабиоз раскрыл свою книжечку, Том незаметно заглянул в нее. Он увидел плотного, широкоплечего молодого человека, похожего на более молодую копию самого Скабиоза.

– Нет, – сказал Том, – это не тот мальчик, которого я видел. Тот намного младше и худой…

Мастер-механик вздрогнул, но тут же резко ответил:

– Не говори глупостей, Том! Призраки умерших способны принимать любую форму, какую только пожелают. Мой Аксель был когда-то таким же стройным, как ты. Вполне естественно, что он предпочитает являться таким, каким был в те дни, молодым, красивым, полным надежды…

Том не верил в привидения. По крайней мере, считал, что не верит. Из Страны без солнца не возвращаются. Так всегда говорила Эстер, и Том тихонько повторял ее слова, подбадривая себя, на обратном пути из конторы мистера Скабиоза по неожиданно темным лестницам на верхнюю палубу. Тот мальчик никак не мог быть призраком; Том касался его, чувствовал его запах, тепло его тела. Он оставлял следы на снегу, пока они бежали к ангару. Следы все докажут!

Но к тому времени как Том добрался до воздушной гавани, поднялся

ветер и снежная поземка легким дымком стелилась поверх сугробов. Следы вокруг ангара уже почти замело, и невозможно было сказать, сколько человек здесь прошло и был ли незнакомец настоящим живым мальчиком, или призраком, или просто обрывком сновидения.

Глава 18
Золото хищников

Эстер была благодарна ветру. Ветер уносил ее прочь от Анкориджа, но дул он неровно, порывами, то резко менял направление, то налетал бешеным шквалом, то почти совсем затихал. Требовалось все ее внимание, чтобы не сбиться с курса, и это было хорошо – не оставалось времени думать про Тома и про то, что она собиралась сделать. Она знала, что если станет думать об этом, то в конце концов струсит, повернет свой корабль и полетит назад, в Анкоридж.

Но иногда, задремывая прямо за приборной доской, она мельком думала: что-то сейчас делает Том? Жалеет ли он, что она улетела? Заметил хотя бы ее отсутствие? Наверное, Фрейя Расмуссен его утешает…

– Все это не важно, – сказала она себе. Скоро все снова станет как раньше и Том опять будет принадлежать ей.

На второй день она увидела вдали Волкогемптон. Упустив Анкоридж, город подался на юг, и тут ему повезло. Он нашел себе добычу – скопление городов-китобоев, сбившихся с курса из-за бурана.

Их было три, и каждый был значительно больше Волкогемптона, но пригород стремительно метался от одного к другому, откусывая ведущие колеса и стойки направляющих полозьев. Когда Эстер заметила его, он уже разворачивался, чтобы пожрать свои искалеченные жертвы, беспомощно лежащие на снегу. Похоже, этого занятия ему хватит на несколько недель. Эстер была рада, что он уже не представляет угрозы для Анкориджа и не может помешать ее собственным планам.

Она летела все дальше. Проходили короткие дни и долгие темные морозные ночи. Каждую ночь она обшаривала весь диапазон радиоволн и вот наконец наткнулась на позывные городского маяка. Она развернула корабль, сигнал стал слышен яснее, и несколько часов спустя впереди на льду показался Архангельск, терзающий очередную добычу.

Оказавшись в громадной, шумной, закрытой со всех сторон воздушной гавани города-хищника, Эстер вдруг затосковала по тихому Анкориджу, а привычная грубость наземного технического состава и таможенников заставила ее с грустью вспомнить мистера Аакиука. Она потратила половину соверенов Пеннирояла на топливо и летучий газ, а остальные деньги спрятала в потайной ящичек, который еще Анна Фанг устроила под палубой «Дженни». Затем с чувством вины и омерзения от того, что

собиралась сделать, Эстер направилась на Небесную биржу – большое здание за топливным складом, где воздушные торговцы встречались с городскими купцами. Когда она принялась расспрашивать, где можно найти Петра Масгарда, пилоты начали неодобрительно коситься на нее, а одна женщина плюнула ей под ноги, но в конце концов доброжелательный старенький торговец, видимо, сжалился над нею и отозвал ее в сторонку.

– Архангельск, милая, не такой, как другие города, – объяснил он, провожая ее к станции лифта. – Богатые здесь живут не на верхней палубе, а в серединке, где теплее; этот район называется Сердцевина. У молодого Масгарда там собственный дом. Сойди на станции Каэль, а там спросишь.

Старичок провожал ее взглядом, пока она покупала билет и устраивалась в лифте, идущем в сторону Сердцевины. Затем он подобрал полы своей шубы и бегом припустил в лавку, находившуюся по другую сторону гавани. Это было довольно большое, невзрачное, загроможденное беспорядочно наваленными товарами заведение с вывеской «Олд-тек и антикварные товары Блинко».

– Живее, женушки! – запыхтел он, вбегая в тесную гостиную за лавкой и размахивая руками, как семафор.

Пять миссис Блинко оторвались от своих романов и вышивок и посмотрели на мужа.

– Девчонка объявилась! Та самая, уродина! Вы подумайте, столько недель искали, расспрашивали, и вдруг она спокойненько входит себе прямо к нам на биржу! Скорее, собирайтесь в дорогу!

Мистер Блинко радостно потер руки. Он уже прикидывал, как потратит деньги, которые получит от Зеленой Грозы, когда доставит к ним Эстер и «Дженни Ганивер».

Сердцевина оказалась удивительным местом: громадная гулкая пещера, заполненная грохотом городских двигателей, клубами дыма и пара, сотнями перекрещивающихся мостиков, рельсов и лифтовых шахт. Здания теснились на выступах вдоль стен и на платформах, установленных на сваях, а то лепились под потолком, словно ласточкины гнезда. Рабы в железных ошейниках подметали тротуары. Других рабов одетые в меха надсмотрщики гнали, подстегивая кнутами, на тяжелую и малоприятную работу в холодные наружные районы. Эстер старалась не замечать ни невольников, ни богато одетых дам, ведущих маленьких мальчиков на поводке, ни человека, который остервенело пинал ногами раба, нечаянно задевшего его, проходя мимо. Все это ее не касается. Такой уж город Архангельск, здесь сильные могут делать все, что пожелают.

Ворота усадьбы Масгарда охраняла железная статуя божества-волка

Изенгрима. В доме пылали газовые горелки на железных треножниках, наполняя просторную приемную дрожащими световыми узорами с резкими, острыми как бритва тенями. Стройная, гибкая девушка в рабском ошейнике, украшенном драгоценными камнями, смерив Эстер взглядом, спросила, по какому она делу. Эстер ответила ей то же, что и охранникам у дверей: «Я хочу продать информацию охотникам Архангельска».

В густой тени под высокой, словно в амбаре, крышей загудел моторчик, и Масгард плавно спустился вниз, сидя на кожаном диване, подвешенном к небольшому воздушному шару. Под изголовьем дивана торчали миниатюрные сопла двигателей. Это был диван-дирижабль, игрушка богачей. Масгард подвел его вплотную к Эстер и завис в воздухе, наслаждаясь ее изумлением. Девушка-рабыня потерлась головой о его сапог, точно кошка.

– Ну-ну, – сказал Петр Масгард. – А ведь я тебя знаю! Ты – та курочка со шрамом из Воздушной Гавани. Явилась воспользоваться моим предложением, вот как?

– Я пришла рассказать, где можно найти добычу, – произнесла Эстер, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Масгард подвел диван-дирижабль еще чуточку ближе, держа ее в ожидании, изучая игру вины и страха на ее обезображенном лице. Его город слишком разросся и теперь не мог выжить без помощи подонков общества, таких как она, и Масгард ненавидел ее за это.

– И что? – спросил он наконец. – На какой городишко ты желаешь донести?

– Не просто городишко, – ответила Эстер. – Большой город. Анкоридж.

Масгард попытался сохранить скучающий вид, но Эстер заметила искорку интереса в его глазах. Она постаралась раздуть из этой искры пламя.

– Вы, наверное, слышали об Анкоридже, мистер Масгард. Это крупный ледовый город. Полным-полно богатой мебели, самое большое ведущее колесо на льду и отличные олд-тековские двигатели, называются Скабиозовы сферы. Они направляются к западному льду в обход Гренландии.

– Зачем?

Эстер пожала плечами (лучше не говорить о путешествии в Америку, это слишком непонятно и неправдоподобно).

– Кто их знает? Возможно, они слышали о каких-нибудь залежах олд-тека и хотят провести раскопки. Наверняка вы сумеете узнать все

подробности от их красивой молодой маркграфини…

Масгард ухмыльнулся:

– Видишь мою Джулианну? Она была дочерью маркграфа, до того как великий Архангельск слопал городок ее папочки.

– В таком случае подумайте, каким приятным добавлением к вашей коллекции станет Фрейя Расмуссен, – ответила Эстер.

Ей казалось, что она как будто стоит чуть в стороне от самой себя; она уже ничего не чувствовала, разве только, пожалуй, легкую гордость, что она такая бессердечная.

– А если вы захотите немного перекусить по дороге, я могу дать вам координаты Волкогемптона, это хищный пригород, который только что поймал жирную добычу.

Масгард не мог остаться равнодушным к таким сведениям. Несколько дней назад он уже слышал об Анкоридже и Волкогемптоне от Уиджери Блинко, но скользкий антиквар не знал, куда направляется в настоящее время Волкогемптон. Что касается Анкориджа, Масгард не сразу поверил, что ледовый город могли видеть так далеко к западу.

Но эта убогая, кажется, знает, о чем говорит. Вместе с данными, полученными от Блинко, ее информация сможет убедить Совет согласиться на перемену курса. Он заставил Эстер еще минуту помучиться ожиданием – пусть прочувствует, какая она презренная шваль. Наконец Масгард выдвинул ящичек, скрытый в подлокотнике летучего дивана, достал толстый лист пергамента и расписался на нем своей авторучкой. Рабыня передала бумагу Эстер. На листе готическим шрифтом были напечатаны какие-то слова и стояли печати с именами богов Архангельска: Изенгрима и Тэтчер.

– Это вексель, – пояснил Масгард, включив мотор дивана и начиная подниматься вверх. – Если твоя информация подтвердится, можешь забрать свое вознаграждение после того, как мы съедим Анкоридж. Сообщи свои данные моему клерку.

Эстер покачала головой:

– Я делаю это не ради золота.

– Что же тебе нужно?

– На борту Анкориджа есть один человек, Том Нэтсуорти, вы его видели вместе со мной в Воздушной Гавани. Отдайте его мне. Только он не должен знать, что все это подстроено. Пусть думает, что я его спасла. Все остальное в этом тухлом городе – ваше, только не Том. Он мой. Это моя цена.

Дожидаясь на станции обратного лифта в гавань, Эстер почувствовала, как дрогнули под ногами плиты палубы, – это огромный Архангельск пришел в движение. Она прижала ладонь к карману, проверяя, на месте ли отредактированный вексель Масгарда. Как обрадуется Том, когда она явится и спасет его из брюха хищного мегаполиса! Как быстро он забудет свою маркграфиню, когда они снова будут странствовать вдвоем по птичьим дорогам!

Она сделала то, что должна была сделать, сделала это ради Тома, и теперь у нее нет пути назад. Она захватит кое-какие мелочи с «Дженни Ганивер» и снимет где-нибудь комнату на время путешествия.

Когда она снова оказалась в гавани, уже была ночь и снежинки порхали, словно мотыльки, вокруг сигнальных фонарей. Из кабаков за причалом доносился хриплый смех и дешевая музыка, становясь громче, когда кто-нибудь открывал дверь. Тусклые фонари отбрасывали лужицы теней там, где стояли пришвартованные торговые суда – «Фрам», «Фруд», «Смауг». Эстер шла мимо них к недорогому причалу, где была пришвартована «Дженни», и ей было очень не по себе. В городе опасно, а она за последнее время отвыкла ходить одна.

– Мисс Шоу?

Говоривший застал ее врасплох, подойдя со стороны слепого глаза. Эстер схватилась за нож, но тут же узнала симпатичного старичка, который помог ей сегодня.

– Я провожу вас до корабля, мисс Шоу. Тут поблизости расположились торговцы из снегоходов – настоящие головорезы. Не годится молодой девушке ходить в одиночку. Ваше судно – «Дженни Ганивер», правильно?

– Верно, – ответила Эстер, удивляясь, откуда он знает ее имя и название корабля. Должно быть, расспрашивал на пристани или посмотрел книгу приезжающих в портовой конторе.

– Ну как, видели Масгарда? – спросил между тем ее новый друг. – Вероятно, это как-то связано с тем, что мы неожиданно двинулись на запад? Вы продали ему какой-то город?

Эстер кивнула.

– Я и сам занимаюсь такими делами, – заметил торговец и вдруг прижал ее к металлической подпорке торгового дирижабля под названием «Временные трудности».

Эстер вскрикнула от боли и удивления, попыталась набрать воздуху, чтобы позвать на помощь. Что-то ужалило ее в шею, словно шершень. Торговец, тяжело дыша, отступил на шаг и убрал в карман медный шприц, блеснувший в свете окон далекой таверны.

Эстер хотела поднести руку к шее, но наркотик подействовал мгновенно – руки и ноги ее уже не слушались. Она попыталась крикнуть, но получилось только бессмысленное мычание. Она шагнула вперед и упала. Сапоги торговца оказались на расстоянии нескольких сантиметров от ее лица.

– Я дико извиняюсь, – услышала она его голос, далекий, искаженный, совсем как голос Тома в тот последний раз, когда она слышала его в телефонной трубке в гостиной у мистера и миссис Аакиук. – Мне, видите ли, приходится содержать пять жен, и все они привыкли к роскошной жизни, а если что не по ним, уж так меня пилят – не приведи господи!

Эстер снова замычала, роняя слюну на палубу.

– Не надо так беспокоиться! – вновь зазвучал голос. – Я просто-напросто доставлю тебя и твой корабль к Разбойничьему Насесту. Тебя желают допросить. Только и всего.

– Но Том… – со страшным усилием простонала Эстер.

Появились еще несколько пар сапог – дорогих модных дамских сапог с кисточками. Послышались новые голоса.

– Ты уверен, что это она, Блинко?

– Фу! Какое страшилище!

– За нее никто и ломаного гроша не даст!

– Десять тысяч наличными, как только доставлю ее на Насест, – самодовольно изрек Блинко. – Я ее повезу на ее собственном корабле и прихвачу на буксире шлюпку с «Временных трудностей» на обратную дорогу. Мигом к вам вернусь с целыми мешками деньжат. А вы присматривайте за лавкой, пока меня не будет, мои лапочки!

– Нет! – попыталась выговорить Эстер.

Если ее увезут, она не сможет спасти Тома, его съедят вместе со всем Анкориджем – и все ее хитроумные планы окажутся напрасными… Но хотя она изо всех сил пыталась брыкаться, пока они обшаривали ее карманы в поисках ключей, ей не удалось ни пошевелиться, ни крикнуть, ни хотя бы моргнуть. Но сознание она потеряла далеко не сразу, и это было хуже всего, потому что она понимала все, что происходит вокруг, пока торговец и его жены волоком тащили ее на палубу «Дженни Ганивер» и начинали приготовления к взлету.

Часть вторая

Глава 19
Зал памяти

Эстер очнулась оттого, что мощная струя ледяной воды швырнула ее плашмя на холодный каменный пол, ударила о стену, отделанную белой керамической плиткой. Девушка вскрикнула и сейчас же захлебнулась и закашлялась. Ее рот был полон воды. Мокрые волосы залепили все лицо, не давая видеть, а когда она отвела их в сторону, смотреть оказалось особенно не на что. Просто холодная белая комната, освещенная одним аргоновым шаром, и мужчины в белой форменной одежде, поливающие ее водой из шлангов.

– Достаточно! – скомандовал женский голос.

Ливень прекратился, мужчины отвернулись, чтобы повесить шланги, с которых еще стекали струйки воды, на металлическую раму, укрепленную на стене. Эстер, давясь и ругаясь, выплевывала воду на пол. Вода, завиваясь маленькими водоворотиками, утекала в дыру. К Эстер понемногу возвращались обрывочные воспоминания об Архангельске, о торговце, о том, как она ненадолго пришла в себя в промозглом трюме «Дженни» и обнаружила, что связана по рукам и ногам. Она попыталась высвободиться, попыталась кричать, тут же явился торговец, снова принялся извиняться, и снова ее ужалило в шею, и опять наступила темнота. Он держал ее под действием снотворного и в таком состоянии переправил из Архангельска в это непонятное место…

– Том! – простонала она.

К ней, разбрызгивая воду, приблизились ноги в сапогах. Она вскинула голову, зарычала, ожидая увидеть торговца, но это был не он. Это была молодая девушка, вся в белом. Бронзовый значок на груди говорил о том, что девушка – субалтерн Лиги противников движения, а на рукаве была вышита зеленая молния.

– Оденьте ее! – приказала девушка-офицер.

Мужчины за волосы вздернули Эстер на ноги.

Они не стали ее вытирать, а попросту всунули в бесформенный серый комбинезон. Эстер едва стояла на ногах, куда уж там сопротивляться. Босую, ее вытолкали из душевой и повели по темному коридору. Девушка-офицер шагала впереди. По стенам были расклеены плакаты с изображением дирижаблей, атакующих города, а также красивых мужчин и женщин, любующихся восходом солнца над зелеными горами. Навстречу

проходили другие солдаты, их сапоги гулко громыхали под невысоким потолком. Большинство из них были не старше Эстер, но у всех были мечи, и знак молнии на рукавах, и бодрые, самодовольные лица людей, уверенных в своей правоте.

В конце коридора была железная дверь, а за дверью – камера, узкое, высокое помещение, похожее на могилу, с единственным окном очень далеко от пола. Под осыпающимся цементным потолком тянулись трубы отопления, но тепла от них не ощущалось. Эстер дрожала, медленно обсыхая в своем комбинезоне из колючей ткани, от которой страшно чесалось тело. Кто-то швырнул ей в лицо тяжелое пальто. Эстер поняла, что пальто – ее собственное, и с благодарностью натянула его на себя.

– А где остальное? – спросила она.

Они не сразу поняли, о чем она говорит, – зубы у нее стучали, а губы, и без того изувеченные, еле двигались (видимо, еще не прошло остаточное действие снотворного).

– Где моя остальная одежда?

– Сапоги. – Девушка-офицер взяла обувь из рук одного из своих подчиненных и бросила Эстер. – Остальное мы сожгли. Не беспокойся, варварка, эти вещи тебе больше не понадобятся.

Дверь закрылась. Ключ повернулся в замке. Шаги тяжелых сапог постепенно затихли, удаляясь. Эстер услышала, что где-то далеко внизу шумит море, набегая на каменистый берег. Она обхватила себя руками, пытаясь согреться, и тихо заплакала. Не о себе, даже не о Томе. Она плакала о своей сгоревшей одежде: о жилете, в кармане которого лежала фотография Тома, и о милом красном шарфе, который Том купил ей в Перипатетиаполисе. Теперь у нее совсем ничего от него не осталось.

Тьма за крошечным высоким окошком чуть поредела, небо сделалось серым, выцветшим. Дверь загремела и открылась. В камеру заглянул человек и сказал:

– Вставай, дикарка. Командир ждет тебя.

Девушка-командир ждала ее в большой, чистой комнате, где сквозь побелку на стенках слабо проступали изображения дельфинов и русалок, а за круглым окошком было видно море, шершавое, как терка. Командир уселась за стальной письменный стол. Ее смуглые пальцы принялись выстукивать обрывки какой-то безумной мелодии на официального вида папке. Она встала только после того, как конвоиры Эстер отсалютовали своей начальнице.

– Оставьте нас, – велела она.

– Но, командир… – начал было один.

– Думаю, я как-нибудь справлюсь с одной-единственной хилой варваркой.

Она подождала, пока мужчины выйдут, затем медленно обошла вокруг стола, не сводя глаз с Эстер.

Эстер уже приходилось встречать яростный взгляд этих темных глаз: девушка-командир была не кто иная, как Сатия, неистовая подопечная Анны Фанг из Батмунх-Гомпы. Эстер не особенно удивилась. С тех пор как она попала в Архангельск, ее жизнью правила загадочная логика сновидения, и казалось вполне уместным встретить в конце пути знакомое недружелюбное лицо. Два с половиной года прошло со времени их прошлой встречи, но Сатия как будто постарела намного больше; лицо у нее было измученным и суровым, а в темных глазах поселилось какое-то непонятное выражение, как будто ярость и вина, гордыня и страх перемешались в ее душе, сплавившись в некое новое чувство, которому нет названия.

– Добро пожаловать на Объект, – сказала она холодно.

Эстер уставилась на нее:

– Что это за место? Где оно находится? Я не знала, что у ваших еще остались базы на севере, после того как съели Шпицберген.

Сатия только улыбнулась:

– Ты многого о нас не знаешь, мисс Шоу. Пускай Высший Совет вывел войска Лиги из полярного региона, но кое-кто из нас не смирился с поражением. Зеленая Гроза держит несколько баз на севере. Поскольку ты не уйдешь отсюда живой, я могу тебе сказать, что данный объект находится на Разбойничьем Насесте, – это остров, расположенный на расстоянии около трехсот пятидесяти километров от южной оконечности Гренландии.

– Здесь очень мило, – заметила Эстер. – Видимо, вас привлекает сюда здоровый климат?

Сатия отвесила ей пощечину, от которой у Эстер зазвенело в ушах и перехватило дыхание.

– Под этим небом выросла Анна Фанг, – отрезала командир. – Ее родители вели торговлю в здешних краях, прежде чем попали в рабство на борт Архангельска.

– Ясно. Стало быть, сентиментальные мотивы, – буркнула Эстер и вся напряглась, ожидая очередного удара, но удара не последовало.

Сатия отвернулась к окну.

– Три недели назад ты уничтожила наше звено над Драконьим перевалом, – проговорила она.

– Только потому, что они атаковали мой корабль, – ответила Эстер.

– Это не твой корабль! – рявкнула девушка-офицер. – Это корабль Анны… был… Ты украла его в ту ночь, когда погибла Анна. Ты и твой любовник-варвар Том Нэтсуорти. А кстати, где он? Неужели он тебя бросил?

Эстер пожала плечами.

– И что же ты делала одна в Архангельске?

– Продавала кое-какие города охотникам, только и всего, – ответила Эстер.

– Вот этому я готова поверить! Предательство у тебя в крови.

Эстер нахмурилась. Ее что, притащили в такую даль, чтобы Сатия могла вволю пооскорблять ее родителей?

– Если вы намекаете, что я пошла в маму, так она, конечно, совершила очень большую глупость, когда выкопала эту МЕДУЗУ, но, по-моему, она никого не предавала.

– Верно, – согласилась Сагия. – Но вот отец…

– Мой папа был фермером! – Эстер вдруг страшно рассердилась, что эта девица стоит перед ней и поливает грязью память ее покойного отца, который за всю свою жизнь никому не сделал зла.

– Лгунья, – процедила Сатия. – Твой отец – Таддеус Валентайн!

За окном вдруг пошел снег, похожий на сахарную пудру. Было видно, как айсберги бродят по серому бесприютному зимнему морю. Эстер сказала тоненьким голоском:

– Это неправда.

Сатия вынула из папки исписанный листок бумаги.

– Вот отчет, который Анна написала для Высшего Совета Лиги в тот день, когда привезла тебя в Батмунх-Гомпу. Как там она пишет?… А, да: «Двое молодых людей. Один – очаровательный молодой подмастерье-историк из Лондона, совершенно безобидный, другая – бедная изуродованная девушка, которая, я в этом уверена, является пропавшей дочерью Пандоры Рей и Таддеуса Валентайна».

Эстер сказала:

– Мой папа – Дэвид Шоу с Дубового острова…

– У твоей матери было много любовников до того, как она вышла замуж за Шоу, – жестко, осуждающе проговорила Сатия. – Валентайн был одним из них. Ты – его ребенок. Анна ни в коем случае не написала бы такого, не будь она абсолютно уверена.

– Мой папа – Дэвид Шоу, – всхлипнула Эстер, но она уже понимала, что это не так.

В глубине души она знала – знала давно, целых два года, с той

минуты, когда впервые встретилась взглядом с Валентайном над телом его умирающей дочери. В тот момент между ними, словно электрическая искра, проскочило взаимопонимание, полуузнавание, которое она тут же задавила в себе, потому что не хотела, ни за что не хотела, чтобы он был ее отцом. Но где-то там, в самой глубине, она поняла. Неудивительно, что у нее не поднялась на него рука!

– Анна ошиблась в тебе, не так ли? – заговорила Сатия, вновь отойдя к окну.

Снегопад прекратился. На сером море играли солнечные зайчики.

– И ты никуда не пропадала, и Том вовсе не был таким безобидным. Вы оба с самого начала были в сговоре с Валентайном. Вы воспользовались добротой Анны, чтобы проникнуть в Батмунх-Гомпу, и помогли ему сжечь наш воздушный флот.

– Нет! – воскликнула Эстер.

– Да. Вы заманили Анну туда, где он мог расправиться с ней, а потом украли ее корабль.

Эстер замотала головой:

– Вы ошибаетесь!

– Прекрати врать! – закричала Сатия, круто оборачиваясь.

В глазах у нее стояли слезы.

Эстер попыталась вспомнить ту ночь в Батмунх-Гомпе. Все слилось в неясную мешанину пожаров и беготни, но ей смутно припоминалось, что Сатия тогда проявила себя не лучшим образом. Несмотря на все пламенные речи, Сатия отпустила свою обожаемую Анну сражаться с Валентайном в одиночку, и Валентайн убил ее. Эстер хорошо знала, что такие вещи себе не прощают. Их стирают из памяти или навсегда поддаются отчаянию.

Или находят, на кого свалить вину. Например, на дочь Валентайна.

Сатия сказала:

– Ты заплатишь за то, что сделала. Но сперва ты, может быть, сумеешь помочь мне исправить содеянное тобой.

Она взяла из ящика письменного стола револьвер и указала на маленькую дверцу в дальней стене. Эстер двинулась в ту сторону. На самом деле ей было безразлично, куда она идет и застрелит ли ее Сатия в конце пути. «Дочь Валентайна, – бесконечно повторяла она про себя. – Дочь Валентайна перешагивает порог. Дочь Валентайна спускается по металлическим ступенькам. Дочь Валентайна…»

Неудивительно, что у нее такой бешеный характер. Неудивительно, что она оказалась способна продать Архангельску целый город хороших людей и при этом совесть ее лишь едва пискнула. Она – дочь Валентайна и,

как видно, пошла в папочку.

Ступеньки привели к туннелю, а туннель – в какое-то помещение вроде вестибюля. Двое часовых холодно глядели на Эстер сквозь смотровые окошки шлемов из тонированного стеклопластика. Около тяжелой стальной двери стоял в ожидании еще один человек – низенький, суетливый, похожий на кролика с красными глазками. Он нервно грыз ногти. Аргоновые настенные лампы бросали яркие отсветы на его лысый череп. Между бровей у него была татуировка в виде красного колеса.

– Инженер! – воскликнула Эстер. – Лондонский инженер! Я думала, они все погибли…

– Кое-кто выжил, – сказала Сатия. – После взрыва Лондона мне было поручено командовать эскадроном, который подбирал спасшихся в катастрофе. Большинство отправили вглубь территории Лиги, в лагеря рабов, но, когда я допросила доктора Попджоя и узнала, какой работой он занимался, я поняла, что он может нам пригодиться.

– В чем пригодиться? Я думала, Лига ненавидит олд-тек.

– Среди членов Лиги всегда были люди, убежденные, что для победы над движущимися городами мы должны обратить против них их собственные адские устройства, – отозвалась Сатия. – После того, что ты и твой отец устроили в Батмунх-Гомпе, эти голоса зазвучали громче. Было создано тайное общество офицеров – Зеленая Гроза. Когда я рассказала им про Попджоя, они сразу увидели его потенциал и позволили мне организовать этот объект.

Инженер обнажил крупные желтые зубы в нервной улыбке:

– Так это и есть Эстер Шоу? Она может оказаться полезной. Да, да. Так сказать, «присутствовала при убийстве». Ее появление в составе мнемонического антуража может стать решающим толчком, которого мы столько времени ждали.

– Приступайте, – отрывисто приказала Сатия, и Эстер вдруг увидела, что и она тоже страшно волнуется.

Попджой повернул один за другим несколько рычагов на двери. Массивные электромагнитные замки отомкнулись с глухим лязгающим звуком, напоминающим отсоединяющиеся магнитные швартовочные зажимы. Охранники напружинились, снятые с предохранителя громоздкие пулеметы выпустили из дула струйки пара. Неожиданно Эстер поняла: все эти меры безопасности служат не для того, чтобы не пропустить посторонних в эту дверь, а для того, чтобы удержать кого-то внутри.

Дверь распахнулась.

Позднее Эстер узнала, что Зал Памяти был устроен в отработавшем

свое топливном резервуаре, одном из десятков стальных шаров, которые гроздьями лепились в расщелинах скал Разбойничьего Насеста, но в первый момент она просто увидела перед собой невероятно огромное помещение с ржавыми стенами, куполом сходившимися высоко вверху, а внизу образующими нечто вроде глубокой чаши. Стены были сплошь оклеены фотографиями: увеличенными снимками человеческих лиц, видами Лондона, Архангельска и Марселя. Среди фотографий висела выполненная на шелке картина с видом Батмунх-Гомпы в раме из черного дерева. На свободных участках стены непрерывно прокручивались коротенькие ролики, записанные на старой, поцарапанной пленке: маленькая золотисто-смуглая девочка с косичками смеется, стоя на лугу; молодая девушка затягивается трубкой с длинным чубуком и выдувает дым прямо в объектив камеры.

Эстер вдруг сделалось страшно до тошноты, хоть она сама не понимала, чего боится.

По краю сферического купола шел узкий балкончик, и такой же узкий мостик тянулся от него к центральной платформе, где стояла фигура в сером облачении, похожем на монашескую рясу. Сатия и Попджой ступили на мост, Эстер попятилась, но один из охранников настойчиво подтолкнул ее в спину. Сатия шагнула на платформу, коснулась руки того, кто там стоял. Девушка-офицер беззвучно плакала, лицо ее блестело от слез.

– Я приготовила тебе подарок, дорогая, – тихо проговорила она. – Это гостья. Ты должна ее вспомнить!

Закутанная фигура повернулась, серый капюшон упал, и Эстер увидела, что это Анна Фанг… Нет, то, что было когда-то ею.

Глава 20
Новая модель

Доктор Попджой потрудился на совесть для своих новых хозяев. Конечно, и он, и его помощники-инженеры долгие годы занимались изучением технологии Сталкеров. Они многое узнали от Шрайка, механизированного массового убийцы, который когда-то «удочерил» Эстер. Они научились даже изготавливать собственных Сталкеров. Эстер видела целые роты Воскрешенных людей, марширующих по улицам Лондона в ту ночь, когда взорвалась МЕДУЗА. Но сравнивать те пошатывающиеся на ходу бессмысленные создания с тем, что стояло сейчас перед ней, – все равно что сравнивать драный старый грузовой воздушный шар с новенькой небесной яхтой марки «Серапис».

Это существо было стройным, почти изящным, ростом ненамного выше, чем была при жизни мисс Фанг. Лицо существа закрывала бронзовая посмертная маска пилотессы, а провода и гибкие трубки, идущие от черепа, были собраны на затылке в аккуратный пучок. Оно рассматривало Эстер, по-человечески поводя головой и руками; на мгновение девушке чуть было не показалось, что инженер сумел вернуть Анну к жизни.

Сатия начала быстро говорить чуть срывающимся голосом:

– Она пока еще ничего не помнит, но она вспомнит. Эта комната заменяет ей память, пока не вернутся ее собственные воспоминания. Мы собрали фотографии всех ее знакомых людей, всех мест, где она побывала, городов, с которыми она сражалась, ее возлюбленных и ее врагов. Она все вспомнит. Ее воскресили всего несколько месяцев назад, а когда…

Сатия внезапно умолкла, как будто поняла, что от ее оптимистической болтовни ужас содеянного ею становится лишь еще чудовищнее. Эхо ее слов все еще шептало, отдаваясь по кругу бывшего топливного резервуара: «Да, да, да, да, да…»

– О боги и богини! – сказала Эстер. – Почему вы не могли оставить ее покоиться с миром?

– Потому что она нужна нам! – выкрикнула Сатия. – Лига сбилась с правильного пути! Нам нужны новые вожаки. Анна была лучшей из нас. Она поведет нас к победе!

Сталкер сжал кулаки, снова разжал, из гибких пальцев плавно выдвинулись острые лезвия: щелк, щелк, щелк.

– Это не Анна, – сказала Эстер. – Из Страны без солнца не

возвращаются. Пускай ваш дрессированный инженер сумел заставить ее труп ходить и говорить, но это не она. У меня был когда-то знакомый Сталкер. Они не помнят, кем были при жизни. У них совсем другая личность; та, прежняя, умерла, и если в голову мертвеца запихать одну из этих олд-тековских машинок, получается новая личность, как будто в пустой дом въехал новый жилец…

Попджой тихонько захихикал:

– Я и не знал, что вы специалист по этим вопросам, мисс Шоу. Разумеется, вы имеете в виду старую модель типа «Шрайк» – чрезвычайно несовершенное изделие. Прежде чем поместить устройство «Сталкер» в мозг мисс Фанг, я запрограммировал его на поиск ее центров памяти. Я абсолютно уверен, что нам удастся пробудить дремлющие там воспоминания. Для того и служит эта комната – она стимулирует мозг подопытного субъекта, постоянно напоминая о прежней жизни. Главное – найти подходящий мнемонический раздражитель, который запустит механизм воспоминаний. Вот для этого нам и понадобились вы.

Сатия подтолкнула Эстер вперед, так что та оказалась всего в нескольких сантиметрах от нового Сталкера.

– Посмотри, дорогая! – бодро заговорила Сатия. – Посмотри! Это Эстер Шоу! Дочь Валентайна! Помнишь, ты нашла ее на Поверхности и привезла в Батмунх-Гомпу? Она была рядом с тобой, когда ты умерла!

Сталкер подался вперед. В тени за бронзовой маской мертвый почерневший язык облизал высохшие губы. Голос прозвучал мертвым шелестом, точно шум ночного ветра среди камней:

– Я не знаю эту девушку.

– Знаешь, Анна! – уговаривала Сатия с леденящим душу терпением. – Должна знать! Постарайся, вспомни!

Сталкер поднял глаза, обежал взглядом сотни портретов на стенах, на полу и потолке его сферической тюрьмы. Среди них были родители Анны Фанг и Стилтон Каэль, который был ее хозяином, когда Анна была рабыней на разделочной верфи Архангельска. Был здесь и Валентайн, и капитан Кхора, и Пандора Рей, не было только фотографии изуродованного лица Эстер. Сталкер снова обратил к ней свои механические глаза, его длинные когти задергались.

– Я не знаю эту девушку. Я не Анна Фанг. Ты даром расходуешь мое время, маленькая однаждырожденная. Я хочу выйти отсюда.

– Ну конечно, Анна, только ты постарайся вспомнить! Ты должна снова стать самой собой, тогда мы сможем отвезти тебя домой. В странах Лиги тебя все любили. Когда они узнают, что ты вернулась, они все пойдут

за тобой.

– Ах, командир, – пробормотал Попджой, пятясь к мостику. – По-моему, нам следует удалиться…

– Я не Анна Фанг, – повторил Сталкер.

– Командир, я определенно считаю…

– Анна, я прошу тебя!

Эстер инстинктивно схватила Сатию и потащила ее назад. Когти-лезвия рассекли воздух в трех сантиметрах от шеи девушки-офицера. Охранник навел пулемет на Сталкера, и жуткая машина заколебалась в нерешительности – ровно настолько, чтобы посетители успели перебежать через мост.

Едва они добрались до выхода, человек, дежуривший снаружи, потянул тяжелый рычаг с красной рукояткой. Среди разрастающегося электрического гула зажглись красные тревожные огни.

Вываливаясь вслед за остальными в комнату перед дверью, Эстер услышала рев Сталкера:

– Я не Анна Фанг!

Оглянувшись как раз в последний миг перед тем, как охранники захлопнули дверь и задвинули запоры, она увидела, что механическое чудовище смотрит прямо на нее, шевеля сверкающими когтями.

– Очень интересно, – пробормотал Попджой, делая заметки в планшете. – Чрезвычайно интересно. Пожалуй, мы несколько преждевременно смонтировали пальцевые клинки…

– Что с ней? – спросила Сатия.

– Трудно сказать наверняка, – сознался Попджой. – Я думаю, новые компоненты поиска памяти, которые я встроил в базовую модель сталкерского мозга, пришли в противоречие с его основополагающими тактическими и агрессивными инстинктами…

– Вы хотите сказать, что он сошел с ума? – спросила Эстер.

– Право же, мисс Шоу, «сошел с ума» – весьма неконструктивный термин. Я предпочитаю говорить, что бывшая мисс Фанг обладает альтернативным разумом.

– Бедная Анна… – прошептала Сатия, массируя себе горло кончиками пальцев.

– Не надо переживать из-за Анны, – сказала Эстер. – Анна умерла. Вы бы лучше себя пожалели. У вас на руках безумная машина для убийства, и ваши глупые ружья не смогут вечно удерживать ее взаперти. Она спокойно может спуститься со своей платформы, дойти до двери и…

– Через мостик пропущен электрический ток, мисс Шоу, – жестко

сказал Попджой. – Опоры платформы также под током, как и внутренняя сторона двери. Мощный электрический удар неприятен даже для Сталкера. Что касается ружей, я вполне уверен, что бывшая мисс Фанг еще не понимает своей новой силы и пока что остерегается их. Возможно, это свидетельствует о том, что у нее действительно сохранились кое-какие воспоминания о прежнем, человеческом опыте.

Сатия взглянула на него с надеждой:

– Да, доктор, да! Нельзя сдаваться! Мы еще раз приведем сюда Эстер.

Она с улыбкой отвернулась, но Эстер заметила панический взгляд Попджоя из-за очков. Он понятия не имел о том, как восстановить память погибшей пилотессы. Рано или поздно даже Сатия должна будет понять, что все попытки вернуть подругу из Страны, не ведающей солнца, обречены на неудачу. А когда она это поймет, Эстер станет ей не нужна.

«Я умру здесь, – думала девушка, пока ее вели под конвоем обратно в камеру и запирали дверь на замок. – Или Сатия меня убьет, или это сумасшедшее чудище. Я никогда не увижу Тома, не смогу его спасти, и он тоже умрет в рабских подвалах Архангельска, умрет, проклиная меня».

Она медленно съехала по стене вниз, скорчилась жалким маленьким комочком. Было слышно, как шумит море, накатывая на скалы Разбойничьего Насеста; его шум был таким же холодным, как голос нового Сталкера. Было слышно, как осыпаются с прогнившего от сырости потолка крупицы краски и цемента и как что-то скребется в старой трубе отопления, – этот звук напомнил Эстер Анкоридж. Она стала думать о мистере Скабиозе, о Сатии, и о том, на что только не способны люди в отчаянной попытке удержать того, кого любят.

– Том! Ах, Том! – всхлипывала она, представляя, как он живет себе в Анкоридже, спокойный и счастливый, и даже не догадывается, что она пустила по его следу громадный хищный Архангельск.

Глава 21
Слухи и пауки

Прошел день, другой, потом неделя, потом еще одна, и еще. Анкоридж повернул на запад, обогнув северную оконечность Гренландии, то и дело высылая вперед разведывательные команды на санях для проверки прочности льда. Ни один город еще не проходил этим путем, и мисс Пай не доверяла навигационным картам.

У Фрейи было такое чувство, словно она и сама вступила на неизведанную территорию. Почему она так несчастна? Почему все вдруг стало так плохо, а ведь казалось так хорошо и правильно? Она не могла понять, почему Том отвергает ее. «Неужели он все еще тоскует по Эстер? – думала она, протирая маленькое окошечко в пыли, покрывающей зеркало в ее туалетной комнате, и рассматривая свое отражение. – Не может быть, чтобы он предпочел ее мне!»

Иногда, шмыгая носом от жалости к себе, она сочиняла хитроумные планы, как снова завоевать Тома. Иногда начинала сердиться и расхаживала по пыльным коридорам, бормоча про себя все, что должна была бы сказать во время той ссоры. Раз или два поймала себя на том, что подумывает, не отдать ли приказ отрубить ему голову за государственную измену, но палач Анкориджа (очень старенький джентльмен, чья должность носила чисто церемониальный характер) тоже умер, а у Смью едва ли хватило бы сил оторвать топор от пола.

Том переселился из своих дворцовых апартаментов в заброшенную квартиру в большом пустом здании на Расмуссен-проспекте, недалеко от воздушной гавани. Теперь он не мог отвлечься на Вундеркамеру или библиотеку маркграфини и целые дни проводил, жалея себя и гадая, как вернуть Эстер или, по крайней мере, разузнать, куда она отправилась.

Покинуть Анкоридж не было никакой возможности. Том долго надоедал мистеру Аакиуку просьбами снарядить «Гракулу» для дальнего путешествия, но «Гракула» был обыкновенным буксиром, он никогда еще не улетал от гавани дальше чем на километр, и мистер Аакиук утверждал, что к нему не удастся приделать достаточно большие топливные баки для путешествия на восток.

– Кроме того, – прибавлял начальник порта, – чем ты собираешься их наполнить? Я недавно проверял уровень топлива в портовых хранилищах. Там почти ничего не осталось. Ума не приложу, в чем дело. Индикаторы

показывают, что цистерны полны, а на самом деле там почти совсем пусто.

Пропадало не только топливо. Том, которого не убедили слова мистера Скабиоза о призраках, расспрашивал в машинном отделении всех и каждого о загадочном приятеле Эстер. Никто его не знал, но каждый мог кое-что порассказать о темных фигурах, прячущихся по углам в тех частях города, где никого не должно было быть, и об инструментах, которые мастера оставляли после окончания смены на рабочем месте и больше уже не находили. Вещи исчезали из шкафов и запертых на ключ комнат, и цистерна с нефтью на улице Теплообмена оказалась выкачана досуха, хотя индикатор показывал, что она почти полная.

– Что происходит? – спрашивал Том. – Кто мог взять все эти вещи? Вы думаете, в городе кто-то есть, о ком мы ничего не знаем? Кто-нибудь остался после чумы, чтобы втайне набить себе карманы?

– Господь с тобой, молодой человек, – посмеивались рабочие машинного отделения. – Кто бы здесь остался, если только не хотел помочь ее сиятельству довести город до Америки? Отсюда ведь не уйдешь. Как они станут продавать награбленное?

– Тогда кто?…

– Призраки, – только и отвечали ему рабочие, качая головой и касаясь амулетов, которые каждый из них носил на шее. – На Высоком льду спокон веку водились привидения. Вот они и поднимаются на борт да подшучивают над живыми. Об этом все знают.

Том не мог разделить их уверенности. Действительно, в машинном отделении было нечисто. Иногда, расхаживая в одиночестве по грязным закоулкам, Том чувствовал, что за ним как будто наблюдают, но он не мог себе представить, зачем призракам могут понадобиться нефть и рабочие инструменты, топливо для воздушных кораблей и безделушки из музея маркграфини.

– Он пронюхал о нас, – мрачно заявил Вертел однажды вечером, наблюдая на экране, как Том бродит среди пустых зданий на окраине машинного отделения и заглядывает во все углы. – Он знает.

– Не знает, – устало ответил Коул. – Он подозревает, только и всего. И даже не знает, что именно он подозревает. Просто догадывается, что что-то происходит.

Вертел с удивлением посмотрел на него и засмеялся:

– А ты, стало быть, знаешь, о чем он думает?

– Я просто говорю, что не нужно из-за него беспокоиться, больше ничего, – пробормотал Коул.

– А я говорю – нужно беспокоиться. Может, лучше бы его прикончить.

Так, чтобы было похоже на несчастный случай. Что скажешь?

Коул не поймался на подначку. В самом деле, с тех пор как Том начал свои розыски, грабителям приходилось действовать гораздо осторожнее, и это сильно замедляло их работу. Вертел из кожи лез, чтобы доказать, что не зря взял на себя командование. Ему хотелось привести к Дядюшке «Винтового червя», раздувшегося от добычи, но хотя они с Коулом почти каждую ночь поднимались наверх, красть заметные предметы не решались, чтобы не усилить подозрений Тома. Пришлось также убрать шланги, подсоединенные к топливным цистернам в воздушной гавани, а это грозило проблемами в ближайшем будущем, поскольку почтовые рыбы, как и большинство систем «Винтового червя», работали на ворованном авиационном топливе.

Та часть Коула, которая принадлежала к Пропащим Мальчишкам, знала, что Вертел прав. Нож под ребро в каком-нибудь глухом переулке, труп спихнуть с галереи на корме – и можно будет снова нормально грабить. Но другая его часть, не такая бессердечная, не могла этого допустить. Лучше всего, если бы Вертел махнул на все рукой и отправился обратно в Гримсби, а его оставил здесь – наблюдать за Томом, Фрейей и всеми остальными. Иногда у него мелькала даже мысль сдаться на милость жителей Анкориджа. Только вот… Всю жизнь, с тех пор как он себя помнил, Коулу твердили, что сухопутники не знают жалости. Ровесники, старшие мальчишки, тренировавшие его в Грабиляриуме, голос Дядюшки, тихо шепчущий из репродуктора в столовой, все говорили одно: пусть сухопутники кажутся цивилизованными, пусть у них такие комфортабельные города и такие красивые девушки, но они делают ужасные вещи с Пропащими Мальчишками, если те попадаются им в руки.

Коул уже не был вполне уверен, что все это правда, но у него не хватало мужества пойти и проверить на практике. Да и как бы это было? «Здравствуйте, я Коул, я вас все это время обкрадывал…»

В глубине каюты затрещал телеграф, и Коул отвлекся от своих мыслей. Оба они с Вертелом вздрогнули от неожиданного звука, а Гаргл, который от жестких методов руководства, присущих Вертелу, стал совсем дерганым, испуганно пискнул. Компактный телеграфный аппарат задрыгал своими медными суставами, словно механический кузнечик, из щели в стеклопластовом колпаке поползла длинная бумажная перфорированная лента. Где-то далеко внизу под Анкориджем плавала почтовая рыба с посланием из Гримсби, посылая сигналы через лед.

Трое мальчишек переглянулись. Очень редкий случай! Ни Коулу, ни Вертелу не приходилось видеть, чтобы грабительская экспедиция получала

послания от Дядюшки. От удивления Вертел даже вышел на минутку из роли командира и озабоченно посмотрел на Коула:

– Что это, как думаешь? Что-нибудь случилось дома?

– Ты теперь капитан, Верт, – ответил Коул. – Пойди проверь.

Вертел прошел через всю каюту, оттолкнул в сторону Гаргла и схватил бумажную ленту. Прищурившись, вгляделся в узор из дырочек. Улыбка сползла с его лица.

– В чем дело, Верт? – нетерпеливо спросил Гаргл. – Это от Дядюшки?

Вертел кивнул и снова уставился на ленту, как будто не мог до конца поверить в прочитанное.

– Конечно, от Дядюшки, придурок. Он говорит, что прочитал наши отчеты. Мы должны немедленно вернуться в Гримсби. И еще он велит привезти с собой Тома Нэтсуорти.

– Профессор Пеннироял!

Великого путешественника в последнее время редко можно было встретить на улицах Анкориджа. Он сидел дома и не являлся даже на заседания Направляющего комитета.

– Я простудился! – объяснил он сиплым голосом, когда Смью по приказу Фрейи постучался к нему в дверь. Но, поднявшись в ту ночь из машинного отделения на Расмуссен-проспект, Том увидел знакомую фигуру Пеннирояла в тюрбане, ковыляющую по снегу в нескольких шагах впереди.

– Профессор Пеннироял! – закричал он снова, бросился бежать и догнал ученого недалеко от входа в Рулевую Рубку.

– А, Тим! – промолвил Пеннироял с бледной улыбкой. Язык у него заплетался, в руках была целая охапка бутылок дешевого красного вина, только что позаимствованных в заброшенном ресторанчике под названием «Северный закусон». – Страшно рад тебя видеть! Вероятно, ситуация с кораблем пока без изменений?

– С кораблем?

– Одна маленькая птичка мне шепнула, что ты просил буксир у Аакиука. «Каракулла», или как он там у него называется. Вроде ты планировал с его помощью покинуть сии полярные пределы и драпануть назад к цивилизации.

– Это было несколько недель назад, профессор.

– Да ну?

– И ничего из этого не вышло.

– Ах вот как! Жаль.

Наступило неловкое молчание. Пеннироял стоял, слегка покачиваясь.

– Я вас давно ищу, – сказал наконец Том. – Я хотел кое о чем у вас спросить. Как у путешественника и историка.

– А! – глубокомысленно отозвался Пеннироял. – Ну, тогда входи.

Резиденция почетного Главного навигатора сильно изменилась к худшему, с тех пор как Том ее в последний раз видел. Горы бумаг и грязной посуды росли, как грибы, на каждой горизонтальной поверхности, дорогая одежда валялась, скомканная, на полу, у дивана выстроились шеренги пустых бутылок, точно обломки крушения, приплывшие на волнах краденого вина.

– Добро пожаловать, добро пожаловать, – рассеянно проговорил Пеннироял, жестом приглашая Тома сесть в кресло и роясь по ящикам письменного стола в поисках штопора. – Итак, что же я могу для тебя сделать?

Том покачал головой. Теперь, когда он собрался произнести свою мысль вслух, она начала казаться ужасно глупой.

– Видите ли, дело в том… В общем, скажите, во время своих путешествий вы никогда не слышали о том, чтобы кто-то посторонний незаметно пробрался на борт ледового города?

Пеннироял чуть не уронил бутылку.

– Посторонний? Незаметно пробрался? Нет! А что? Ты хочешь сказать, что на борту этого города…

– Нет. Не знаю. Может быть. Кто-то ворует вещи, и я не понимаю, с чего бы кто-нибудь из подданных Фрейи стал это делать. Им незачем красть, они и так могут взять все, что им нужно.

Пеннироял откупорил бутылку, отхлебнул вино прямо из горлышка. По-видимому, это помогло ему успокоиться.

– Может быть, к нам прицепился город-паразит, – сказал он.

– О чем вы говорите?

– Разве ты не читал мою захватывающую книгу о путешествии к Нуэво-Майя – «Города-зиккураты и змеиное божество»? – спросил Пеннироял. – Там целая глава посвящена городам-паразитам: «Лас Чидадес Вампирас».

– Никогда о таких не слышал, – сказал Том с сомнением. – Это что, какая-то разновидность кладоискателей?

– О нет! – Пеннироял уселся рядом с Томом, дохнул перегаром ему в лицо. – Есть разные способы наживаться за чужой счет. Города-вампиры прячутся на мусорных свалках, дожидаясь, когда над ними проедет город. Тогда они выскакивают из засады, подпрыгивают и прикрепляются к нижней поверхности его брюха при помощи гигантских присосок. Бедолага

катит себе дальше, не подозревая, что к нему кто-то прицепился, а жители города-паразита тем временем пробираются на борт, выцеживают топливо из резервуаров, воруют оборудование, мужчин убивают поодиночке, а красивых девушек похищают и продают на рынке рабов в Итцале для обрядов жертвоприношения богам вулканов. В конце концов от города-жертвы остается пустая скорлупа, мертвый остов. Его двигатели разобраны на составные части, жители мертвы или захвачены в плен, а разжиревший город-вампир отправляется дальше, на поиски новой добычи.

Том задумался над рассказом профессора.

– Но это же невозможно! – сказал он наконец. – Как может город не заметить, что под ним прицепился пусть маленький, но тоже город? Разве можно не заметить, что по улицам бегает целая толпа народу и ворует что ни попадя? Бессмыслица какая-то! Да еще эти… присоски?!

Пеннироял обиделся:

– Что ты хочешь сказать, Том?

– Я говорю, что… вы все это выдумали! И все, что написано в книге «Мусор? Как бы не так!», и про древние здания, которые вы якобы видели в Америке… Ах, великий Квирк! – То`му вдруг сделалось холодно, хотя в квартире было жарко и душно. – Вы вообще были в Америке? Или это тоже все придумано?

– Конечно был! – возмущенно ответил Пеннироял.

– Не верю!

Прежний Том, воспитанный в почтении к старшим и особенно к историкам, никогда не посмел бы такое сказать или хотя бы подумать. Он и сам не догадывался, как изменили его три недели без Эстер. Он встал, посмотрел сверху вниз в потное, опухшее от вина лицо Пеннирояла и понял, что тот лжет.

– Все это одни только выдумки, верно? – сказал Том. – Все ваше путешествие в Америку состряпано из пилотских баек, плюс еще легенда об исчезнувшей карте старого Снори Ульвессона, которой, скорее всего, никогда и не существовало на свете!

– Как вы смеете, сэр! – Пеннироял, в свою очередь, страшно рассердился и тяжело поднялся на ноги, размахивая пустой бутылкой. – Да как ты смеешь, ничтожный бывший подмастерье-историк, оскорблять меня! К твоему сведению, моих книг разошлось уже свыше ста тысяч экземпляров! Они переведены на десятки языков! Множество хвалебных отзывов! «Убедительно, увлекательно, умопомрачительно!» – издание «Шаддерсфилд Газетт». «Великолепная повесть» – рекламный журнал города Панцерштадт-Кобленц. «Произведения Пеннирояла – глоток

свежего воздуха в затхлом мирке практической истории» – журнал «Еженедельная трепология»…

То`му тоже был срочно необходим глоток свежего воздуха, но совсем не того сорта, какой мог ему предложить профессор Пеннироял. Он оттолкнул расхваставшегося историка, промчался вниз по лестнице и выбежал на улицу. Теперь понятно, почему Пеннироял так живо интересовался ремонтом «Дженни Ганивер», почему он так убивался, когда Эстер улетела. Все эти разговоры о зеленых лесах Америки – сплошное вранье! Он с самого начала знал, что Фрейя Расмуссен ведет свой город навстречу гибели!

Том бросился было в Зимний дворец, но тут же передумал. Не нужно ничего говорить Фрейе. Она все отдала ради этого путешествия на запад. Если он сейчас прибежит к ней и объявит, что Пеннироял говорил неправду, он ранит ее гордость, а гордости Фрейе не занимать. Хуже того, она может вообразить, что Том решился на хитрость, лишь бы уговорить ее повернуть назад и отправиться разыскивать Эстер.

– Мистер Скабиоз! – произнес он вслух.

Скабиоз никогда не доверял профессору Пеннироялу. Скабиоз выслушает его. Том повернулся и изо всех сил побежал назад, к лестнице. Когда он пробегал мимо Рулевой Рубки, профессор Пеннироял выскочил на балкон, перегнулся через перила и закричал ему вслед:

– «Поразительный талант!» – еженедельник «Колесная тяга»!

Внизу, в раскаленной темноте машинного отделения, все гремело и вибрировало в такт работе двигателей, неуклонно приближающих город к катастрофе. Том остановил первого встречного и спросил, где можно найти Скабиоза. Тот кивнул в сторону кормы и прикоснулся к амулету:

– Каждую ночь туда ходит, сына ищет.

Том побежал дальше по тихим заржавленным улицам, где все застыло в полной неподвижности. Или почти все. Проходя под качающимся аргоновым фонарем, он краем глаза заметил светлый блик в отверстии вентиляционной шахты. Том остановился, тяжело дыша, сердце гулко стучало, волоски на руках и на затылке встали дыбом. Из-за Пеннирояла он совсем позабыл о чужаках! Теперь ему разом вспомнились все его полуоформленные предположения. Вентилятор снова казался пустым и совершенно безобидным, но Том был уверен, что там что-то есть, что-то шмыгнуло глубоко в тень в ту самую минуту, как попалось ему на глаза. И это что-то никуда не ушло, оно притаилось и наблюдает за ним.

– Ах, Эстер!.. – прошептал Том, внезапно испугавшись.

Если бы она была рядом! Эстер наверняка сумела бы справиться с

ситуацией, а вот сумеет ли он – неизвестно, особенно в одиночку. Том попытался представить себе, как поступила бы она. Заставил себя сделать шаг, другой. Он не оглядывался на вентилятор, пока не убедил себя, что вышел из поля зрения скрывающегося там существа.

– По-моему, он нас увидел, – сказал Коул.

– Ни черта! – отмахнулся Вертел.

Коул с сомнением пожал плечами. Мальчишки весь вечер отслеживали передвижения Тома с помощью своих телекамер, выжидая, пока он окажется в безлюдном месте, достаточно близко от «Винтового червя», чтобы они смогли выполнить приказ Дядюшки. Они никогда еще не наблюдали так долго за сухопутником, и что-то в выражении лица Тома, когда он посмотрел в сторону камеры, встревожило Коула.

– Ну подумай, Верт, – сказал он. – Это же все накапливается, правда? Звуки, ощущение слежки… Он ведь и раньше подозревал…

– Они ничего не замечают! – убежденно заявил Вертел.

Странное послание Дядюшки действовало ему на нервы. Необходимость следить за Томом заставила его признать, что лучший оператор на пиявке все-таки Гаргл, и передать ему управление телекамерами. Он цеплялся за свое превосходство над сухопутниками, как за последнюю соломинку.

– Даже если и смотрят, они никогда ничего не видят. Они не такие наблюдательные, как мы. Ну вот, что я говорил? Прошел себе мимо, безмозглый сухопутник!

Это была не крыса. Все крысы на Анкоридже подохли, и вообще, эта штука была похожа на какой-то механизм. Держась в тени, Том подобрался к вентилятору и увидел отблеск света на суставчатой металлической ноге. Множество ног, поддерживающих выпуклое туловище размером с кулак. Глаз – линза объектива.

Том подумал про таинственного мальчика, который пришел к нему в ту ночь, когда убежала Эстер. Тот как будто знал все, что происходило в воздушной гавани и в Зимнем дворце. Сколько же таких вот машинок бегает по трубам и шпионит за жителями города? И почему эта машинка следит за ним самим?

– Где он, Гаргл? Найди его!

– Вроде ушел, – сказал Гаргл, поворачивая объектив из стороны в сторону.

– Осторожнее! – Коул положил руку на плечо младшего мальчишки. – Том все еще где-то там. Я уверен.

– Что, ты у нас теперь еще и ясновидящий? – поинтересовался Вертел.

Том сделал три глубоких вдоха, чтобы выровнять дыхание, и бросился к вентилятору. Металлическая штуковина заскребла конечностями, порываясь скрыться в темной шахте. Радуясь, что на нем толстые варежки, Том схватил судорожно дергающиеся ноги и потянул.

– Попались!

– Сматывай кабель! Сматывай!

Восемь стальных ног. Бронированное туловище, утыканное бородавками заклепок. Линза, похожая на глаз циклопа, жужжа, пыталась сфокусироваться на нем. Аппарат был так похож на громадного паука, что Том уронил его и попятился, глядя, как тот лежит на спине, беспомощно перебирая ногами в воздухе. Вдруг кабель, выходивший из устройства сзади, резко натянулся и со скрежетом втащил машинку обратно в вентиляционную шахту. Том кинулся следом, но не успел. Металлический краб исчез в темной трубе, оставив Тома слушать затихающее вдали звяканье.

Том с трудом выпрямился с сильно бьющимся сердцем. Кто хозяин этой странной штуки? Кому понадобилось подглядывать за жителями Анкориджа? Он вспомнил байку Пеннирояла о городах-вампирах, и вдруг эта история показалась ему не такой уж невероятной. Он прислонился к стене, переводя дух, и снова бросился бежать.

– Мистер Скабиоз! – закричал он во все горло, так что эхо покатилось по темным трубообразным улицам, отдаваясь от высоких гулких сводов. – Мистер Скабиоз!

– Опять потерял! Нет, вот он – двенадцатая камера…

Гаргл торопливо щелкал переключателями. Из репродуктора доносился искаженный, металлический голос Тома: «Мистер Скабиоз! Это не призрак! Я знаю, откуда он взялся!»

– По-моему, он бежит на корму.

– Надо его перехватить! – завопил Вертел, хватая из шкафчиков оружие и сети. – Он нам всю маскировку провалит! Дядюшка нас убьет! То есть по-взаправдашнему убьет! Боги, вот гадство! Мы взломщики, а не похитители людей! Что это Дядюшка придумал? Никогда нам не поручали воровать сухопутников… Во всяком случае, взрослых…

– Дядюшка знает лучше, – напомнил Гаргл.

– Да заткнись ты!

– Я пойду, – сказал Коул.

В минуту опасности он вдруг успокоился. Он знал, что нужно делать, и знал, как именно он это сделает.

– Со мной! – заорал Вертел. – Я тебе не доверяю, любитель

сухопутников!

– Ладно. – Коул уже поднимался по трапу. – Только разговаривать с ним буду я. Не забудь, он меня знает.

– Мистер Скабиоз?

Том выбежал на галерею, идущую вдоль кормы. Взошла луна, она висела низко в небе, и от ведущего колеса падали на палубу бледные отсветы. Мальчик стоял и ждал в мелькании световых пятен, словно серый призрак.

– Том, как дела? – спросил он.

Он как будто нервничал и немного робел, но держался дружелюбно, словно это была самая естественная вещь на свете – им двоим вот так встретиться.

Том проглотил удивленный крик.

– Ты кто? – спросил он, попятившись назад. – Эти механические крабы… У тебя их, наверное, целая сотня? Ползают по городу, следят за всеми… Почему? Кто ты?

Мальчик протянул руку умоляющим жестом, словно просил Тома не уходить.

– Меня зовут Коул.

У Тома пересохло в горле. Обрывки дурацких рассказов Пеннирояла отдавались в голове тревожными звоночками: «Они убивают мужчин, от города остается пустая скорлупа, мертвый остов…»

– Ты не бойся, – неожиданно усмехнулся Коул, как будто понял, о чем подумал Том. – Мы просто взломщики и теперь возвращаемся домой. Но тебе придется поехать с нами. Так сказал Дядюшка.

Несколько вещей случилось одновременно. Том кинулся бежать, и тут же на него упала тонкая металлическая сетка, сброшенная откуда-то сверху.

Он рухнул на палубу, услышал, как Коул закричал: «Стой, Верт, не надо!» – и в ту же секунду раздался еще один голос: «Аксель?» Том приподнял голову. В дальнем конце галереи показался мистер Скабиоз и замер от удивления при виде худенького светловолосого мальчика в сером комбинезоне, которого он столько времени принимал за призрак своего сына. Вдруг в темноте над головой кашлянул газовый пистолет, струя голубого пламени ударила в стену и отразилась рикошетом, завывая, словно раненый пес. Скабиоз выругался и отскочил за угол. На галерею спрыгнул еще один мальчишка, крупнее Коула, с длинными темными волосами, свисающими на лицо. Они с Коулом подняли Тома, который все еще дергался, пытаясь сбросить с себя сеть, и поволокли своего пленника к неосвещенному переулку.

Было очень темно. Палуба ритмично вздрагивала. Толстые трубы уходили вверх, теряясь в тени над головой, как будто деревья в металлическом лесу. Где-то сзади виднелся слабый свет и слышался возмущенный голос мистера Скабиоза:

– Эй вы, сопляки! А ну назад! Стойте!

– Мистер Скабиоз! – закричал Том, прижимаясь лицом к холодной сетке. – Это паразиты! Воры! Они…

Похитители бесцеремонно швырнули его на палубу. Он перекатился на бок и увидел, что они сидят на корточках в узкой щели между двумя трубами. Длинные руки Коула ухватили секцию палубной обшивки и приподняли ее – она открылась! Замаскированный люк!

– Стойте! – закричал мистер Скабиоз уже ближе, его тень мелькнула между вертикальными трубами со стороны кормы.

Приятель Коула прицелился и дал еще одну очередь из своего пистолета, продырявив какую-то трубу. Из дыры забил длинный белый фонтан пара.

– Том! – крикнул Скабиоз. – Я иду за подмогой!

– Мистер Скабиоз! – завопил Том, но Скабиоз уже ушел.

Слышно было, как он зовет на помощь где-то поблизости. Крышка люка была откинута, струю пара перечеркнула полоска голубоватого света. Коул и второй незнакомец подняли Тома, раскачали и кинули в люк. Мелькнул короткий трап, ведущий вниз, в помещение, освещенное тусклым голубым светом. Том свалился, словно мешок с углем в погреб, с размаху ударился о твердый металлический пол. Похитители с грохотом сбежали вниз по трапу, и крышка люка захлопнулась.

Глава 22
«Винтовой червь»

Сводчатый трюм, до отказа набитый награбленным добром, точно брюхо обжоры. Ребристый металлический купол, вогнутые стены, синие лампочки, защищенные металлической сеткой. Запах сырости, плесени и немытых мальчишек.

Том попытался сесть. Пока он падал, одна рука у него высвободилась из сети, но, едва он успел это осознать, Коул схватил его сзади за локти, а приятель Коула, парень по имени Вертел, присел перед ним на корточки. Вертел убрал в кобуру свой газовый пистолет, зато теперь в руке у него появился нож, короткий клинок светлого металла с зазубренным краем. Металл сверкнул синим в синем свете. Мальчишка приставил нож к горлу Тома.

– Пожалуйста, не надо! – просипел Том.

На самом деле он не думал, что грабители потратили столько усилий на его поимку просто ради того, чтобы убить, но клинок был холодный, а выражение оловянных глаз Вертела – совершенно безумное.

– Не надо, Вертел, – сказал Коул.

– А пусть знает, – объяснил Вертел, медленно отводя нож. – Пусть понимает, что с ним будет, если вздумает кочевряжиться.

– Он прав, Том, – сказал Коул, помогая Тому подняться с пола. – Убежать ты не сможешь, так что лучше и не пробуй. Тебе будет не очень удобно, если мы тебя запрем в грузовой контейнер… – Он вытащил из кармана веревку и связал Тому запястья. – Это только до тех пор, пока мы не отойдем подальше от Анкориджа. Потом мы тебя развяжем, если будешь хорошо себя вести.

– Подальше от Анкориджа? – повторил Том, глядя, как пальцы Коула вяжут хитрые узлы. – А куда вы направляетесь?

– Домой, – ответил Коул. – Дядюшка хочет тебя видеть.

– Чей дядюшка?

В переборке за спиной у Коула неожиданно раскрылась круглая дверь, точно раздвинулась шторка объектива. За ней виднелись целые шеренги каких-то головоломных приборов, и третий мальчик, совсем еще малыш, крикнул:

– Верт, ПОРА!

Коул торопливо улыбнулся Тому, сказал:

– Добро пожаловать на борт «Винтового червя»! – и убежал в соседнюю каюту.

Том последовал за ним, подчиняясь толчку твердой руки Вертела. Эта странная конура, залитая синим светом, не была, как он сначала подумал, каким-нибудь подвальным отсеком Анкориджа, но это явно не был и один из городов-паразитов, о которых говорил Пеннироял. Это было некое транспортное средство, и сейчас они находились в кабине управления. Помещение имело форму полумесяца, по стенам выстроились ряды циферблатов и рубильников, выпуклые иллюминаторы смотрели в пролетающую мимо тьму. На овальных экранах над приборной доской мелькали голубоватые изображения разных участков Анкориджа: Скабиозовы сферы, галерея на корме, Расмуссен-проспект, коридоры Зимнего дворца. На пятом экране мирно спала Фрейя Расмуссен. На шестом Скабиоз вел группу рабочих-механиков к потайному люку.

– Они нас выследили! – сказал со страхом младший из взломщиков.

– Спокойно, Гаргл. Уходим.

Коул взялся за рычаги управления. Вид у них был доморощенный, как и у всего остального на этом судне, они скрипели и скрежетали, когда Коул переключал их, но, видимо, они работали. Картинки на экранах одна за другой схлопывались в белые точки и гасли. Кабина наполнилась металлическим шуршанием – сматывались кабели телекамер, которые тянулись по вентиляционным и водопроводным трубам Анкориджа, словно побеги непомерно разросшегося сорняка. Том представил себе, как люди по всему городу удивленно озираются, услышав неожиданный шорох и скрежет в системе отопления. Тем временем в кабине звук наматывающихся на катушки кабелей перешел в оглушительный свист и завершился серией глухих звякающих ударов – металлические крабы втянулись в свои гнезда, находящиеся в специальных отверстиях корпуса, и за ними захлопнулись бронированные крышки. Когда утихло последнее эхо, Том услышал другие, приглушенные удары: это Скабиоз и его механики колотили по крышке замаскированного люка молотками и мотыгами.

Коул и Вертел стояли плечом к плечу у приборной доски. Их руки стремительно и уверенно двигались над многочисленными рычагами и переключателями. Том, который содержал в идеальном порядке всю аппаратуру «Дженни Ганивер», был просто шокирован состоянием здешних приборов: заржавленные, исцарапанные, грязные, рубильники со скрипом ходят в пазах, циферблаты потрескались, все переключатели искрят. Но кабина исправно затряслась и загудела, стрелки циферблатов

задвигались за растрескавшимися стеклами, и Том понял, что вся эта механика работает. Загадочная машина сейчас в самом деле увезет его из Анкориджа, и Скабиоз со своими помощниками ничего не успеет сделать!

– Пошли на спуск! – победно выкрикнул Вертел.

Раздался новый звук, немного похожий на тот, который издавали магнитные защелки «Дженни Ганивер», отсоединяясь от причала. Потом жуткое ощущение падения – «Винтовой червь» отвалился от брюха Анкориджа. У Тома все перевернулось в животе. Он схватился за какую-то ручку в переборке. Может, это дирижабль? Но он не летел, просто падал и через мгновение, содрогнувшись, приземлился на лед. За выпуклыми иллюминаторами проносились гигантские силуэты опорных конструкций города, полускрытые брызгами сероватого талого снега, и вот уже город умчался прочь. Перед Томом раскинулись в лунном свете бескрайние снеговые поля.

Гаргл сверился с приборами.

– Тонкий лед, азимут востоко-северо-восток и полрумба к востоку, расстояние около девяти километров, – пропищал он.

Том по-прежнему не имел представления о размерах и форме «Винтового червя», но наблюдатели на верхней палубе Анкориджа смогли хорошо разглядеть судно в то мгновение, когда оно выскочило из-под города, чудом не угодив под заднее ведущее колесо. Это был металлический паук размером с дом. Жирное туловище поддерживали восемь гидравлических ног, каждая из которых заканчивалась широким диском с когтями по краям. Из выхлопных отверстий по бокам валил черный дым. Паук резво побежал по следам полозьев Анкориджа на восток, прочь от города.

– Паразит! – прорычал Скабиоз, выбегая на ремонтную платформу над ведущим колесом и провожая пиявку взглядом.

От клокочущего в нем гнева разлетались вдребезги все замки и запоры, на которые он замкнул свои чувства после смерти сына. Какой-то вонючий паразит осмелился присосаться к его городу, словно клещ! Какой-то мерзкий малолетний воришка морочил ему голову, заставляя поверить, что Аксель вернулся!

– Мы их остановим! – крикнул мастер-механик подчиненным. – Мы им покажем, как грабить Анкоридж! Передайте в Рулевую Рубку – пусть готовятся выполнить поворот на сто восемьдесят градусов! Умиак, Кинвиг, Нивз, за мной!

Анкоридж вонзил в лед ледовые рули правого борта и выполнил полный разворот. Несколько минут ничего нельзя было разглядеть в

сверкающих тучах снега из-под полозьев. Затем паразит снова показался впереди, на расстоянии полутора километров. Он направлялся на северо-восток, и город, набирая скорость, ринулся в погоню. Анкоридж был намного быстроходнее корявого механического паука, и люди Скабиоза уже готовились захватить паразита. Челюсти города раздвинулись и несколько раз щелкнули, счищая лед, который успел нарасти на стальных зубьях. Лучи прожекторов зашарили по снегу, перед бегущим паразитом протянулась длинная неровная тень. Ближе, ближе, вот уже челюсти щелкают у самой кормы беглеца, глотая клубы дыма из выхлопных отверстий.

– Еще чуть-чуть! – прокричал Скабиоз. Теперь он стоял на полу городского Брюха. – На этот раз он наш!

Но Виндолен Пай взглянула на карту и увидела, что город быстро приближается к участку, который разведывательные команды, высланные утром, пометили красными крестиками: здесь открытая вода едва-едва затянулась тонким слоем льда, который не выдержит веса города. Она передала в машинное отделение команду «ЗАДНИЙ ХОД!». Анкоридж заглушил двигатели и, врывшись якорями в лед, остановился. При этом город так тряхнуло, что с крыш стаями перепуганных черных птиц посыпалась черепица и на верхнем ярусе обрушилась целая улица проржавевших покинутых домов.

Машина-паразит, переступая ногами-ходулями, с разбегу выскочила на ненадежный участок. Выглянув между широко раскрытыми челюстями, Скабиоз увидел, что паук замедлил ход и стал.

– Ха! Мы загнали его на тонкий лед. Он не решается бежать дальше! Теперь он наш!

Мастер-механик бросился на другой конец Брюха, к гаражу, где хранились сани разведывательных команд. На бегу он выхватил у одного из своих людей винтовку. Кто-то уже выволок из гаража сани и начал прогревать мотор. Скабиоз вскочил в сани и вихрем вылетел на лед по спусковой трубе – стальные двери едва успели открыться перед ним. Обогнув челюсти, он помчался к загнанному в угол пауку. Дюжина его подчиненных на других санях, крича и улюлюкая, поспешала за ним.

Том смотрел в иллюминатор, щуря глаза от яркого света прожекторов Анкориджа. Уже были слышны вдали крики спасательной команды, ружейные выстрелы в воздух, утробно урчали моторы саней, мчащихся по льду.

– Если вы меня отпустите, я замолвлю за вас словечко, – пообещал он похитителям. – Скабиоз не злой. Он будет с вами хорошо обращаться, вы

только верните то, что награбили у него в машинном отделении. И Фрейя, я знаю, не захочет, чтобы вас наказывали.

Младший мальчишка, Гаргл, кажется, готов был прислушаться к его словам. Он переводил испуганный взгляд с Тома на приближающиеся сани и обратно. Но Вертел сказал только: «Молчать!» – а бледные руки Коула все так же летали над приборной доской. «Винтовой червь» снова пришел в движение, его жирное туловище просело и опустилось на лед. Из-под днища выдвинулись вращающиеся диски циркулярных пил, тугие струи горячей воды ударили в лед, поднимая тучи пара. Неуклюже перебирая ногами, «Винтовой червь» поворачивался вокруг своей оси, прорезая для себя путь к спасению. Когда он сделал полный оборот, пилы снова втянулись внутрь и машина шмякнулась на брюхо, выдавливая своим весом ледяную пробку, проталкиваясь вниз, в воду.

Скабиоз на расстоянии ста метров увидел, что происходит. Зажав руль коленями, он снял руки с приборной доски и поднял винтовку, но пуля отскочила от бронированного корпуса и с жужжанием улетела прочь, точно заблудившаяся пчела. Выпученные глаза-иллюминаторы скрылись под водой. Мелкие волны переплескивались через спину паука, заливали магнитные захваты и люки, через которые выпускались телекамеры. Длинные ноги сложились одна за другой, и все исчезло.

Скабиоз остановил сани, бросил винтовку. Добыча ускользнула, унося с собой Тома и мальчишек-грабителей, а он понятия не имеет, куда они направляются, не может последовать за ними. «Бедный Том, – подумал Скабиоз. Несмотря на свой суровый вид, он привязался к молодому пилоту. – Бедный Том. И бедный Аксель – он умер, умер, и его призрак не ходит по Анкориджу. Из Страны без солнца не возвращаются, мистер Скабиоз».

Хорошо, что на нем надета маска для защиты от холода. Его люди не увидят слез, бегущих по щекам начальника, когда выберутся из саней и подойдут заглянуть в прорубь, проделанную удирающим паразитом.

Хотя смотреть-то, в общем, не на что. Только широкий круг открытой воды, да волны плещут по краям, как будто насмешливо аплодируя.

Фрейя проснулась от рывков и толчков города, от звяканья бутылочек с шампунем и баночек с ароматическими солями, срывающихся с полок в ванной, где они стояли, позабытые. Девушка принялась звонить, вызывая Смью, но он не показывался, и в конце концов она отважилась выйти из Зимнего дворца одна – быть может, она была первой маркграфиней, решившейся на такое, со времен Долли Расмуссен.

В Рулевой Рубке все кричали про крабов-призраков и мальчишек-

паразитов. Только когда все уже кончилось, Фрейя поняла, что Том похищен.

Она не могла допустить, чтобы Виндолен Пай и ее сотрудники увидели, как она плачет. Фрейя кинулась вниз по лестнице и столкнулась с мистером Скабиозом – он поднимался, стягивая на ходу маску и рукавицы, роняя на ступеньки комья тающего снега. Он раскраснелся; таким оживленным она не видела его с самой чумы, как будто столкновение с паразитом освободило в нем что-то. Он почти улыбнулся маркграфине.

– Удивительная машина, ваше сиятельство! Просверлила себе проход прямо в толще льда. Надо отдать должное этим чертенятам! Я слыхал легенды о паразитах на Высоком льду, но, признаюсь, всегда считал, что это просто бабушкины сказки. Нужно было смотреть шире!

– Они увезли Тома, – тихо сказала Фрейя.

– Да. Мне очень жаль. Он был смелым мальчиком. Пытался предупредить меня о них, а они схватили его и утащили в свою машину.

– Что они с ним сделают? – прошептала девушка.

Мастер-механик внимательно посмотрел на нее, покачал головой и снял шляпу в знак почтения. Он не мог сказать наверняка, для чего молодой пилот понадобился команде ледового механического паука, вампира-паразита, но уж вряд ли для чего-нибудь хорошего.

– Неужели ничего нельзя сделать? – прошептала она. – Копать, сверлить, ну хоть что-нибудь? А если этот паразит снова всплывет? Нужно подождать…

Скабиоз покачал головой:

– Они давно уже уплыли, ваше сиятельство. Мы не можем вечно здесь торчать.

Фрейя задохнулась, как будто он ее ударил. Она не привыкла, чтобы ее приказы оспаривались.

– Но ведь Том – наш друг! Я его не брошу!

– Он всего лишь один мальчик, ваше сиятельство. А вы отвечаете за целый город. Почем мы знаем, может, Волкогемптон все еще идет по нашему следу. Нужно двигаться дальше, и немедленно.

Фрейя покачала головой, но она знала, что мастер-механик прав. Она не повернула ради Эстер, когда Том просил ее об этом, вот и теперь нельзя поворачивать ради Тома, как бы ей этого ни хотелось. Если бы только она лучше обращалась с ним в последние недели! Если бы ее последние слова, сказанные ему, не были такими резкими и холодными!

– Пойдемте, маркграфиня, – мягко сказал Скабиоз и протянул руку.

Несколько мгновений Фрейя рассматривала ее с удивлением, потом

протянула в ответ свою, и они вместе начали подниматься по лестнице. На мостике было тихо. Когда Фрейя вошла, все обернулись к ней, и по их молчанию она поняла, что они говорили о ней.

Она шмыгнула носом, вытерла глаза рукавом и сказала:

– Полный вперед, мисс Пай.

– Каким курсом, ваше сиятельство? – деликатно спросила мисс Пай.

– На запад, – ответила Фрейя. – В Америку.

– О, Клио! – захныкал Пеннироял, забившийся в самый незаметный уголок. – О, Поскитт!

Заработали двигатели. Фрейя чувствовала, как вибрируют опоры Рулевой Рубки. Оттолкнув Скабиоза, она прошла в заднюю часть мостика и стала смотреть за корму. Город двигался прочь, оставляя за собой только росчерки санного следа и идеально ровную круглую прорубь, уже затянувшуюся тонким ледком.

Глава 23
Тайные глубины

Проходили дни, хотя сосчитать их было трудно. Из-за постоянно тусклого синего света казалось, будто время на борту «Винтового червя» остановилось без четверти четыре пасмурным ноябрьским днем.

Том спал в углу трюма на куче ковров и одеял, награбленных в заброшенных виллах Анкориджа. Иногда ему снилось, будто он идет, держа кого-то за руку, по пыльным коридорам Зимнего дворца, и, проснувшись, он не знал, кто же был с ним во сне – Эстер или Фрейя. Неужели он и правда никогда больше их не увидит?

Мелькали мысли о том, чтобы сбежать, выплыть на поверхность и отправиться разыскивать Эстер, но «Винтовой червь» плыл теперь по сверкающим ущельям подо льдом, и выбраться оттуда было невозможно. Том подумал было прорваться в кабину управления и передать сообщение в Анкоридж, предупредить Фрейю, что Пеннироял врет, но, даже если бы он сумел отыскать радио среди всех этих ржавых приборов, мальчишки ни за что его и близко туда не подпустят.

Они постоянно были начеку. Вертел держался отстраненно и враждебно. В присутствии Тома он грозно хмурился, пыжился и почти не разговаривал. Он напоминал Тому Меллифанта – наглого мальчишку, который тиранил его, когда оба они были подмастерьями. Что касается Гаргла, которому никак не могло быть больше десяти-одиннадцати лет, то он только смотрел на Тома круглыми глазами, когда думал, что тот не видит. Один Коул соглашался разговаривать. Странный, отчасти дружелюбный Коул, но и он осторожничал, неохотно отвечая на вопросы – тома.

– Ты все поймешь, когда приедем, – только и говорил он.

– Куда?

– Домой. На базу. Туда, где живет Дядюшка.

– Да кто он такой, твой дядюшка?

– Он не мой дядюшка, он просто Дядюшка. Он – главный у Пропащих Мальчишек. Никто не знает, как его зовут на самом деле и откуда он взялся. Я слышал, что он был когда-то большим человеком в Брейдхэвике, или в Архангельске, или в еще каком-то городе, но его за что-то выгнали, и тогда он занялся воровством. Он гений. Он изобрел пиявок и крабовидные телекамеры, нашел нас и построил Грабиляриум, чтобы мы могли в нем

тренироваться.

– Нашел вас? Где?

– Не знаю, – признался Коул. – Где-то. В разных городах. Пиявки воруют детей, чтобы воспитывать из них Пропащих Мальчишек, точно так же как они воруют вообще все, что понадобится Дядюшке. Когда меня забрали, я был совсем маленький, ничего не помню, что было до этого. И никто из наших не помнит.

– Но ведь это ужасно!

– Да нет! – засмеялся Коул.

Он всегда заканчивал разговор смехом. Бесполезно пытаться объяснить чужаку образ жизни, который для него был чем-то само собой разумеющимся. Ну как заставить Тома понять, что быть принятым в Грабиляриум – огромная честь и что гораздо веселее быть Пропащим Мальчишкой, чем скучным сухопутником?

– Ты все поймешь, когда приедем, – обещал он.

А потом (может быть, оттого, что его тревожило предстоящее объяснение с Дядюшкой) он заговаривал о другом. Например, спрашивал:

– Какая она на самом деле, Фрейя?

Или:

– Как ты думаешь, Пеннироял правда не знает, как добраться до Америки?

– Как добраться-то он знает, – уныло отвечал Том. – Всякий, у кого есть хотя бы капля мозгов, сумеет проложить маршрут по старым картам. Беда в другом: он, по-моему, наврал насчет того, что ждет в конце пути. Я думаю, никаких зеленых лесов там нет, разве что в воображении профессора Пеннирояла.

Том повесил голову, жалея, что не успел предупредить Фрейю, прежде чем его поймали Пропащие Мальчишки. Сейчас Анкоридж, должно быть, ушел слишком далеко, и поворачивать обратно не имеет смысла – топлива не хватит.

– А вдруг? – сказал Коул, потянувшись, чтобы коснуться плеча Тома, и тут же отдернув руку, как будто боялся обжечься, дотронувшись до сухопутника. – Вот насчет паразитов он же, можно сказать, правду говорил.

Наконец настал день (а может быть, ночь), когда Том очнулся от тяжелого сна, услышав крики Коула:

– Том! Мы дома!

Том выбрался из своего гнезда в ворованном текстиле и побежал посмотреть, но, когда он примчался в кабину управления, выяснилось, что «Винтовой червь» по-прежнему находится глубоко под водой. Одна из

машинок издавала регулярно повторяющиеся пронзительные гудочки. Вертел на мгновение оторвался от приборов и пояснил:

– Это Дядюшкин маячок!

Пиявка вильнула, изменяя курс. Тьма за окнами поредела, перешла в синие сумерки, и Том понял, что они уже не подо льдом, а вышли в открытое море, что вверху, на расстоянии нескольких десятков метров, гуляют волны и сквозь них светит солнце. Затем в полумраке начали вырисовываться очертания предметов: заросшие водорослями фермы и опоры, облепленные ракушками лопасти гигантского винта, накренившаяся, полузанесенная илом платформа и ржавые кварталы домов, выглядывающие из придонного мусора. Словно воздушный корабль над горами и ущельями, «Винтовой червь» проплывал над улицами громадного затонувшего плавучего города, застрявшего на скалах подводной горы.

– Добро пожаловать в Гримсби, – сказал Вертел, направляя пиявку к верхнему ярусу.

Тому приходилось слышать о Гримсби. Кто о нем не слышал? Самый крупный и свирепый хищник из североатлантических плавучих городов затонул, наткнувшись на паковый лед Железной зимой, которая случилась девяносто лет назад. Том с замиранием сердца смотрел в иллюминатор на проплывающий мимо пейзаж. Стайки рыб посверкивали между мертвыми домами, храмы и многоэтажные офисные здания были увешаны гирляндами морских водорослей. И вдруг среди серых, синих и черных оттенков показалось что-то теплое, золотистое. Гаргл закричал: «Ура!», а Вертел широко улыбнулся. Он подал рукоятку руля вперед, и «Червь», задрав нос, перевалился через край верхнего яруса города.

Том так и ахнул. Впереди светились окна ратуши, внутри двигались люди, придавая затонувшему зданию уютный обжитой вид, – как будто смотришь на освещенный дом темной зимней ночью.

– Что это? – изумился Том. – То есть как это…

– Это наш дом, – сказал Коул.

Все это время он молчал, волнуясь о том, как его встретят. Но ему было приятно, что Гримсби произвел впечатление на Тома, который повидал в своей жизни много удивительных городов.

– Его построил Дядюшка! – сообщил Гаргл.

«Винтовой червь» проскользнул в заполненный водой нижний этаж ратуши и начал пробираться по извилистым трубообразным туннелям, где постоянно приходилось ждать, пока перед судном откроются автоматические двери, чтобы снова закрыться за спиной. Система шлюзов

служила для того, чтобы остальная часть здания оставалась сухой, но Том не знал об этом и испытал огромное облегчение пополам с удивлением, когда пиявка вдруг выскочила на поверхность и остановилась, плавая в искусственном озере под высокой сводчатой крышей.

Двигатели смолкли. Снаружи послышался лязг и глухие удары – швартовочные краны подхватили «Винтового червя» механическими лапами и вытащили из воды. В потолке откинулась крышка люка. Коул принес трап и прицепил к отверстию.

– Ты первый, – велел он Тому.

Том вылез на широкую спину пиявки и остановился, вдыхая холодный, пахнущий аммиаком воздух и оглядываясь по сторонам.

Пиявка всплыла через круглую дыру в полу просторного гулкого помещения. Возможно, когда-то здесь был главный зал городского совета Гримсби (потолочная роспись изображала, как дух муниципального дарвинизма – довольно упитанная молодая женщина с крыльями – указывает отцам города путь к счастливому будущему). В полу виднелось еще несколько десятков таких же отверстий, над каждым был установлен подъемный кран хитрой конструкции. На некоторых кранах были подвешены пиявки, и Тома поразило, какими хлипкими выглядели эти суденышки, – будто их склепали из первого попавшегося железного лома. Некоторые явно находились в процессе ремонта, но те, кто на них работал (все – мальчишки или молодые ребята, немногим старше Коула и Вертела), побросали свои дела и столпились вокруг «Винтового червя». Все таращились на Тома.

А Том уставился на них, радуясь, что рядом с ним стоит Коул. Даже в самых нецивилизованных городах, где случалось побывать «Дженни Ганивер», ему редко приходилось видеть такую враждебную толпу. Его ровесники, жилистые, крепкие ребята, или мальчики младше Гаргла – все они смотрели на него наполовину с ненавистью, наполовину со страхом. У всех были длинные космы, а те немногие, кому уже пора было бриться, очевидно, предпочитали не тратить время на это занятие. Одеты они были в разнородное тряпье, которое было им либо мало, либо велико: форменные тужурки, дамские шали и шляпки, водолазные костюмы и авиационные шлемы, грелки для чайника и дуршлаги, переделанные в шапки. Словно где-то поблизости взорвался благотворительный базар.

Над головой что-то зашуршало, все лица запрокинулись кверху. В репродукторах, укрепленных на верхушках подъемных кранов, затрещали электрические разряды, и раздался голос, который шел, казалось, со всех сторон сразу:

– Приведите сухопутника ко мне, мои мальчики. Я хочу поговорить с ним не откладывая.

Глава 24
Дядюшка

Гримсби оказался не совсем таким, каким Том ожидал увидеть подводное логово гениального преступника. Здесь было сыро и промозгло и очень уж пахло вареной капустой. Перестроенное здание, казавшееся таким волшебным снаружи, внутри было довольно тесным и до отказа набитым добычей, скопившейся за много лет грабежей.

Стены коридоров украшали кое-как развешанные ворованные ковры. Поверх их роскошных узоров рисовала свои разводы плесень. Проходя мимо открытых дверей, Том замечал горы одежды на полках, залежи документов и книг, разрушающихся от сырости, кучи ювелирных украшений, инструментов и оружия, надменные манекены из дорогих магазинов, кинескопы и маховики, электрические лампочки, батарейки и заляпанные машинным маслом запчасти, добытые в брюхе ограбленных городов.

И повсюду крабовидные телекамеры. На потолке эти маленькие машинки так и кишели, в темных углах поблескивали их суставчатые ноги. Здесь им не нужно было прятаться, и они ползали прямо по горкам посуды, карабкались на стеллажи с книгами. Телекамеры лазали по занавескам, цеплялись за тяжелые, жутковатые на вид электрические кабели, которые целыми пучками тянулись вдоль стен. Сверкая глазами-объективами и негромко жужжа, камеры следили за Томом, пока Коул и Вертел вели его по множеству лестниц к Дядюшкиным апартаментам. Жить в Гримсби значило постоянно находиться под приглядом Дядюшки.

И само собой, Дядюшка уже ждал их. Он поднялся с кресла, когда они вошли, и шагнул навстречу, освещенный тысячами следящих экранов. Это был малорослый человечек, худой и бледный от долгой жизни без солнца. На узком носу сидели очки в форме полумесяцев. На нем были перчатки с обрезанными пальцами, шляпа-пятиуголка, куртка с галунами, которая могла в прошлом принадлежать какому-нибудь генералу или мальчишке-лифтеру, шелковый халат, подметавший пыльный пол подолом, хлопчатобумажные брюки и тапки в форме зайчиков. Редкие седые пряди спадали на плечи. Из карманов халата торчали книги, которые мальчишки натащили ему из разных библиотек. К седой щетине на подбородке прицепились крошки.

– Коул, мой дорогой мальчик! – вполголоса произнес хозяин

Гримсби. – Спасибо, что так быстро послушался своего бедного старого Дядюшку, да еще и сухопутника привез. Надеюсь, он не пострадал? Вы бережно с ним обращались?

Коул, помня о своем поведении в Анкоридже, о котором Вертел, надо думать, не преминул сообщить в своих отчетах, от страха не мог ничего ответить. Вертел проворчал:

– Жив и невредим, Дядюшка. Все, как ты приказывал.

– Отлично, отлично, – промурлыкал Дядюшка. – Кстати, Вертел. Мой маленький Вертел. Ты, как я понял, тоже не сидел без дела?

Вертел кивнул, но не успел выговорить ни слова, как Дядюшка внезапно ударил его с такой силой, что тот полетел на пол и по-детски заплакал от боли и удивления. Дядюшка прибавил еще парочку пинков – как видно, для ровного счета. Под веселыми заячьими мордочками его шлепанцев прятались стальные набойки.

– Что это ты о себе воображаешь? – заорал Дядюшка. – Как посмел назначить сам себя капитаном без моего приказа? Ты знаешь, что бывает с мальчишками, если они меня не слушают? Помнишь, что я сделал с Сонаром, когда он устроил такую же штуку?

– Да, Дядюшка, – заскулил Вертел. – Но я же не виноват, Дядюшка! Коул разговаривал с сухопутником! Я подумал, это против правил…

– Ну что ж, значит, Коул немного нарушил правила, – добродушно ответил Дядюшка и снова пнул Вертела ногой. – Я разумный человек. Я не против того, чтобы мальчики проявляли инициативу. Ведь Коул общался не с первым попавшимся задрипанным сухопутником, правильно? Это был наш друг Том!

Все это время Дядюшка бочком подбирался к Тому, а произнеся последние слова, схватил его холодной влажной рукой за подбородок и повернул его лицо к свету.

– Я не буду вам помогать, – сказал Том. – Если вы задумали напасть на Анкоридж или еще что-нибудь такое, я вам помогать не буду!

Дядюшка визгливо засмеялся:

– Напасть на Анкоридж? У меня этого и в мыслях не было, Том. Мои мальчишки – взломщики, а не воины. Взломщики и наблюдатели. Они подсматривают. Подслушивают. Докладывают мне обо всем, что делается в городах, о чем там говорится. Да. Только так мне удается обеспечивать мальчиков добычей. Потому-то меня до сих пор и не поймали. Я получаю очень много отчетов, я их сравниваю, анализирую, примечаю, складываю два и два. Я беру на заметку имена, которые возникают в неожиданных местах. Такие, как Эстер Шоу. Такие, как Томас Нэтсуорти.

– Эстер? – Том подался вперед, но Коул удержал его. – Что вы знаете об Эстер?

В тени за креслом Дядюшки двое телохранителей выхватили мечи при неожиданном движении Тома. Дядюшка махнул им, чтобы вернулись на место.

– Значит, Коул верно мне докладывал? Ты – дружок Эстер Шоу? Друг сердца?

В его голосе появились неприятные вкрадчивые нотки. Том кивнул, чувствуя, что краснеет. Дядюшка хихикнул, не сводя с него взгляда:

– Вначале меня насторожило название корабля. «Дженни Ганивер». Знакомое название, о да! Это корабль той ведьмы, Анны Фанг, если я не ошибаюсь?

– Анна была нашим другом, – сказал Том.

– Другом, вот оно как?

– Она погибла.

– Я знаю.

– Мы вроде как получили «Дженни» в наследство.

– В наследство, говоришь? – Дядюшка издевательски захохотал. – Ох, Том, это мне нравится! В наследство! Как видишь, мы с мальчишками тоже много всякого разного получили в наследство. Жаль, что ты не попал к нам лет десять назад, Том, мы бы из тебя сделали Пропащего Мальчишку!

Он снова захохотал и уселся в кресло.

Том посмотрел на Коула, на Вертела, который уже был на ногах, – на щеке у него все еще горел отпечаток Дядюшкиной руки. «Почему они его терпят? – удивлялся Том про себя. – Все они моложе и сильнее его. Почему они его слушаются?»

Но ответ был рядом, со всех сторон – мерцающие экраны всех форм и размеров, где двигались голубые изображения каждого уголка Гримсби, а из репродукторов доносились еле слышные обрывки разговоров. Кто может покуситься на власть Дядюшки, если Дядюшка знает обо всем, что они говорят и делают?

– Вы что-то говорили про Эстер, – напомнил он старику, изо всех сил стараясь держаться вежливо.

– Информация, Том, – проговорил Дядюшка, будто не слышал. Следящие экраны отражались в стеклах его очков. – Информация. Это ключ ко всему. Отчеты, которые присылают мне мои взломщики, складываются вместе, как кусочки головоломки. Вероятно, я знаю больше любого другого человека на земле о том, что происходит на севере. И я не упускаю из виду мелочей. Изменений. Перемены могут быть очень опасны.

– А Эстер? – упрямо повторил Том. – Вы что-то знаете про Эстер?

– Например, – сказал Дядюшка, – есть такой остров, Разбойничий Насест, совсем недалеко отсюда. Когда-то там было логово Рыжего Локи и его небесных пиратов. Неплохой парень этот Локи. Никогда нам не мешал. Мы с ним занимали разные ниши в пищевой цепи. Но его уже нет. Прикончили. Убили. Теперь там угнездились противники движения. Зеленая Гроза, вот как они себя называют. Экстремисты. Террористы. Нарушители спокойствия. Ты когда-нибудь слышал о Зеленой Грозе, Том Нэтсуорти?

Том, все еще думая об Эстер, судорожно попытался сообразить, что ответить. Он вспомнил, как Пеннироял кричал что-то о Зеленой Грозе, когда они убегали от погони над хребтом Тангейзера, но с тех пор случилось столько всяких событий, что он уже не мог толком ничего припомнить.

– Вообще-то – нет, – сказал он.

– А они о тебе слыхали. – Дядюшка наклонился вперед в своем кресле. – Иначе с чего бы они стали нанимать шпиона, чтобы он разыскал твой дирижабль? И почему бы им приглашать к себе в гости твою подруженьку?

– Эстер у них? – вскинулся Том. – Вы уверены?

– Я же тебе сказал! – Дядюшка снова вскочил, потер руки, треща суставами пальцев, и заходил вокруг Тома. – Хотя «в гости», наверное, не совсем подходящее слово. Ей там не слишком-то удобно. И не слишком-то весело. Ее сунули в одиночную камеру. Иногда выводят оттуда. Кто знает зачем? Допросы, пытки…

– Но как она туда попала? Почему? Что им от нее нужно?

Том совсем растерялся, не зная, говорит ли Дядюшка правду или просто потешается над ним. Он не мог ни о чем думать, кроме Эстер, страдающей, запертой в тюрьме.

– Я не могу здесь оставаться! – воскликнул он. – Я должен попасть на этот Разбойничий Насест, попытаться ей помочь…

Дядюшка снова расплылся в улыбке:

– Ну конечно, должен, мой милый мальчик. Поэтому я и попросил привезти тебя сюда, не правда ли? У нас с тобой в этом деле общие интересы. Ты спасешь свою бедненькую подружку. А мы с мальчиками тебе поможем.

– Почему? – спросил Том.

Он был доверчив по натуре (слишком даже доверчив, обычно говорила Эстер), но все-таки не настолько наивен, чтобы доверять Дядюшке.

– Почему вы хотите помочь нам с Эстер? Какая вам в этом выгода?

– А-а, хороший вопрос! – хмыкнул Дядюшка, потирая руки, так что суставы затрещали, точно праздничные хлопушки. – Давай-ка поедим. Обед подан в Картографической комнате. Коул, мой мальчик, ты пойдешь с нами. Вертел, проваливай.

Вертел поплелся прочь, как нашкодивший пес. Остальных Дядюшка вывел из экранной через заднюю дверь. Они поднялись по винтовой лестнице в комнату, где вдоль стен от пола до потолка тянулись деревянные полки. Все свободное пространство было забито географическими картами, сложенными или свернутыми в рулоны. Печальные, бледные мальчики – неудавшиеся взломщики, отлученные от работы в пиявках, – карабкались с полки на полку, выискивали карты и схемы городов, которые требовались Дядюшке, чтобы спланировать очередное ограбление, убирали на место уже отработанный материал. «Здесь в конце концов и застрянет бедный маленький Гаргл», – подумал Коул. Он знал, что после отчетов из Анкориджа Дядюшка никогда больше не отправит малыша на задание. На мгновение Коулу стало грустно при мысли о том, что Гарглу придется всю оставшуюся жизнь лазать по залежам пергамента и возиться с Дядюшкиными телекамерами.

Дядюшка уселся во главе стола и включил портативный экран, стоявший рядом с его тарелкой, чтобы он мог наблюдать за мальчишками даже во время еды.

– Садитесь! – воскликнул он, щедрым жестом обводя накрытый стол, приготовленные стулья. – Угощайтесь! Угощайтесь!

В Гримсби не было никакой еды, кроме той, что наворовали Пропащие Мальчишки, а Пропащие Мальчишки воровали только то, что едят все мальчишки, если никто не зудит у них над ухом насчет сбалансированной диеты и о том, как вредно хватать куски между приемами пищи. Сладкое печенье, дешевый липкий шоколад, исходящие жиром сэндвичи с беконом, тоненькие ломтики хлеба из водорослей, толсто намазанные какой-то разноцветной пастой, плохонькое вино, от которого шибало в нос, как будто авиационным бензином. Единственной уступкой здоровому питанию была миска вареного шпината в центре стола.

– Я слежу за тем, чтобы мальчики обязательно привозили с собой какую-нибудь зелень, – пояснил Дядюшка, раскладывая шпинат по тарелкам. – Это чтобы цинги не было.

Шпинатная клякса на тарелке Тома выглядела так, словно ее извлекли из засорившейся канализационной трубы.

– Так ты спрашиваешь, почему я тебе помогаю, – сказал Дядюшка с

набитым ртом, то и дело поглядывая на свой экранчик. – Что ж, Том, дело тут вот в чем. Наблюдать за таким местом, как Разбойничий Насест, очень непросто. Не то что за движущимся городом. Мы уже несколько месяцев назад установили там пункт прослушивания, но до сих пор не знаем, чем занимается эта самая Зеленая Гроза. Они ребята серьезные. Мы еле исхитрились пропихнуть к ним одну-другую телекамеру, а посылать туда мальчишек я и вовсе не решаюсь: девять шансов из десяти, что их засекут часовые. Вот я и решил послать тебя. У тебя появится шанс спасти Эстер, а у меня – узнать хоть немного о Насесте.

Том воззрился на него:

– Но ведь ваши мальчишки – профессиональные взломщики! Если они не могут туда пробраться, как же я смогу?

Дядюшка весело рассмеялся:

– Если тебя поймают, я нисколечко не огорчусь, а все-таки многое узнаю об их системе безопасности. Если тебя станут допрашивать, ты не сможешь выдать никаких моих секретов. Ты не знаешь, где расположен Гримсби, сколько у меня пиявок… Да тебе, скорее всего, и не поверят. Все будет выглядеть так, будто ты действуешь в одиночку, на свой страх и риск, из любви к подружке. Как трогательно!

– Вы так говорите, как будто ожидаете, что меня поймают, – сказал Том.

– Нет, я этого не ожидаю, – возразил Дядюшка. – Но нужно быть готовыми к любому варианту. Если тебе повезет, Том, с помощью моих мальчиков ты проникнешь внутрь, найдешь свою девушку, выберешься обратно, и через несколько дней все мы будем снова сидеть за этим столом, и Эстер нам расскажет, почему эта Зеленая Гроза вдруг устроила свою сверхсекретную военную базу на моей территории.

Он запихал в рот целую горсть попкорна и снова склонился над своим экраном, рассеянно переключая каналы. Коул тоскливо уставился в тарелку. Он был шокирован предложением Дядюшки. Похоже было, что тот попросту собирается использовать Тома как расходный материал, двуногую портативную телекамеру…

– Я не согласен! – сказал Том.

– Но, Том! – воскликнул Дядюшка, подняв глаза от экрана.

– Зачем я туда полезу? Я хочу помочь Эстер, но это же безумие! Этот Разбойничий Насест, видимо, настоящая крепость! Я историк, а не десантник!

– Но ты должен, – сказал Дядюшка. – Потому что они захватили Эстер. Я читал жалостливые отчеты Коула и Вертела на ваш счет. Как ты ее

любишь. Как ты мучился, что она убежала из-за тебя. Подумай, насколько хуже тебе будет, если ты не попытаешься спасти ее сейчас, когда представился случай. Ее-то сейчас, должно быть, мучают по-настоящему. Мне даже не хочется думать о том, что с ней может сделать Зеленая Гроза. Они, знаешь ли, обвиняют ее в убийстве Анны Фанг.

– Но ведь это неправда! Это просто смешно!

– Возможно, возможно. Может быть, именно это бедняжка Эстер повторяет на допросах. Но я не думаю, что ей поверят. А если даже они решат, что она невиновна, едва ли они извинятся и отпустят ее на волю, как ты считаешь? Пулю в голову, да в море с утеса, вот и все дела. Представил себе такую картинку, Том? Молодец. Привыкай. Если ты не попытаешься спасти Эстер, будешь видеть это каждый раз, как закроешь глаза, до конца своей жизни.

Том отодвинул стул и отошел от стола. Ему хотелось найти окно, чтобы смотреть на что-нибудь другое, кроме многозначительно ухмыляющегося лица Дядюшки, но в Картографической комнате не было окон, а если бы и были, на что тут можно смотреть? На холодную воду и крыши затонувшего города? Возле двери была приколота к стене большущая карта Разбойничьего Насеста и рельефа морского дна в его окрестностях. Том стал рассматривать карту, гадая, где сейчас может быть Эстер, что с ней происходит среди этих зданий, обозначенных синими квадратиками на вершине острова. Он закрыл глаза, но Эстер поджидала его в темноте за закрытыми веками, как и предрекал Дядюшка.

Это он, Том, во всем виноват. Если бы он не поцеловал Фрейю, Эт ни за что бы не улетела вот так и ее не поймали бы агенты Зеленой Грозы. Фрейе тоже грозит опасность, но она далеко, ей и ее городу он ничем помочь не может. А Эстер – может. У него есть один шанс из десяти, чтобы помочь Эстер.

Он постарался успокоиться, прежде чем снова повернуться к Дядюшке, чтобы голос звучал ровно и бесстрашно.

– Ладно, – сказал он. – Я согласен.

– Превосходно! – обрадовался Дядюшка, хлопая руками в обрезанных перчатках. – Я знал, что ты согласишься! Завтра с утра пораньше Коул доставит тебя на «Винтовом черве» к Разбойничьему Насесту.

Коул смотрел и разрывался на части. Он и вообразить себе не мог таких сильных и противоречивых эмоций: страх за Тома, но и восторг, ведь он так боялся, что Дядюшка накажет его за все, что он натворил в городе Фрейи, а оказывается, он все еще командир «Винтового червя»! Он встал и подошел к Тому. Тот опирался на спинку кресла, уставившись на свои руки,

вид у него был совсем больной.

– Все будет хорошо, – пообещал Коул. – Ты будешь не один. Ты теперь с Пропащими Мальчишками. С нами ты быстро заберешься туда и снова выйдешь с Эстер, и все будет в порядке.

Дядюшка наскоро пробежался по каналам своего маленького монитора, – кто знает, на какую пакость способны мальчишки, если за ними не следить каждую минуту. Потом он широко улыбнулся Тому и Коулу и наполнил их бокалы вином. Пусть запьют ту гору полуправды и откровенного вранья, которую он им скормил.

Глава 25
Кабинет доктора Попджоя

Время для Эстер тянулось очень медленно. На Разбойничьем Насесте день почти не отличался от ночи, разве что квадратик окна под самым потолком камеры из черного становился серым. Однажды в окошко заглянула только-только начавшая убывать луна, и Эстер поняла, что прошло уже больше месяца с того дня, как она убежала от Тома.

Она сидела в углу, ела, когда тюремщики просовывали еду через окошечко в двери, присаживалась на жестяное ведро, если приходила надобность. Как умела, начертила на плесени, покрывающей стены, маршрут Анкориджа и Архангельска, пытаясь высчитать, когда и где хищный мегаполис догонит свою добычу. Бóльшую часть времени Эстер думала о том, что она – дочь Валентайна.

Бывали дни, когда она жалела, что не убила его, пока у нее была такая возможность. В другие дни она мечтала, чтобы он был еще жив. Она бы о многом хотела его спросить. Любил ли он ее мать? Знал ли он, кто такая Эстер? Почему он так любил Кэтрин и совсем не любил свою вторую дочку?

Иногда дверь камеры распахивалась под ударом ноги, и солдаты отводили Эстер в Зал Памяти. Там ее ждали Сатия, Попджой и механическое существо, которое было когда-то Анной Фанг. К портретам на стенах прибавилась увеличенная, жутко уродливая фотография Эстер, но Сатия, видимо, считала полезным, чтобы и сама Эстер присутствовала, пока она терпеливо рассказывает бесстрастному Сталкеру истории из жизни Анны Фанг. Кажется, гнев Сатии по отношению к Эстер немного утих, словно какой-то частью своего сознания она понимала, что эта тощая, покрытая шрамами девчонка не имеет ничего общего с безжалостной лондонской шпионкой-убийцей, которую она себе вообразила. Эстер тоже понемногу начала лучше понимать Сатию с ее отчаянной решимостью воскресить погибшую воздухоплавательницу.

Сатия родилась на голой земле, в лагере скваттеров, состоявшем из пещер с занавесочками вместо дверей. Пещеры были вырыты в отвесной стенке старой колеи в Южной Индии, которую рвали на части движущиеся города. В засушливое время года ее сородичам приходилось каждые несколько месяцев переносить свой лагерь на новое место, чтобы не попасть под гусеницы очередного проезжающего мимо города –

Чиданагарама, Гутака или Джаггернатпура. В сезон дождей земля превращалась в жидкую грязь под босыми ногами поселенцев. Все говорили о том, чтобы устроиться в каком-нибудь постоянном поселении на севере, но, когда Сатия подросла, ей стало ясно, что они никогда не одолеют такого путешествия. Время и силы целиком уходили на то, чтобы просто выжить.

И вдруг прилетел ярко-красный дирижабль, и правила им высокая, добрая, красивая пилотесса. Ей нужно было произвести кое-какой ремонт, а направлялась она на север после выполнения задания на острове Палау-Пинанг. Дети поселенцев постоянно толпились вокруг нее, слушали как зачарованные рассказы о ее работе по поручениям Лиги противников движения. Анна Фанг потопила целый плавучий город, угрожавший напасть на Сто островов. Она сражалась с воздушными разведчиками из Парижа и Читтамоторе и подбрасывала бомбы в машинные отделения других голодных городов.

Сатия, застенчиво державшаяся в дальних рядах толпы, впервые начала понимать, что вовсе не обязана прожить всю свою жизнь как червяк. Она может бороться!

Неделю спустя, на полпути к столице Лиги – Тяньцзину – Анна Фанг услышала какие-то звуки в трюме «Дженни Ганивер» и обнаружила Сатию, скорчившуюся среди груза. Анна, пожалев девочку, оплатила ей учебу на пилота Лиги. Сатия усердно работала, хорошо училась и скоро стала командиром авиационного крыла Северного воздушного флота. Три четверти жалованья она каждый месяц отсылала на юг, своей семье, но почти никогда их не вспоминала. Отныне Лига была ее семьей, а Анна Фанг – матерью, сестрой и мудрой, доброй подругой.

И чем она отплатила за эту доброту? Тем, что забралась вместе с группой активистов Зеленой Грозы в ледяные пещеры Чжань-Шаня, где покоились величайшие воины Лиги, и похитила замороженный труп летчицы. Тем, что привезла ее сюда, на Разбойничий Насест, и позволила Попджою ставить на ней свои алхимические опыты. Эстер невольно начинала жалеть Сатию, глядя, как та упорно пытается пробудить в Сталкере хоть какие-нибудь воспоминания. «Я не Анна Фанг», – твердило в ответ чудовище голосом сухим, как трава в пустыне. Иногда Сталкер начинал сердиться, и тогда им приходилось спешно уходить. Однажды мнемонических сеансов не было несколько дней подряд, а позднее Эстер узнала, что Сталкер убил одного из охранников и пытался вырваться из Зала Памяти.

В хорошие дни, когда чудовище было более сговорчивым, все они

спускались по бронированному коридору в расположенный поблизости грузовой ангар, где стояла на якоре «Дженни Ганивер». Эстер приходилось разыгрывать в тесной гондоле все, что она могла припомнить о двух своих недолгих путешествиях с погибшей пилотессой, а Сатия заново рассказывала о том, как Анна строила этот корабль, воруя запчасти на разделочной верфи в Архангельске, где она была рабыней, и тайно собирая «Дженни» под самым носом своего тупого хозяина.

Сталкер смотрел на нее холодными зелеными глазами и шептал:

– Я не Анна Фанг. Мы зря тратим время. Меня построили для того, чтобы возглавить Зеленую Грозу, а не для того, чтобы томиться здесь. Я хочу разрушать города.

Однажды ночью Сатия явилась в камеру. Дрожащие губы, остановившийся взгляд, затравленное выражение лица стали еще заметнее, чем обычно, под глазами залегли лиловые тени. Ногти были обгрызены до мяса. Эстер пришла в голову странная мысль: «Она ведь тоже в тюрьме».

– Идем, – только и сказала Сатия.

Она повела Эстер подземными коридорами в лабораторию, где ряды штативов с пробирками приветствовали вошедших нерадостным оскалом. Доктор Попджой возился с какими-то сложными приборами. Его лысина блестела в свете аргоновой лампы. Сатии пришлось несколько раз окликнуть его по имени, пока он наконец что-то буркнул в ответ, подвинтил какую-то последнюю деталь и отошел от верстака.

– Доктор, я хочу, чтобы Эстер это видела, – сказала Сатия.

Покрасневшие, слезящиеся глазки Попджоя заморгали, обратившись к Эстер.

– Вы уверены, что это разумно? Я хочу сказать: если сведения просочатся наружу… Но полагаю, мисс Шоу не выйдет отсюда живой, не правда ли? По крайней мере, в общепринятом смысле этого слова!

Он издал гнусавый звук, возможно обозначавший смех, и поманил посетителей к себе. Подойдя вслед за Сатией к верстаку, Эстер увидела, что предмет, над которым работал Попджой, – это мозг Сталкера.

– Поразительное техническое устройство, а, моя дорогая? – сказал Попджой с гордостью. – Конечно, необходим труп, куда его можно было бы встроить. Пока это всего-навсего хитроумная игрушка, но подождите, вот я его засуну в жмурика! Щепотка химикатов, слабенький электрический ток и – хлоп!

Он снова гнусаво засмеялся.

Инженер шмыгнул в дальний угол лаборатории, где за рядами стеклянных колб, банок с кусками мертвой плоти и фрагментов

недостроенных Сталкеров сидела на жердочке большая мертвая птица, глядя на посетителей блестящими зелеными глазами. Когда Попджой протянул к ней руку, птица распахнула рваные крылья и раскрыла клюв.

– Как видите, – сказал инженер, поглаживая птицу, – я не ограничиваю свои исследования оживлением человеческих существ. Опытные образцы птиц-Сталкеров уже патрулируют небо над Объектом. Я обдумываю и другие возможности: кот-Сталкер, а может быть, и кит-Сталкер, который мог бы доставлять взрывчатку к днищу плавучего города. А пока я значительно продвинулся в области воскрешения людей…

Эстер посмотрела на Сатию, но Сатия, не глядя на нее, пошла за Попджоем к двери в дальней стене. В двери, как и в Зале Памяти, был магнитный замок. Длинные пальцы инженера пробежались по клавишам слоновой кости, набирая код. Замок щелкнул и зажужжал, дверь отворилась. За нею оказалась ледяная пещера, где стояли под пластиковыми покрывалами статуи странного вида.

– Понимаете, создателям тех, древних Сталкеров не хватало полета фантазии, – пустился в объяснения Попджой. От его дыхания шел пар. Инженер ходил по комнате-холодильнику, сдергивая покрывала со своих творений. – Если Сталкеру требуется человеческий мозг и нервная система, это еще не значит, что он обязан и в остальном походить на человека. Зачем ограничиваться двумя руками и двумя ногами? Почему всего лишь два глаза? Для чего Сталкеру нужен рот? Эти ребята не едят, и мы создаем их не ради блестящей светской беседы…

Полотнища мерзлого пластика отлетали в сторону, открывая бронированных кентавров с двадцатью руками и гусеничными траками вместо ног, Сталкеров-пауков с когтистыми лапами и орудийными башнями в животе, Сталкеров с добавочной парой глаз на затылке. На каменном столе у самой двери лежало нечто неоконченное, переделанное из трупа бедняги Уиджери Блинко.

Эстер ахнула, прижала руку ко рту:

– Это тот человек, который вколол мне снотворное в Архангельске!

– А, он был всего лишь платный агент, – сказала Сатия. – Он слишком много знал. Я велела ликвидировать его в ту же ночь, когда он доставил тебя сюда.

– А что, если его жены явятся его искать?

– Если бы ты была женой Блинко, стала бы ты его искать? – возразила Сатия.

Она даже не взглянула на мертвого шпиона; ее взгляд задержался на других Сталкерах, затем обратился на Попджоя.

– Ну что ж! – бодро заметил Попджой, снова набрасывая покрывала на свои изделия. – Давайте-ка уйдем отсюда, пока эти ребята не перегрелись, а то как бы не начали разлагаться, ведь они еще не оживлены.

Эстер не могла сдвинуться с места, но Сатия потянула ее за собой со словами:

– Спасибо, доктор Попджой, за ваш интересный рассказ.

– Всегда рад, дорогая леди, – отвечал инженер с игривым поклоном. – Всегда рад. Очень скоро, я уверен, мы отыщем способ восстановить память вашей подруги Анны Фанг… Всего хорошего! До свидания, мисс Шоу! Мечтаю поработать с вами после вашей казни!

Они вышли из лаборатории, спустились по короткому туннелю и оказались у двери, которая выходила на ржавый мостик, идущий вдоль отвесной скалы. С ревом налетел ветер. Эстер прикинула направление ветра, перевесилась через поручень, и ее вывернуло наизнанку.

– Ты как-то спросила меня, почему Зеленая Гроза поддерживает эту мою работу, – сказала Сатия. – Теперь ты знаешь. На самом деле их не интересует Анна. Они хотят, чтобы Попджой построил для них армию Сталкеров, с помощью которой они захватят власть в Лиге и начнут войну против движущихся городов.

Эстер вытерла рот, посмотрела вниз, на мечущиеся языки пены, облизывающие узкие расщелины среди скал.

– Почему вы мне это рассказываете? – спросила она.

– Я хочу, чтобы ты знала. Когда начнут падать бомбы и Сталкеры Зеленой Грозы сорвутся с цепи, я хочу, чтобы хоть кто-нибудь знал, что я в этом не виновата. Я сделала все это ради Анны. Только ради Анны.

– Анна вам бы за это спасибо не сказала. Она не хотела войны.

Сатия горестно покачала головой:

– Она считала, что мы должны нападать на города, только если они угрожают нашим поселениям. Она никогда не соглашалась с тем, что жители городов – варвары. Говорила: они просто заблуждаются. Я думала, что, когда Анна снова станет самой собой, она укажет нам новый путь – нечто более сильное, чем прежняя Лига, и не такое жестокое, как Зеленая Гроза. Но Гроза набирает силу, их новые Сталкеры уже почти готовы, а Анна все никак не возвращается…

Эстер почувствовала, как ее губы скривились в саркастической усмешке, и побыстрее отвернулась, пока Сатия ничего не заметила. Не так-то просто было переварить все эти моральные страдания со стороны девушки, которая без всяких угрызений совести убила старого Блинко. Но Эстер почуяла здесь шанс для себя. Сомнения Сатии – словно

расшатавшийся прут в тюремной решетке. Нужно использовать ее слабость.

Эстер сказала:

– Вам бы надо предупредить Лигу. Отправьте кого-нибудь в Высший Совет, сообщите им, чем тут занимаются ваши друзья.

– Не могу, – ответила Сатия. – Если Гроза узнает, меня убьют.

Эстер смотрела на море, чувствуя на губах вкус соленых брызг.

– А что, если кто-нибудь из заключенных сбежит? – спросила она. – Тогда вас ни в чем не смогут обвинить. Если один из пленников, который знает, что здесь творится, похитит воздушный корабль и улетит отсюда, это будет не ваша вина.

Сатия резко вскинула голову. Эстер бросило в дрожь от предчувствия свободы. Она сможет выбраться из этого ужасного места! Она еще успеет спасти Тома! Эстер гордилась тем, как она воспользовалась отчаянием Сатии; ей казалось, что это очень умный, безжалостный поступок, достойный дочери Валентайна.

– Позвольте мне убежать и забрать «Дженни Ганивер», – сказала она. – Я полечу на территорию Лиги. Найду надежного человека вроде капитана Кхоры. Он приведет на север военные корабли и захватит здешнюю базу, а уродов Попджоя выбросит в море, пока они не успели натворить бед.

Глаза Сатии засияли, словно она уже представляла себе, как красивый африканец выпрыгивает из гондолы своего «Ачебе-9000», чтобы спасти ее из ловушки, куда она сама себя загнала. Но она покачала головой.

– Не могу, – повторила она. – Если Кхора увидит Анну в ее теперешнем виде… Он не поймет. Эстер, я не могу прервать работу. Мы уже близки к успеху. Иногда я просто чувствую, что она смотрит на меня из-под этой маски… Да и как бы я могла тебя отпустить? Ты помогла убить ее.

– Вы сами этому не верите, – сказала Эстер. – Теперь уже не верите. Иначе вы бы давно меня убили.

Две слезинки скатились по щекам Сатии – серебристые капельки на фоне смуглой кожи.

– Я не знаю, – сказала она. – Не уверена. Но я в стольких вещах не уверена… – Внезапно она обняла Эстер, притянула ее лицо к накрахмаленному, царапающему плечу своей форменной куртки. – Хорошо, когда можешь с кем-то поговорить. Я не стану убивать тебя. Когда Анна поправится, она сама мне скажет, виновата ли ты в ее смерти. Ты должна остаться здесь, пока Анна не придет в себя.

Глава 26
Общая картина

Если бы вы могли посмотреть на мир сверху – если бы вы были богом или одним из призраков, что населяют древние американские вооруженные платформы, которые до сих пор еще висят на орбите высоко над полюсом, – Ледяные Пустоши сперва показались бы вам пустыми и однообразными, как стены тюремной камеры Эстер: белое пятно, расползшееся на маковке нашей бедной старушки Земли, точно бельмо на голубом глазу. Но стоит присмотреться получше, и станет видно, что среди этой белизны кое-что движется. Видите вон ту крошечную крапинку к западу от Гренландии? Это Анкоридж. Развернув перед собой веер разведывательных саней, он пробирается между глетчерами и вершинами обледенелых гор, пересекает участки морского льда, не нанесенные ни на какие карты. Пробирается очень осторожно, но не слишком медленно, потому что его жители еще не забыли паразита, похитившего Тома, и каждую минуту опасаются, как бы еще один из ему подобных не вырвался из-подо льда. Теперь в машинном отделении введены постоянные дежурства, и каждое утро патрули проверяют, не забрались ли в трюм незваные гости.

Никто на борту, конечно, не подозревает, что настоящая опасность грозит не снизу. Ее несет другая крапинка (потемнее и побольше), которая ползет за ними с востока, подняв полозья и выдвинув гусеницы, упорно волочит свою тяжелую тушу через горбатую спину Гренландии. Это Архангельск. В брюхе у него перевариваются Волкогемптон и еще три небольших китобойных города, а тем временем в Сердцевине, в отделанном слоновой костью кабинете директора, Петр Масгард уговаривает отца прибавить скорость.

– Скорость стоит дорого, мой мальчик, – говорит директор, поглаживая бороду. – Мы поймали Волкогемптон; не знаю, есть ли смысл нестись сломя голову на запад за Анкориджем. Возможно, мы его так и не найдем. Может быть, все это просто какой-нибудь трюк. Говорят, девица, которая продала тебе их направление, исчезла.

Петр Масгард пожимает плечами:

– Мои певчие птички частенько улетают, не дождавшись поимки. Но в данном случае, по-моему, она еще вернется. Явится за своей наградой. – Он с силой ударяет кулаком по отцовскому столу. – Мы должны догнать их,

отец! Речь идет не о каком-нибудь вшивом китобойном городе. Это же Анкоридж! Богатства Зимнего дворца Расмуссенов! И еще их двигатели. Я смотрел записи в архиве. Говорят, они в двадцать раз эффективнее любых известных ледовых двигателей.

– Верно, – признает отец. – Семья Скабиозов всегда зорко оберегала секрет их изготовления. Видимо, боялись, как бы им не завладел какой-нибудь хищник.

– Ну так теперь хищник ими завладеет! – с торжеством восклицает Масгард. – Мы ими завладеем! Ты только представь, Сёрен Скабиоз скоро будет работать на нас! Он сможет переоборудовать наши двигатели так, что мы будем расходовать вдвое меньше топлива и ловить вдвое больше добычи!

– Ну хорошо, – вздыхает отец.

– Ты об этом не пожалеешь, папа. Всего неделю тем же курсом, а потом я возьму своих охотников, и мы его отыщем.

А еще, будь вы призраком, затерянным на древней космической станции среди залежей старых бумаг, авторучек, пластиковых стаканчиков и замороженных астронавтов, могли бы с помощью старинных приборов заглянуть сквозь толщу воды в потайные помещения Гримсби, где Дядюшка наблюдает на самом большом своем экране, как «Винтовой червь» выходит из бокса. Коул сидит перед пультом управления, Вертел – за матроса. Пиявка уносит Тома Нэтсуорти к Разбойничьему Насесту.

– Крупный план, мой мальчик! Давай крупный план! – отрывисто приказывает Дядюшка, любуясь видом ходовых огней пиявки, пока они не скрылись в подводной тьме.

Гаргл, сидящий рядом с ним за пультом управления телекамерами, послушно дает крупный план. Дядюшка гладит мальчика по растрепанной голове. Хороший мальчик, он будет очень полезен при работе с архивами и мониторами. Иногда Дядюшке кажется, что эти-то и нравятся ему больше всех, беспомощные, безвольные слабаки вроде Гаргла. По крайней мере, от них не нужно постоянно ждать неприятностей, чего никак не скажешь о таких вот мягких, непонятных мальчишках, как Коул, у которого в последнее время замечаются весьма неприятные признаки просыпающейся совести, или о честолюбивых грубиянах вроде Вертела, за которыми нужен глаз да глаз, не то они возьмут и в один прекрасный день обратят против Дядюшки всю хитрость и умение, от него же и полученные.

– Ушел, Дядюшка, – говорит Гаргл. – Думаешь, все получится? Думаешь, сухопутник сумеет прорваться?

– Да какая разница? – отвечает Дядюшка со смешком. – В любом

случае мы в выигрыше, мой мальчик. Правда, о том, что происходит на Разбойничьем Насесте, я знаю меньше, чем хотелось бы, но в отчетах Врассе попадаются любопытные вещи. Мелочи, но для гения моего масштаба они складываются в определенную картину. Лондонский инженер… Гроб, обложенный льдом, который прибыл из Шань-Го… Бредовая болтовня девчонки Сатии насчет ее бедной умершей подруги. Элементарно, мой дорогой Гаргл.

Гаргл смотрит на него круглыми глазами и не может понять:

– Так, значит… Том?

– Не беспокойся, мой мальчик, – отвечает Дядюшка и снова ерошит ему волосы. – Запустить туда этого сухопутника – просто-напросто хороший способ отвлечь внимание Зеленой Грозы.

– От чего отвлечь, Дядюшка?

– А вот увидишь, мой мальчик, вот увидишь…

Глава 27
Лестница

Пропащие Мальчишки установили пункт прослушивания у восточного склона Разбойничьего Насеста, там, где черные скалы обрываются в воду глубиной в сорок морских саженей. Один из сгоревших воздушных кораблей Рыжего Локи затонул здесь во время битвы с Зеленой Грозой, и меж обросших ракушками ребер его гондолы уместились три пиявки. Они образовали временную базу, состыковавшись между собой и обхватив друг друга длинными суставчатыми ногами, словно крабы в сачке. «Винтовой червь» аккуратно заплыл в самую середину этого клубка и подсоединился воздушным шлюзом, расположенным на брюхе, к люку на крыше центральной пиявки под названием «Призрак блохи».

– Это, значит, Дядюшкин новобранец? – спросил высокий молодой человек, встретивший Коула, Вертела и Тома, когда они выбрались из люка в затхлую, вонючую атмосферу базы.

Этот парень был старше других членов шайки, и он смерил Тома взглядом со странной, снисходительной улыбочкой, как будто знал какую-то шутку, которую Тому было не понять.

– Подружка Тома, Эстер Шоу, сидит в тюрьме на Разбойничьем Насесте, – пустился в объяснения Коул.

– Да-да. Почтовая рыба от Дядюшки приплыла сюда раньше вас. Я в курсе этой романтической истории. Миссия милосердия, а?

Он пошел прочь по узкому коридору, ведущему в командную рубку.

– Его зовут Врассе, – шепнул Коул, следуя за ним вместе с Томом и Вертелом. – Один из первых.

– В чем первых? – спросил Том.

– Один из первых мальчишек, которых Дядюшка привез в Гримсби. Один из главных. Дядюшка разрешает ему оставлять себе половину добычи. Он – правая рука Дядюшки.

Правая рука Дядюшки привел всех в трюм, освобожденный от груза и превращенный в станцию слежения. Несколько мальчиков, младше Врассе, но старше Коула и Вертела, со скучающим видом раскинулись на сиденьях или склонялись над панелями управления, наблюдая за светящимися голубыми экранами, которые занимали целую стену. Ну и народу же здесь! Коул никогда не слышал, чтобы столько мальчиков выполняли одно задание. Почему Дядюшка послал их всех сюда – неужели только для того,

чтобы шпионить? И почему многие экраны погашены?

– У вас всего три краба в работе! – сказал он вслух. – Мы в Анкоридже задействовали штук тридцать!

– Тут тебе не то что грабить горожан, пиявочник! – огрызнулся Врассе. – Зеленые Грозовики знаешь какие крутые! У них на каждом шагу вооруженная охрана. Краб может пробраться только одним путем – через канализационную трубу, которая ведет к заброшенному туалету на западной стороне. Нам удалось запустить через него три камеры и спрятать их в отоплении, но сухопутники услышали шум и насторожились, поэтому мы не решаемся их особенно перемещать и новых пока не запускаем. У нас бы и с этими тремя ничего не вышло, если бы Дядюшка не прислал последние модели: камеры с дистанционным управлением, которым не приходится волочить за собой кабель. У них еще есть парочка дополнительных возможностей…

Снова эта покровительственная улыбка! Коул покосился на длинную панель управления. На ней стояли чашки с недопитым кофе, лежали стопки каких-то записей, главным образом в них шла речь о распорядке дня, расписании смены караула, о привычках охранников Зеленой Грозы. На глаза ему попалась группа ярко-красных кнопок. Каждую прикрывал защитный колпачок из стеклопластика.

– А эти зачем? – спросил он.

– Не твое дело, – отрезал Врассе.

– Ну и что там делается наверху? – поинтересовался Вертел.

Врассе пожал плечами, переключил экран с одного канала на другой.

– Не знаю. Дядюшку больше всего интересуют лаборатория и Зал Памяти, но туда мы вообще не смогли пробиться. Прослушиваем главный ангар, но не всегда удается понять, что там происходит. Они не говорят на англичанском или нордическом, как нормальные люди. Большей частью что-то лопочут на каких-нибудь придурочных восточных языках. Вот эта девчонка у них главная.

Экран заполнило изображение головы, снятой в необычном ракурсе, сквозь решетку вентиляционного отверстия в потолке кабинета. Лицом она немного напомнила Тому девушку, которая так грубо разговаривала с ним в Батмунх-Гомпе.

– Она ненормальная. Все время бухтит про какую-то свою покойную подружку, как будто та еще живая. Дядюшка очень ею интересуется. Вот еще один очаровательный персонаж…

Том ахнул. На экране, куда показывал Врассе, виднелась темная фигурка, скорчившаяся на дне помещения, похожего на глубокий колодец.

Изображение было такое тусклое и нечеткое, что, если слишком долго смотреть, начинало казаться, будто это не человек, а просто какая-то каша из абстрактных образов, но Тому не было необходимости смотреть долго.

– Это Эстер! – закричал он.

Пропащие Мальчишки заржали и принялись подталкивать друг друга локтями. Они видели лицо Эстер на экране монитора, и им казалось ужасно смешным, что кому-то она дорога.

– Мне нужно до нее добраться, – сказал Том, наклонившись ближе к экрану.

Ему хотелось прикоснуться к ней сквозь стекло, дать ей знать, что он здесь.

– Доберешься, не беспокойся, – хмыкнул Врассе.

Он взял Тома за локоть и потянул в соседнее помещение, стены которого были увешаны винтовками, мечами, копьями.

– У нас уже все готово. Дядюшка прислал подробные инструкции. Все спланировано.

Он выбрал маленький газовый пистолет и вручил его Тому, потом прибавил еще небольшое металлическое приспособление.

– Отмычка, – пояснил он.

Из рубки до Тома доносился деловитый шум. Теперь уже никто не скучал. Через полуоткрытую дверь было видно, как мальчишки бегают взад-вперед с бумагами и планшетками, переключают рубильники на приборной доске, надевают наушники.

– Мне же не прямо сейчас идти? – спросил он.

Том рассчитывал, что у него будет время, чтобы приготовиться, что мальчишки поделятся с ним сведениями о внутреннем расположении Разбойничьего Насеста. Ему и в голову не приходило, что его сразу же выпихнут на арену.

Но Врассе уже опять схватил его за руку и вытолкал в командную рубку, а оттуда – в коридор.

Старая металлическая лесенка поднималась зигзагами по отвесной стене утеса на западной стороне Разбойничьего Насеста. У ее подножия пряталась за выступом скалы железная пристань, вся в пене и брызгах прибоя. Когда-то, в пиратские времена, здесь причаливали лодки с припасами, но с тех пор, как остров захватила Зеленая Гроза, лодки сюда не приходили, и пристань выглядела заброшенной, неприглядной, сильно пострадавшей от ржавчины и неспокойного моря.

«Винтовой червь» вынырнул из воды под прикрытием пристани в тот

самый миг, когда солнце погрузилось в толстый слой тумана на горизонте. Ветер почти совсем стих, но море еще качала мертвая зыбь, и волны набегали на корпус пиявки, прилепившейся к пристани своими магнитными захватами.

Том смотрел сквозь мокрые иллюминаторы, как высоко вверху загораются окна в зданиях. Его подташнивало. Всю дорогу от Гримсби он твердил себе, что все будет хорошо, но здесь, качаясь на волнах под пристанью, он не верил, что сумеет хотя бы проникнуть в цитадель Зеленой Грозы, не говоря уже о том, чтобы снова выбраться оттуда вместе с Эстер.

Ему хотелось, чтобы Коул был рядом, но Врассе предпочел сам повести «Винтового червя», а Коула оставил на «Призраке блохи».

– Удачи тебе! – сказал Коул на прощание, когда они обнялись в воздушном шлюзе, и Том начал понимать, что удача ему действительно понадобится.

– Лестница ведет к двери на высоте примерно тридцати метров, – сказал Врассе. – Охраны нет – они не ждут нападения с моря. Дверь заперта, но наши инструменты с этим справятся. Отмычка у тебя?

Том похлопал по карману пальто. Очередная волна качнула «Винтового червя».

– Ну ладно, – нервно сказал Том, думая про себя: может, еще не поздно вернуться?

– Я буду ждать тебя здесь, – пообещал Врассе все с той же подозрительной улыбочкой. У Тома было бы спокойнее на душе, если бы он мог доверять этому типу.

Он быстро вскарабкался по трапу, стараясь думать только об Эстер, потому что знал: стоит хоть на мгновение вспомнить про толпы вооруженных солдат в крепости – и он струсит. Когда вылезал из люка, большая волна перехлестнула через «Винтового червя» и промочила его насквозь. И вот он стоит на корпусе лодки в ледяной тьме, а вокруг грохочет море. Тома вдруг охватило ощущение счастья. Что бы ни случилось дальше, стоило, наверное, проделать весь этот путь, чтобы снова вдохнуть настоящий воздух после законсервированного, профильтрованного воздуха подводного города. Том забрался на перекладину между опорами пристани, переждал следующую волну и ощупью вскарабкался наверх. Он совсем промок, его била дрожь. Пристань прогибалась под ногами, словно непокорная лошадь, пытающаяся сбросить всадника.

Он стал быстро подниматься по лестнице, радуясь возможности согреться. В темном небе кружили птицы. Это его удивило. «Думай об

Эстер», – напомнил он себе, но, даже вспоминая их самые хорошие мгновения, не мог полностью задавить растущий страх. Он постарался вообще ни о чем не думать. Говорил себе, что пришел сюда с определенной целью, но мысли все равно всплывали в голове. Это задание – самоубийство. Дядюшка попросту использует его. История о том, что ему необходим шпион на Разбойничьем Насесте, – далеко не вся правда, теперь Том был в этом уверен. А сколько собрано оружия на подслушивающей базе! Том заметил, как удивился Коул, когда это увидел. Его подставили. Он стал пешкой в игре, правила которой ему совершенно непонятны. Может быть, лучше всего было бы сдаться Зеленой Грозе – позвать часовых да и сдаться в плен. Может, они не такие уж и страшные… И по крайней мере, у него будет возможность увидеть Эстер…

Черный силуэт ринулся на него из полумрака. Том вскинул руки, прикрывая лицо, зажмурил глаза. Послышался хриплый крик, острый клюв ударил Тома по голове не хуже небольшого молотка. Хлопанье крыльев, а потом – ничего. Том поднял голову и огляделся. Он слыхал о морских птицах, которые нападают на всякого, кто приблизится к их гнездовью. Тысячи птиц кружили высоко в небе. Том рванулся вверх по лестнице, надеясь, что за первой птицей не последуют другие.

Он успел подняться еще на один пролет, когда птица снова налетела на него откуда-то сбоку с протяжным гортанным криком. На этот раз он лучше ее рассмотрел: рваные крылья, похожие на обтрепанный плащ, над широко разинутым клювом сверкают зеленые глаза. Том ударил птицу кулаком и локтем, отбросил ее от себя. Карабкаясь дальше, он почувствовал боль, опустил глаза и увидел три длинные царапины на тыльной стороне ладони. Из них лилась кровь. Что же это за птица такая? Ее когти без труда прорвали его лучшие кожаные рукавицы!

Снова пронзительный крик, так близко, что его не мог заглушить шум летающей вверху стаи. У самой головы захлопали крылья, задевая Тома по лицу, по волосам. Он ощутил химический запах и на этот раз успел увидеть, что зеленое сияние в глазах птицы не было отражением света из окон. Том вытащил пистолет, который дал ему Врассе, и ударил эту тварь, она отлетела по ветру, но через секунду чьи-то когти ободрали ему макушку – еще две зверюги атаковали сверху.

Том бросился бегом по лестнице, а птицы – если это были птицы – с оглушительными криками летали вокруг, время от времени нанося удары клювом в голову и шею. Их было всего две, остальные продолжали как ни в чем не бывало кружить вокруг вершины острова. Всего только две, но этого оказалось больше чем достаточно. Сверкали яркими бликами острые

как бритва когти и щелкающие металлические клювы, крылья хлопали, как флаги на ветру.

– Помогите! – бессмысленно закричал Том. – Отстаньте от меня! Отстаньте!

Мелькнула мысль броситься назад и укрыться в пиявке, но, едва он обернулся, птицы кинулись ему в лицо, а дверь была уже близко. Остался всего один пролет лестницы.

Том полез дальше, поскальзываясь на обледеневших ступеньках, защищая голову руками в располосованных рукавицах, чувствуя, как по лицу стекают горячие струйки крови. В угасающем свете заката он увидел впереди дверь и кинулся к ней, но было не до отмычек – приходилось непрерывно отбиваться от острых когтей и твердых клювов. В отчаянии Том поднял пистолет и выстрелил наугад, целясь куда-то вверх. Одна из зеленоглазых птиц начала падать в море, за ней тянулся длинный шлейф дыма. Другая отлетела в сторону и снова бросилась в атаку. Том спрятал лицо, пистолет выпал из скользкой от крови руки, ударился о поручень и упал в темноту.

Луч прожектора белым клинком скользнул по скале, резанув его сквозь вихрь мечущихся крыльев. Том прижался к двери. Завыла сирена, другая, еще одна, эхо отражалось от скал.

– Врассе! – закричал Том. – Коул! На помощь!

В радиоприемнике «Винтового червя» послышался треск.

– Они его поймали.

Врассе спокойно кивнул. Дядюшка предупреждал, что, скорее всего, так и будет.

– Запускайте крабов, – приказал он по радио. – У нас всего несколько минут, пока там не сообразили, что он не один.

Врассе начал нажимать на кнопки, щелкать переключателями. Люк в потолке откинулся, выпуская наружу старый, потрепанный грузовой воздушный шар. Шар плавно пошел вверх, туда, где мельтешили птицы и вспыхивали лучи прожекторов. Магниты «Винтового червя» отсоединились один за другим, пиявка поджала ноги и камнем пошла на дно.

Металлическая дверь открылась, окатив Тома волной желтого света. Он был так счастлив убраться наконец от этих птиц, что почти обрадовался, когда стража его схватила. Ему заломили руки за спину, кто-то держал его ноги, не давая брыкаться, кто-то еще сунул под подбородок дуло автомата «Вельтшмерц». Том не переставая бормотал: «Спасибо» и «Извините». Его

втащили внутрь, захлопнув дверь, и швырнули на холодный пол. Потом подобрали и понесли, и снова бросили на пол. Голоса эхом отдавались от низкого потолка. Снаружи выстреливали ракеты. Голоса говорили на аэросперанто с восточным акцентом, часто вставляя словечки на диалекте, которого Том не понимал.

– Он один? – Женский голос, смутно знакомый.

– Вроде, да, командир. Наши… – (непонятное слово), – нашли его на лестнице.

Снова заговорила женщина. Том не разобрал, что она сказала, – видимо, спросила, как он сюда попал, потому что ей ответили:

– Воздушный шар. Двухместный. Наши ракеты его сбили.

Что-то похожее на ругательство.

– Почему его не заметили со сторожевой башни?

– Часовой говорит – он вдруг появился ниоткуда.

– Не было воздушного шара, – прошептал Том, окончательно сбитый с толку.

– Пленник, командир…

– Давайте посмотрим на него…

– Извините, – пробормотал Том, чувствуя во рту вкус крови.

Кто-то посветил фонариком ему в лицо. Когда зрение вернулось, Том увидел, что над ним наклоняется та девушка с экрана, похожая на Сатию, только не просто похожая, это и была Сатия.

– Здравствуйте. Спасибо. Извините, – прошептал он.

Она всмотрелась в его лицо, залитое кровью, облепленное мокрыми волосами. Ее глаза расширились и тут же сузились яростными щелочками. Она его узнала.

Столько месяцев Пропащим Мальчишкам наблюдать было практически не за чем, и вдруг сразу столько материала для наблюдений! Они отталкивали друг друга от мониторов, пытаясь разобрать, что там происходит у сухопутников. Коул пробился в первый ряд и увидел, как Тома уводили солдаты, одетые в белое. Другой экран показывал пустой кабинет командира, недоеденный ужин на письменном столе. На третьем летчики толпились возле дирижаблей в большом ангаре, как будто Зеленая Гроза считала, что за появлением Тома может последовать атака. На остальных экранах мелькала темнота. Десятки телекамер с дистанционным управлением дожидались своего часа у отверстия сливной трубы, и теперь Пропащие Мальчишки, воспользовавшись суматохой, дали им команду проникнуть внутрь базы. Выбегая из неработающего туалета, машинки ныряли в вентиляционную трубу и разбегались по всему Объекту, прорезая

себе дорогу через предохранительные решетки, выводя из строя датчики охранной сигнализации. Звуки, которые они издавали, полностью заглушала воющая сирена.

Среди всех этих событий Коул вдруг почувствовал толчок – «Винтовой червь» пристыковался к базе. Через минуту из воздушного шлюза показался Врассе, напряженный и взволнованный, и сразу спросил своих помощников о скорости реакции Зеленой Грозы.

– Они шустрые, – ответил кто-то.

– Я рад, что Дядюшка не меня отправил на разведку!

– Лестницу сторожат какие-то дрессированные птички, они первыми подняли тревогу.

– Нас они врасплох не застанут!

Коул потянул Врассе за рукав, потом еще и еще. Наконец старший мальчик раздраженно обернулся.

– Ты же должен был его ждать! – закричал Коул. – А вдруг он сумеет бежать? Как он выберется с острова без «Винтового червя»?

– Твой кореш уже попался, – отпихнул его Врассе. – Не волнуйся, любитель сухопутников! У Дядюшки все продумано.

Поворот ключа в замке, стук распахнувшейся двери. Эти звуки выдернули Эстер из дремоты. Она торопливо поднялась. В камеру вошла Сатия и немедленно снова сбила ее с ног. Следом ввалились солдаты, волоча за собой промокшую фигуру, с которой ручьями лилась вода. Эстер не поняла, кто это. Не узнала, даже когда Сатия приподняла мокрую голову и показала ей избитое, покрытое синяками и перемазанное кровью лицо, но она увидела длинное кожаное пальто пилота и подумала: «У Тома было такое пальто». Эта мысль заставила ее посмотреть еще раз, хотя Том никак не мог тут появиться.

– Том? – прошептала она.

– Нечего разыгрывать удивление! – закричала Сатия. – Хочешь, чтобы я поверила, будто ты не ждала его? Откуда он узнал, что ты здесь? Что вы задумали? На кого работаете?

– Ни на кого! – ответила Эстер. – Ни на кого! – И заплакала.

Солдаты поставили Тома на колени. Он пришел, чтобы спасти ее, а теперь ему страшно и больно, и хуже всего, что он не знает о ее подлости. Он забрался в такую даль, чтобы ее спасти, а она-то этого не заслуживает.

– Том!.. – всхлипнула она.

– Я поверила тебе! – кричала Сатия. – Ты обманула меня, как и бедную Анну, ты казалась такой невинной, что я начала сомневаться в себе самой, а в это время твой сообщник-варвар уже приближался сюда! Какой у вас

план? Вас ждет корабль? Есть еще сообщники? Блинко был с вами в сговоре? Полагаю, вы планировали похитить Попджоя и увезти его в какой-нибудь мерзкий движущийся город, чтобы он делал для них своих Сталкеров?

– Нет, нет, все совсем не так, – рыдала Эстер, но она видела, что никакие ее слова не смогут убедить Сатию.

Что касается Тома, он почти ничего не соображал от холода и побоев, но услышал голос Эстер, поднял глаза и увидел, что она скорчилась на полу рядом с ним. Он и забыл, как она уродлива.

Сатия схватила его за волосы и пригнула ему голову, обнажая шею. Он услышал, как ее меч со свистом вышел из ножен, услышал шорох и царапанье в отопительной трубе под потолком, услышал крик Эстер:

– Том!

Он закрыл глаза.

Пропащие Мальчишки увидели на своих экранах белый отблеск меча. Из репродуктора доносился искаженный помехами голос Сатии, выкрикивающий безумные слова о заговорах и предательстве.

– Сделайте что-нибудь! – завопил Коул.

– Это всего-навсего сухопутник, Коул, – добродушно заметил Вертел. – Ну его в болото!

– Нужно ему помочь! Его же убьют!

Врассе отшвырнул Коула от себя.

– Его так и так убили бы, тупица! – рявкнул он. – Или ты думаешь, Дядюшка действительно отпустил бы его после всего, что он видел? Даже если бы они с девчонкой выбрались, у меня был приказ допросить их как следует, а потом прикончить. Том был нужен только для отвлекающего маневра.

– Зачем? – взвыл Коул. – Только для того, чтобы вы могли пропихнуть в трубу еще несколько телекамер? Чтобы Дядюшка смог увидеть, что там у них в Зале Памяти?

Врассе ткнул его кулаком в грудь так, что Коул повалился на пульт управления.

– Дядюшка давным-давно уже догадался, что там в Зале Памяти. Наши камеры – не простые. Это бомбы. Мы расставим их в определенных местах, дадим сухопутникам несколько часов, чтобы успокоились и расслабились, а потом взорвем всю эту малину. Вот тогда и начнется настоящий грабеж!

Коул посмотрел на экраны, слизнул кровь, которая текла из носа. Другие мальчишки попятились от него, как будто излишний интерес к

сухопутникам был заразной болезнью, чем-то вроде гриппа. Он попытался выпрямиться, опираясь на пульт управления, и увидел рядом со своей рукой ряд красных кнопок под прозрачными колпачками. Коул задержал на них взгляд. Он никогда раньше не видел ничего подобного, но нетрудно было догадаться, для чего они.

– Нет! – заорал кто-то. – Рано еще!

В одно мгновение, прежде чем они успели до него дотянуться, Коул сбросил сколько мог колпачков и ударил по кнопкам сжатыми кулаками.

Все экраны разом погасли.

Глава 28
Очертя голову

Его что-то ударило в спину, он упал лицом вниз на холодный пол и подумал: «Вот и все. Я умер». Но он не умер. Он чувствовал щекой прохладную влажность камня и, перевернувшись, увидел, что потолок обрушило взрывом. Видимо, взрыв был мощный, судя по кучам пыли и обломков на полу. Наверное, здорово грохнуло, но он почему-то ничего не услышал, и не слышал до сих пор, хотя куски крыши все еще продолжали обваливаться, вокруг бегали люди, размахивая фонариками и широко раскрывая рты, но криков не было, только звон, и свист, и гудение в голове, и когда он чихнул, звука тоже не было, но чьи-то тонкие горячие пальцы стиснули ему руку и потянули его за собой. Он посмотрел и увидел Эстер, совершенно белую в свете фонарика, словно статуя, только губы у нее шевелились – она что-то пыталась ему сказать, она тянула его за рукав и показывала в сторону двери, и он выбрался из-под той штуковины, что придавила его, и оказалось, что это Сатия, и он подумал, серьезно ли она ранена, и хотел ей помочь, но Эстер тащила его к двери, спотыкаясь о тела мужчин, мертвых уже вне всякого сомнения, пролезла, пригнувшись, под искореженной отопительной трубой, которая была вся разворочена и дымилась, как будто взорвалась изнутри. Том оглянулся – кто-то выстрелил в него из пистолета, он видел вспышку и даже почувствовал ветерок, когда пуля пролетела мимо его уха, но по-прежнему ничего не слышал.

А потом они неслись вниз по лестнице, проскакивали еще через какие-то двери, беззвучно захлопывая их за собой. Остановились перевести дух, согнувшись пополам от кашля, и он попытался разобраться в том, что случилось. Взрыв… Отопительная труба…

– Том!

Эстер прижалась к нему, но ее голос казался далеким, слабым и булькающим, как будто она говорила сквозь воду.

– Что?

– Дирижабль! – закричала она. – Где твой дирижабль? Как ты сюда попал?

– Подводная лодка, – сказал он. – Но они, по-моему, уплыли.

– Что? – Она тоже оглохла, как и он.

– Уплыли!

– Что?

В дальнем конце коридора в пыли и дыму засверкали фонарики.

– Возьмем «Дженни»! – крикнула Эстер и толкнула Тома к очередной лестнице.

Там, как и в коридоре, было темно и полно дыма. Том начал понимать, что были и другие взрывы, не только в камере. Кое-где в коридорах еще мигали лампы, но в большинстве тока не было. Группы перепуганных, растерянных солдат протискивались в двери, пробирались по боковым коридорам, заваленным грудами обломков. Слух постепенно возвращался к Тому, звон в ушах уступил место надрывному вою тревожной сигнализации. Эстер выпихнула Тома на лестничную площадку, пропуская еще одну группу людей, на этот раз пилотов.

– Я даже не знаю, где мы, – проворчала она, когда те прошли. – В темноте все выглядит по-другому.

Она посмотрела на Тома. Ее лицо было пегим от пыли. Широко улыбнулась:

– Как ты устроил этот взрыв?

Это был самый трудный выбор в жизни Врассе. На минуту он совсем потерял соображение и только тупо таращился на пустые экраны «Призрака блохи». Все Дядюшкины планы коту под хвост! Столько работы – и все рухнуло! Бомбы взорвались, не успев даже разместиться как нужно!

– Что будем делать, Врассе? – спросил кто-то.

Можно было сделать только одно из двух. Вернуться домой, и пусть Дядюшка спустит с них шкуру за то, что явились с пустыми руками. Или идти на штурм.

– Идем на штурм! – решил он и снова почувствовал себя сильным.

Мальчишки кинулись разбирать оружие, сети, отмычки, пристегивать к головам фонарики. Коула оттащили от пульта.

– Вертел, Наживка, оставайтесь здесь. Остальные – за мной!

И вот, пока Зеленая Гроза металась в панике и боролась с пожарами, занявшимися на месте взрывов, пока прожекторы шарили по небу, а ракетные батареи били раз за разом по воображаемому противнику, «Призрак блохи» всплыл у пристани. Пропащие Мальчишки вывалились наружу и начали бегом подниматься по лестнице, по которой час тому назад карабкался Том.

На самом верху их заметила птица-Сталкер, и мальчишка, на которого она спикировала, опрокинулся через поручень и с криком полетел в воду. Другого ранили автоматчики с утесов, и Врассе пришлось его пристрелить, потому что Дядюшка приказал никого не оставлять в живых, чтобы не попал в плен к сухопутникам. В конце концов они добрались до двери и

побежали по коридорам, руководствуясь весьма приблизительными планами здания, к Залу Памяти, расставляя по дороге мальчишек, чтобы удерживали путь к отступлению. Солдаты Зеленой Грозы в панике шарахались в дыму, и Пропащие Мальчишки убивали их – опять-таки потому, что Дядюшка приказал не оставлять свидетелей.

Часовые, охранявшие Зал Памяти, разбежались. Массивные замки озадачили Врассе ровно на одно мгновение: электричество отключилось, и дверь плавно открылась под его рукой. Фонарики Пропащих Мальчишек осветили мостик, ведущий к центральной платформе, по которой кто-то расхаживал взад-вперед, точно дикий зверь в клетке. Сверкнула, поворачиваясь к свету, бронзовая маска.

Все попятились. Только Врассе примерно представлял себе, что им предстоит украсть, но и он никогда этого не видел. Дядюшка предупредил, чтобы они ни в коем случае не вступали в прямое сражение с монстром. «Застаньте его врасплох, – гласил его приказ. – Нападайте сверху или снизу, набросьте на него сеть и закрепите магнитами, пока он не опомнился». Но теперь на это не было времени, а если бы даже и было, вряд ли это могло сработать. Монстр выглядел таким мощным! Впервые в жизни Врассе усомнился в том, что Дядюшка знает лучше.

Он постарался скрыть свой страх.

– Ну вот, – сказал он. – То, что нужно Дядюшке. Давайте сопрем это.

Пропащие Мальчишки взяли наизготовку пистолеты, ножи, веревки и цепи, магнитные захваты и тяжелые, прочные сети, которыми снарядил их Дядюшка, и начали подбираться к мостику.

Где-то хлопали выстрелы, хотя определить направление было трудно из-за эха, разносившегося по низким коридорам. Том и Эстер побежали дальше, полагаясь на довольно туманные представления Эстер о плане помещений воздушной базы. На пути начали попадаться трупы: трое солдат Зеленой Грозы, лежащие кучей друг на друге; молодой человек в разнокалиберной темной одежде, из-под черной шерстяной шапочки выглядывал клок светлых волос. Том вздрогнул, подумав, что это Коул, но мальчишка был старше и крупнее – кто-то из команды Врассе. Том сказал:

– Пропащие Мальчишки тоже здесь!

– Кто? – спросила Эстер.

Том не ответил. Ему было не до того – он пытался сообразить, что же тут происходит и какую роль во всем этом сыграл он сам. Эстер хотела еще о чем-то спросить, но не успела. Поблизости раздался страшный шум, послышалась стрельба, сперва массированная, потом все реже и реже,

перемежаясь отчаянными криками, наконец последний булькающий вопль – и тишина.

Даже сирена замолчала.

– Это что такое было? – спросил Том.

– А я знаю? – Эстер взяла у мертвого мальчишки фонарик и нырнула на следующую лестницу, волоча Тома за собой. – Пошли-ка отсюда…

Том с радостью подчинился. Ему было приятно чувствовать, что она держит его за руку и снова командует им. Он подумал – не сказать ли ей об этом и, может быть, извиниться за то, что случилось тогда в Анкоридже, но лестница уже кончилась, и Эстер остановилась, тяжело дыша, давая ему знак тоже остановиться и помалкивать.

Они оказались в помещении, похожем на вестибюль. Перед ними была настежь открытая круглая дверь.

– О боги и богини! – выдохнула Эстер.

– Что?

– Электричество! Замки отказали! Электрический барьер! Он сбежал!

– Кто?

Эстер сделала глубокий вдох и на цыпочках подкралась к двери.

– Идем! – бросила она Тому. – Здесь можно пройти в ангар…

Они одновременно перешагнули порог. Под потолком висел густой ружейный дым, покачиваясь в воздухе, точно белый занавес. В темноте капала какая-то жидкость. Эстер повела фонариком по мосту, освещая лужи крови, кровавые следы ботинок, похожие на диаграмму какого-то неистового танца, брызги крови, капающей из-под купола. На мосту лежали бесформенные кучи. На первый взгляд их можно было принять за узлы с тряпьем, но, приглядевшись, Том различил лица, руки, узнал нескольких ребят с подводной базы. Но зачем они сюда пришли? Что с ними случилось? Тома затрясло.

– Все в порядке, – сказала Эстер, скользнув лучом фонарика по центральной платформе.

Пусто, только в самой середине валяется окровавленный серый плащ, словно ставший ненужным кокон, из которого уже вылетела бабочка. Сталкер ушел. Наверное, ищет себе новые жертвы в лабиринте комнат и коридоров наверху. Эстер снова взяла Тома за руку и быстро повела его по галерее, окружающей комнату, к другой двери, через которую она так часто проходила вместе с Сатией и другими, когда Сталкер был в хорошем настроении. На лестнице тихонько вздыхал сквозняк, словно голоса призраков.

– Она ведет в ангар, где стоит «Дженни», – объяснила Эстер.

Лестница кончилась. Коридор сделал резкий поворот и неожиданно вывел их в ангар. В дрожащем луче фонарика, который держала Эстер, Том увидел прямо у себя над головой заплатанную красную оболочку «Дженни Ганивер». Эстер нашла панель управления на стене, потянула на себя какую-то рукоятку. В темноте под крышей заработал подъемный механизм, закрутились шкивы, посыпалась ржавчина. Натянулись тросы, раздвигая громадные ворота по другую сторону ангара. За ними показалась узкая посадочная полоса, проложенная на вершине скалы, и туман, туман со всех сторон, белая сказочная страна с холмами и долинами, заслоняющая море. Небо вверху было ясным, свет звезд и мертвых спутников проник в ангар, озарил «Дженни Ганивер», стоящую у причала, и цепочку кровавых следов на бетонном полу.

Из тени под рулевым пропеллером «Дженни» выступила высокая фигура, загораживая дорогу к двери на лестницу. Два зеленых глаза сверкали в темноте, словно светлячки.

– О Квирк! – вымолвил Том. – Это… Что это?… Разве это?…

– Это мисс Фанг, – сказала Эстер. – Только она – не она.

Сталкер двинулся вперед, освещенный только светом из открытых ворот. Слабые отсветы скользили по длинным стальным ногам, по бронированному торсу, по бронзовой маске лица, отблескивая на вмятинках, оставленных бессильными пулями Пропащих Мальчишек. Их кровь еще капала с когтей Сталкера, покрывала его руки до локтей, как будто он был в длинных красных перчатках.

Сталкеру доставила удовольствие бойня в Зале Памяти, но, когда последний из Пропащих Мальчишек умер, боевая машина слегка растерялась, не зная, что делать дальше. Запах ружейного дыма и приглушенные звуки боя, доносившиеся из коридоров, будили в ней сталкеровские инстинкты, но она с осторожностью посматривала на дверь, помня об электрических ударах, которые получала всякий раз, как пыталась выйти. В конце концов она выбрала другую дверь. Неясные для нее самой чувства влекли ее в ангар, к старому красному воздушному кораблику. Она обошла вокруг «Дженни» в темноте, провела металлическими пальцами по обшивке, и тут вдруг в ангар влетели Эстер и Том. Когти Сталкера снова выскочили из пазов, безудержное желание убивать побежало по проводам, словно мощный электрический импульс.

Том повернулся, хотел выскочить наружу, но наткнулся на Эстер, она поскользнулась в луже крови и с размаху грохнулась на пол. Том наклонился ей помочь, и Сталкер мгновенно оказался над ним.

– Мисс Фанг? – прошептал Том, глядя снизу вверх в знакомое и в то же

время незнакомое лицо.

Сталкер внимательно смотрел на Тома, наклонившегося над девушкой, лежащей на забрызганном красным бетоне, и вдруг в его механическом мозгу встрепенулась крошечная, бессмысленная крупица памяти, смущая и раздражая монстра. Он колебался, когти его чуть подергивались. Где он видел мальчишку раньше? Этого лица не было среди портретов на стенах комнаты, но он его знал. Он помнил, как лежал на снегу, а это лицо склонилось над ним. Мертвые губы шевельнулись под маской, произнесли имя:

– Том Нитсуорти?

– Нэтсуорти, – сказал Том.

Чужая память вновь шевельнулась в черепной коробке Сталкера. Он не помнил, почему этот мальчик кажется таким знакомым, знал только, что не хочет его смерти. Сталкер сделал шаг назад, еще один… Втянул когти.

– Анна!

Ломкий вскрик эхом разнесся по ангару. Все трое обернулись к двери. Там стояла Сатия с фонарем в одной руке и обнаженным мечом в другой. Ее лицо и волосы все еще были белыми от осыпавшейся штукатурки, кровь сочилась из раны на голове, где ее задела шрапнель от взорвавшейся камеры-краба. Девушка поставила фонарь на пол и стремительно подошла к своему обожаемому Сталкеру.

– Ах, Анна! Я всюду тебя искала! Могла бы догадаться, что ты пойдешь сюда, к «Дженни»…

Сталкер не двинулся с места, только повернул свое металлическое лицо и вновь уперся взглядом в Тома. Сатия запнулась, в первый раз заметив две фигурки, съежившиеся у ног механического существа.

– Ты поймала их, Анна! Молодец! Они враги, они в заговоре с теми, кто на нас напал! Они – твои убийцы! Убей их!

– Все враги Зеленой Грозы должны умереть, – согласился Сталкер.

– Правильно, Анна! – подхватила Сатия. – Давай же, убей их! Убей их, как ты убила тех, остальных!

Сталкер наклонил голову набок. Зеленый свет его глаз упал на лицо Тома.

– Ну, тогда я сама это сделаю! – выпалила Сатия и шагнула вперед, занося меч над головой.

Сталкер сделал быстрое движение. Том тоненько вскрикнул от ужаса и почувствовал, что Эстер теснее прижалась к нему. Блеснули в свете фонаря стальные когти, и меч Сатии со звоном упал на пол вместе с кистью руки, все еще сжимавшей его рукоять.

– Нет, – произнес Сталкер.

Какое-то крошечное мгновение все молчали. Сатия смотрела, не веря своим глазам, на кровь, хлеставшую из обрубка руки.

– Анна! – прошептала она, падая на колени, потом рухнула лицом вниз.

Том и Эстер замерли, стараясь не издавать ни звука, почти не дыша, словно так Сталкер мог позабыть о них. Но он обернулся, скользящим шагом приблизился к ним и снова поднял вверх когти-лезвия, с которых капала кровь.

– Уходите, – прошептало чудовище, указывая на «Дженни Ганивер». – Уходите и никогда больше не вставайте на пути Зеленой Грозы!

Том только молча смотрел вверх, прижавшись к Эстер. Он не мог пошевелиться от страха. Зато Эстер не стала ждать второго предложения. Она вскочила и попятилась, таща за собой Тома.

– Идем, ради всех богов! Ты слышал, что оно сказало!

– Спасибо, – пролепетал Том, вспомнив о правилах вежливости.

Они бочком пробрались мимо Сталкера и поднялись по сходням на борт «Дженни». Воздух в гондоле застоялся от долгого пребывания на земле, но, когда Эстер включила двигатели, они, чихнув, ожили, заполнив своим ревом ангар. Том опустился в кресло пилота, стараясь не смотреть на ожившего мертвеца, который наблюдал за ним. Броня Сталкера весело поблескивала зелеными и красными отражениями ходовых огней корабля.

– Она на самом деле нас отпускает? – спросил Том. Зубы у него стучали, а руки так тряслись, что он с трудом удерживал рукоятки приборов. – Почему? Почему она не убила нас, как других?

Эстер покачала головой, привычными движениями включая приборы, нагреватели. Она вспомнила Шрайка и те непонятные чувства, которые побуждали его коллекционировать сломанные автоматические игрушки Древних или спасать умирающую, изуродованную девочку. Но сказала только:

– Это не она, это оно. Невозможно угадать, что у него на уме. Поехали, пока оно не передумало.

Отщелкнулись магнитные захваты, сопла двигателей развернулись в стартовую позицию, и старенький дирижабль, отделившись от причала, нерешительно поплыл в ночь, задев по дороге краешком пропеллера стену ангара. Сталкер вышел на посадочную полосу и смотрел, как «Дженни» удаляется от Разбойничьего Насеста, уходя в туман, пока ракетные батареи Зеленой Грозы не успели сообразить, друг это или враг. И снова странное полувоспоминание мелькнуло, подобно мотыльку, в уме Сталкера:

однаждырожденный по имени Том склоняется над нею, стоя на коленях в снегу, и кричит:

– Мисс Фанг! Это несправедливо! Он специально ждал, когда тебя ослепят!

Чудовище ощутило мимолетное удовлетворение, как будто только что вернуло какой-то долг.

– Куда теперь? – спросил Том, когда немного успокоился, а Разбойничий Насест скрылся в тумане.

– На северо-запад, – ответила Эстер. – К Анкориджу. Я должна туда вернуться. Случилась ужасная вещь.

– Пеннироял! – догадался Том. – Я знаю. Сообразил как раз перед тем, как меня увезли из города. Не успел никому рассказать. Ты была права. Надо было мне тебя послушать.

– Пеннироял? – Эстер смотрела на Тома, как будто он вдруг заговорил на непонятном для нее языке. Девушка покачала головой. – Архангельск напал на их след.

– О великий Квирк! – прошептал Том. – Ты уверена? Но как Архангельск мог узнать, куда направляется Анкоридж?

Эстер молча взялась за штурвал и зафиксировала курс на северо-северо-восток. Затем повернулась, спрятав руки за спину и схватившись за край пульта управления с такой силой, что самой стало больно.

– Я видела, как ты целовался с Фрейей… И я… Я…

Паузы между ее словами застывали холодными льдинками. Она хотела рассказать ему правду, честно, хотела, но, когда посмотрела на его бледное, исцарапанное, испуганное лицо, поняла, что не сможет.

– Эт, прости меня, – внезапно сказал он.

– Это не важно, – сказала она. – То есть я хотела сказать – и ты меня прости.

– Что мы будем делать?

– По поводу Анкориджа?

– Им нельзя двигаться дальше, раз впереди только Мертвый континент, и поворачивать назад тоже нельзя, если за ними гонится Архангельск.

– Я ничего не знаю, – сказала Эстер. – Давай сначала доберемся до них, а там что-нибудь придумаем.

Звук моторов «Дженни Ганивер» затих вдали. В конце концов даже чуткие уши Сталкера перестали его различать. Тогда он переключил зрение на инфракрасный диапазон и вернулся в ангар. Отрубленная рука Сатии быстро остывала, но тело еще давало размытое пятно тепла. Сталкер

поднял ее за волосы и встряхнул. Она очнулась и застонала.

– Приготовь дирижабли и оружие. Мы покидаем Объект.

В горле у Сатии что-то булькнуло, глаза полезли на лоб от боли и страха. Неужели именно это Сталкер замышлял с самого начала, пока сидел взаперти в Зале Памяти, а она подсовывала ему картинки и заставляла слушать любимую музыку Анны Фанг? Ну конечно, его же для этого и построили! Разве не она сама велела Попджою оживить Анну, чтобы та взяла на себя командование Лигой?

– Да, Анна, – всхлипнула она. – Конечно, Анна!

– Я не Анна, – проговорил Сталкер. – Я Сталкер Фанг, и мне надоело здесь прятаться.

В ангар постепенно заходили другие однаждырожденные – солдаты, ученые, пилоты, – испуганные, оставшиеся без руководства в дыму и разрухе после вторжения таинственного противника. Среди них был доктор Попджой. Когда Сталкер повернулся к пришедшим, инженера быстренько вытолкнули вперед. Сталкер уронил Сатию и подошел к нему так близко, что мог слышать запах соленого пота, выступившего из пор, и отрывистое стаккато испуганного дыхания.

– Выполняй мой приказ, – сказал Сталкер. – Ускорь производство своих опытных образцов, доктор. Мы вернемся в Шань-Го, по дороге соберем силы с других баз Зеленой Грозы. Элементы Лиги, которые пойдут против нас, будут уничтожены. Мы возьмем под контроль верфи, учебные лагеря, оружейные заводы. Начнем подготовку к тотальной войне.

Часть третья

Глава 29
Подъемный кран

Я хочу рассказать тебе одну историю, – сказал голос. – Тебе удобно висеть? Тогда я начну.

Коул открыл глаза. Вернее, один глаз, потому что второй совсем заплыл и не открывался. Как его били оставшиеся в живых мальчишки из команды Врассе, когда «Винтовой червь» с позором возвращался домой от Разбойничьего Насеста! Когда наконец пришло беспамятство, он подумал, что это смерть, и обрадовался ей. Последним, что он ощутил, была гордость за то, что он все-таки помог убежать Тому и Эстер. А потом он очнулся в Гримсби, и его снова начали бить, и очень скоро он перестал чувствовать гордость. Он уже сам не понимал, как мог быть таким дураком – выбросить собственную жизнь, чтобы спасти пару сухопутников.

У Дядюшки имелось в запасе особое наказание для мальчишек, которые серьезно его разочаровали. Коула притащили на пристань, повязали на шею веревку, другой конец веревки прицепили к стреле подъемного крана, у которого пришвартовался «Винтовой червь», подтянули вверх и оставили медленно задыхаться в петле. Весь день он провисел, борясь за каждый вдох, а Пропащие Мальчишки толпились внизу, насмехались над ним и швыряли в него объедками и разным мусором. А когда началась ночная смена и все разошлись по спальням, зазвучал голос. Он был такой слабый и тихий, что Коул сперва было решил – ему это мерещится. Но голос был вполне реален. Это был голос Дядюшки, и раздавался он из большого громкоговорителя возле самой головы мальчика.

– Все еще в сознании, Коул? Все еще живой? Молодой Сонар провисел так около недели. Помнишь?

Коул хватал воздух разбитыми, опухшими губами через промежуток, где были раньше передние зубы. Веревка, на которой он висел, чуть поскрипывала, раскручиваясь, и казалось, что пристань с круглыми причальными колодцами и неподвижно застывшими пиявками тихонько вращается вокруг него. С потолка молча смотрели нарисованные фигуры. Из громкоговорителя доносилось влажное, ровное дыхание Дядюшки.

– Когда я был молодым, – сказал Дядюшка, – а я был когда-то молодым, таким же как ты, только в отличие от тебя я дожил до зрелых лет… Так вот, в то время я жил в Архангельске. Стилтон Каэль, так меня

звали. Каэли – это была почтенная семья. Они владели магазинами, отелями, разделочными верфями, правом беспошлинной торговли опорными плитами для гусеничных траков. К восемнадцати годам мне было доверено управление семейной разделочной верфью. Хотя, как ты понимаешь, я не был готов посвятить этому занятию всю свою жизнь. Я мечтал стать поэтом, слагать великие эпические произведения, чтобы мое имя осталось в веках, вроде того, ну, ты знаешь, как бишь его… Тот слепой грек… Смешные детские мечты, они никогда не сбываются… Ну, это уж тебе хорошо известно, мой маленький Коул.

Коул качался, задыхаясь, со связанными за спиной руками. Веревка врезалась ему в шею. Временами он терял сознание, но, приходя в себя, снова слышал все тот же голос, который неотвязно шептал ему в уши:

– На нашем разделочном предприятии трудились рабы. Я командовал целыми группами рабов. От меня зависели их жизнь и смерть. И вот среди них появилась одна девушка, и я потерял голову. Она была красива. Поэты обращают внимание на такие вещи. Волосы – словно водопад черных чернил. Кожа цвета теплого сияния городских фонарей. Глаза – как полярная ночь: черные, но полные света и тайны. В общем, ты понял, Коул? Конечно, я рассказываю тебе все это только потому, что скоро ты станешь кормом для рыб. Негоже моим Пропащим Мальчишкам знать, что когда-то я был таким слюнтяем, чтобы влюбиться. Пропащий Мальчишка не должен быть слюнтяем, Коул.

Коул вспомнил Фрейю Расмуссен и подумал: где-то она сейчас, как продвигается ее путешествие в Америку? На мгновение он увидел ее перед собой так близко и так ясно, что почти ощутил ее тепло, но Дядюшкин голос вновь зашептал над ухом, и видение развеялось.

– Анна, вот как звали эту рабыню. Анна Фанг. Для слуха поэта в этом имени таилось особое очарование. Я избавил ее от тяжелой и опасной работы, доставал для нее хорошую еду, хорошую одежду. Я любил ее, а она говорила, что любит меня. Я решил, что освобожу ее и женюсь на ней, и не важно, что скажет семья. Но оказалось, что моя Анна все это время просто дурачила меня. Пока я вздыхал по ней, она обшарила всю мою верфь, понаходила разного старья – рваную оболочку там, пару двигателей здесь, заставила рабочих приделать все это к гондоле – якобы по моему приказу, мои подарки продавала, а на эти деньги покупала топливо и летучий газ. И вот однажды, когда я сидел и подыскивал рифму к имени «Фанг» и точный эпитет, чтобы передать оттенок ее ушка, мне сообщили, что она сбежала. Построила себе дирижабль из наворованных деталей, понимаешь ли. На этом и закончилась моя жизнь в Архангельске. Семья от меня отреклась.

Директор велел арестовать меня за пособничество в бегстве рабыни, и в конце концов меня изгнали на лед, как был, без ничего, совсем без ничего.

Коул втягивал воздух маленькими глоточками, но его все равно не хватало, чтобы наполнить легкие.

– Ах, Коул, такие приключения очень закаляют характер. Я связался с группой кладоискателей-снегоходов, которые поднимали ценности с затонувшего Гримсби. Убил их одного за другим и присвоил их подводную лодку. Спустился сюда. Поначалу занимался мелкими грабежами. Подбирал разные пустячки, что плохо лежит. Надо же мне было как-то возместить все то, что я потерял. Собирал информацию. К тому времени я поклялся, что больше никто и никогда не сможет ничего от меня утаить. В каком-то смысле, можно сказать, это она сделала меня тем человеком, какой я есть, – та ведьма, Анна Фанг.

Без конца повторяющееся имя пробилось через круговерть разноцветных огней, которые взрывались в голове Коула.

– Фанг, – попытался выговорить он.

– Именно, – прошептал Дядюшка. – Я уже довольно давно вычислил, что происходит на Разбойничьем Насесте. Подбор фотографий и упорные розыски «Дженни Ганивер». То ли они собрались организовать музей Анны Фанг, сказал я себе, то ли сумели ее воскресить.

Коул словно вдруг оказался на борту «Призрака блохи», заново пережил первые беспорядочные, сумасшедшие минуты после того, как он нажал красные кнопки. Несколько телекамер еще работали, они показывали картины общего хаоса в зданиях Разбойничьего Насеста: гаснущее электричество, рушащиеся потолки, панику среди солдат. Камера у входа в Зал Памяти наблюдала, как Врассе и его ребята вошли внутрь. Их крики доносились из репродуктора искаженно, похоже на радиопомехи.

– Потому я и потратил столько труда на операцию с Разбойничьим Насестом, – прошептал Дядюшка. – Представь себе только! Снова похитить ту, которая поломала мне жизнь много лет назад. Замкнуть круг, словно змея, кусающая саму себя за хвост! В этом была бы высшая справедливость! Я доставил бы сюда эту Сталкеретку, перепрограммировал ее и заставил себе служить – без отдыха, без остановки, пока солнце не сгорит дотла и весь мир не превратится в лед!

И ведь мне бы это удалось. Если бы ты не взорвал бомбы раньше времени, так что Врассе с ребятами пришлось включиться слишком рано. Если бы не ты, все получилось бы. Но ты все испортил, Коул. Ты просто-напросто взял и погубил всю операцию…

– Пожалуйста… – еле выговорил Коул, с трудом накопив достаточно

воздуха и вложив в это слово последние силы. – Пожалуйста…

– Что «пожалуйста»? – с издевкой переспросил Дядюшка. – Позволить тебе жить? Позволить тебе умереть? После всего, что ты наделал? Ну нет, Коул, деточка. Мальчикам необходимо найти виноватого в гибели Врассе, и будь я проклят, если позволю обвинить в этом меня. Так что ты будешь тут висеть, пока не сдохнешь, и еще потом будешь висеть, пока терпеть вонь не станет невмоготу даже Пропащим Мальчишкам, а тогда мы выбросим тебя в море. Чтобы все помнили: Дядюшка знает лучше.

Долгий вздох, шорох пальцев, касающихся микрофона, затем слабый щелчок – громкоговоритель отключился, умолк даже треск радиопомех. Веревка поскрипывала, комната вращалась, море давило на стены и иллюминаторы Гримсби, ища слабые места, чтобы ворваться внутрь. Коул уплыл в черноту, очнулся и снова уплыл.

У себя на верхнем этаже Дядюшка наблюдал за лицом умирающего мальчика на полудюжине экранов – крупный план, средний план, общий вид… Дядюшка зевнул и отвернулся. Даже всевидящие очи должны иногда поспать, хотя Дядюшка старательно скрывал этот досадный факт от всех, кроме нескольких особо приближенных мальчиков.

– Присматривай за ним, Гаргл, – велел он своему юному помощнику и спустился к себе в спальню.

Кровать была почти не видна за горами бумаг и книг, папок и жестянок с документами. Дядюшка забрался под одеяло (шитое золотом, украдено у маркграфа Кодца) и сразу заснул.

Снилось ему то же, что и всегда: что он снова стал молодым, что он опять изгнанник без гроша в кармане и с разбитым сердцем.

Когда Коул очнулся в следующий раз, все еще была ночь. Душившая его веревка задергалась и заплясала. Он попытался вдохнуть, давясь ужасными хлюпающими звуками, и кто-то над самой головой прошипел:

– Тихо!

Он открыл незаплывший глаз и посмотрел вверх. В темноте блеснул нож, перепиливающий толстую просмоленную веревку.

– Эй! – попытался выговорить Коул.

Последние волокна веревки лопнули. Коул упал во тьму, с размаху ударился о корпус «Винтового червя» и остался лежать, ловя воздух ртом и заходясь бессильным кашлем. Кто-то разрезал веревки у него на запястьях. Чьи-то руки схватили его за плечи и перевернули на спину. На него смотрел Гаргл.

Коул попробовал заговорить, но тело было слишком занято: оно дышало, ему было не до слов.

– Соберись, – тихо сказал Гаргл. – Тебе нужно уходить.

– Уходить? – прохрипел Коул. – Дядюшка же увидит!

Гаргл покачал головой:

– Дядюшка спит.

– Дядюшка никогда не спит!

– Это ты так думаешь. И потом, все крабы, которые следили за тобой, поломались. Я устроил.

– Так ведь, когда он узнает, что ты сделал…

– Не узнает. – Зубы Гаргла сверкнули в улыбке. – Я спрятал кусочки испорченных крабов в койке у Вертела. Дядюшка подумает, что это сделал Вертел.

– Вертел меня терпеть не может! Дядюшка об этом знает!

– Не, не знает. Я все время рассказывал Дядюшке, что вы с Вертелом отлично ладили на «Винтовом черве». Мол, Вертел только потому взял на себя командование, что беспокоился за тебя. Он будто бы ради тебя на все готов. Дядюшка думает, вы с Вертелом друзья – не разлей вода.

– Боги! – сипло выговорил Коул, пораженный хитростью новичка и ужасаясь при мысли о том, что теперь будет с Вертелом.

– Я не мог допустить, чтобы Дядюшка убил тебя, – сказал Гаргл. – Ты хорошо ко мне относился в Анкоридже. Твое место там, Коул. Бери «Винтового червя» и дуй назад, в Анкоридж.

Коул начал растирать шею. Долгие годы обучения кричали, что кража пиявки – самый страшный грех, какой только может совершить Пропащий Мальчишка. С другой стороны, так приятно было снова чувствовать себя живым, и каждый глоток воздуха, вливаясь в изголодавшиеся легкие, укреплял в нем решимость оставаться таким и дальше.

– А почему Анкоридж? – спросил он. – Ты слышал, как Том разговаривал с Пеннироялом. Анкоридж обречен. И вообще, мне там не обрадуются. Я ведь взломщик.

– Еще как обрадуются! Когда узнают, какой ты для них нужный человек, они быстро забудут, что ты у них что-то там украл. Возьми вот это. – Гаргл сунул что-то ему в руку: узкую, длинную металлическую трубку. – Некогда больше разговаривать, Коул. Тебе здесь не место. Ты на самом деле никогда не был здесь своим. Давай лезь в пиявку и сматывайся!

– А ты разве не поедешь со мной?

– Я? Да никогда в жизни! Я – Пропащий Мальчишка. Я останусь здесь, буду помогать Дядюшке. Он уже старый, Коул. Зрение давно не то, и слышать стал хуже. Ему будет нужен надежный человек для работы с камерами и архивами. Вот погоди, еще годика два-три – и я стану его

правой рукой. А еще через несколько лет – кто знает? Может, я сам стану главным в Гримсби.

– Это было бы здорово, Гаргл! – Смеяться было больно. – Вот бы посмотреть, как ты станешь всем заправлять в Гримсби! Не позволишь больше мальчишкам куражиться друг над другом.

– Не позволю?

Коул никогда еще не видел у Гаргла такой улыбки – холодной, злой улыбки, которая ему совсем не понравилась.

– Да ничего подобного! Я сам над ними так покуражусь, мало не покажется! Я же этим только и жил, Коул, все время, пока Вертел и другие мордовали меня в Грабиляриуме. Я все время думал о том, что я с ними сделаю, когда придет моя очередь.

Коул уставился на него, наполовину надеясь, что все это просто еще один дурной сон.

– Уходи, – повторил Гаргл и открыл люк «Винтового червя».

Сон там или не сон, но спорить не приходилось. В голосе Гаргла звучала такая уверенность, что Коул сам почувствовал себя новичком, которым командует старший, решительный мальчишка. Он чуть не уронил ту штуковину, что дал ему Гаргл, но Гаргл подхватил ее и снова сунул ему в руку:

– Уходи и не возвращайся, и удачи тебе!

Коул устало спустился по трапу, гадая, каким это образом может ему помочь помятая жестяная трубка, покрытая черным лаком.

Глава 30
Анкоридж

Фрейя проснулась еще до рассвета и лежала в темноте, чувствуя, как содрогается и покачивается на ходу ее город, переваливая через ледяные бугры и торосы. Анкоридж продвинулся далеко к западу от Гренландии и теперь направлялся на юг по незнакомому льду, преодолевая каменистые участки замерзших островов. Несколько раз мистер Скабиоз был вынужден поднимать ведущее колесо и волочить город кошками через заснеженные скалы и изрезанные трещинами ледники. И вот перед ними снова расстилается ровный морской лед до самого горизонта. Мисс Пай предположила, что это Гудзонов залив, огромная ледяная равнина, по которой, как утверждал профессор Пеннироял, можно проникнуть в самое сердце Мертвого континента, почти до границы зеленых районов. Но достаточно ли крепкий здесь лед, выдержит ли он вес Анкориджа?

«Если бы только профессор Пеннироял мог сказать нам наверняка», – подумала Фрейя. Она сбросила одеяла и прошлепала к окну. К сожалению, Пеннироял проделал этот путь пешком, да и, честно говоря, путешествие описано в его книге удивительно туманно и расплывчато. Мисс Пай и мистер Скабиоз пытались расспросить профессора подробнее, но добились только того, что он обиделся и нагрубил им, а через некоторое время и вовсе перестал появляться на заседаниях Направляющего комитета. Собственно говоря, с той ночи, когда паразит забрал Тома, великий путешественник начал вести себя довольно странно.

Холодный ветер дохнул Фрейе в лицо, когда она раздвинула занавеси и выглянула посмотреть на лед. Странно подумать – они оказались на другой стороне света! Еще более странно думать о том, что скоро они достигнут новых охотничьих территорий и за окном у нее все будет зеленым: трава, кусты, деревья… Эта мысль до сих пор еще немного пугала маркграфиню. Будут ледяные боги властвовать в тех землях, где снег выпадает всего на несколько месяцев в году? Или Анкориджу придется искать себе новых богов?

На снег возле Рулевой Рубки легла желтая косая полоска света – кто-то приоткрыл дверь и выскользнул наружу. Фрейя протерла запотевшее от дыхания стекло, прижалась лицом к окну. Ошибки быть не могло: упитанная фигура в одежде с подогревом и с большущим меховым тюрбаном на голове крадучись пробиралась по Расмуссен-проспекту.

Даже с учетом недавних странностей профессора такое поведение было весьма загадочным. Фрейя наскоро оделась, натянув на себя простую рабочую одежду, отделанную овчиной, которая в последнее время стала для нее привычной. Сунула в карман электрический фонарик. Не стала будить Смью, просто тихонько вышла из дворца. Пеннироял уже скрылся из виду, но его следы глубоко отпечатались в снегу, показывая, куда он направился.

Несколько месяцев назад Фрейя ни за что бы не решилась ночью бродить по улицам, но она очень изменилась за время долгого пути вокруг Гренландии. Поначалу, сраженная потерей Тома, она чуть было не вернулась к прежним привычкам: закрылась в своих апартаментах, никого не принимала, приказы передавала через Смью или Скабиоза. Но скоро ей стало скучно безвылазно сидеть в Зимнем дворце. Не терпелось узнать, что делается снаружи. И вот она рискнула выйти на люди и скоро с головой погрузилась в жизнь своего города, чего никогда раньше не делала. Теперь ей часто случалось присесть поболтать с рабочими, окончившими смену и закусывающими в одном из отапливаемых павильонов на краю верхнего города, глядя, как ледяные поля проплывают мимо. Виндолен Пай научила ее мыться и чистить зубы и подстригла ей волосы. Она ходила на дежурство с патрулями, которые Скабиоз каждое утро высылал на лед, чтобы проверить, не прикрепились ли паразиты к днищу города. Она водила грузовики в машинном отделении и даже отправилась на санях впереди Анкориджа, к большому смущению разведывательной команды. Фрейя с радостью отбросила старые семейные традиции, словно обветшавшую одежду, из которой давно выросла.

И вот теперь она крадется по правой, теневой стороне Расмуссен-проспекта, выслеживая собственного Главного навигатора!

Пестрый тюрбан профессора мелькнул ярким пятном на фоне бесцветных обледенелых зданий – Пеннироял прошмыгнул в ворота воздушной гавани.

Фрейя бросилась за ним, перебегая от одного участка тени до другого, и в конце концов притаилась за таможенной будкой у самого входа в гавань. От ее дыхания валил пар. Фрейя огляделась, думая, что профессор уже затерялся среди заснеженных ангаров и швартовочных стоек. Нет, вот он! Яркая клякса тюрбана, подпрыгивая, двигалась под фонарем в дальнем конце гавани, потом вдруг скрылась из виду – Пеннироял оказался в тени у входа на склад Аакиука.

Фрейя пустилась в погоню через гавань, следуя по неровной цепочке профессорских следов. Двери склада стояли нараспашку. Фрейя задержалась на мгновение, с тревогой заглядывая во тьму. Ей вспомнились

мальчишки-паразиты, под покровом темноты шнырявшие по городу и грабившие его… Но сейчас ей ничего не грозило: фонарик, засветившийся в глубине склада, принадлежал не какому-нибудь злобному ледовому пирату, а всего лишь чудаковатому ученому.

В пыльной тишине склада до Фрейи доносилось бормотание профессора. С кем он разговаривает? С самим собой? Виндолен Пай рассказывала, что Пеннироял опустошил винный погреб Главного навигатора и теперь ворует вино в заброшенных ресторанах Заполярной аркады. Может быть, он допился до белой горячки? Фрейя подкралась поближе, пробираясь между штабелями старых запчастей.

– Пеннироял, всем-всем-всем! – произнес тихий, но отчаянный голос. – Пеннироял, всем-всем-всем! Пожалуйста, отзовитесь! Пожалуйста!

Он сидел на корточках, озаренный зеленым светом циферблатов древней радиостанции, которую, видимо, сумел каким-то образом привести в рабочее состояние. На голове у него были надеты наушники. Рука, державшая микрофон, слегка дрожала.

– Слышите меня, кто-нибудь? Отзовитесь! Я заплачу любые деньги! Заберите меня из этого города дураков!

– Профессор Пеннироял? – громко окликнула Фрейя.

– Ай! Клио! Поскитт! Оиньки! – завопил профессор.

Он вскочил на ноги, и провод, идущий от его наушников, потянул за собой целый обвал старых радиодеталей, сваленных в кучу у его ног. Светящиеся циферблаты погасли, несколько радиоламп лопнули, брызнув искрами, словно неудавшиеся фейерверки. Фрейя вытащила из кармана фонарик, включила. Пыльный луч выхватил из тьмы лицо Пеннирояла, бледное и потное. Прищурившись, он разглядел за фонариком Фрейю, и его испуг тут же сменился заискивающей улыбочкой.

– Ваше сиятельство?

Уже почти никто не называл ее так. Даже мисс Пай и Смью звали ее Фрейей. Профессор совсем отстал от жизни!

– Рада видеть, что вы нашли себе занятие, профессор, – сказала она. – А мистер Аакиук знает, что вы шарите у него на складе?

– Шарю на складе, ваше сиятельство? – Пеннироял сделал вид, будто шокирован ее словами. – В роду Пеннироялов это не принято! Нет, нет, нет… Я просто… не хотел беспокоить мистера Аакиука…

Фонарик Фрейи замигал, и она вспомнила, что в Анкоридже, должно быть, осталось не так уж много электрических батареек. Она нашла выключатель, включила одну из аргоновых ламп, которые свисали с

заржавленных балок под крышей. Пеннироял заморгал от яркого света. Выглядел он ужасно: мучнисто-бледный, глаза красные, аккуратная бородка обросла по краям белой щетиной.

– С кем вы сейчас разговаривали? – спросила Фрейя.

– Со всеми… Ни с кем!

– А почему вы просили забрать вас из этого города дураков? Я думала, вы едете с нами. Я думала, вы мечтаете вернуться в зеленые долины Америки, к прекрасной дикарке Почтовый Индекс!

Казалось, невозможно побледнеть еще больше, однако профессор побледнел.

– А-а… гмм… – промямлил он.

За прошедшие недели Фрейе несколько раз приходила в голову одна ужасная мысль. Она всегда являлась неожиданно, когда Фрейя мылась под душем, или лежала без сна в три часа утра, или обедала с мисс Пай и мистером Скабиозом. Девушка ни с кем об этом не говорила, но была уверена, что и они думают о том же. Обычно в таких случаях она старалась начать думать о чем-нибудь другом, потому что… Потому что это же просто глупость, да?

Только это не глупость. Это правда.

– Вы не знаете, как добраться до Америки, верно? – спросила Фрейя, изо всех сил сдерживая дрожь в голосе.

– Гм.

– Мы забрались в такую даль, мы поверили вашему совету и вашей книге, а вы на самом деле не знаете, как найти эти ваши зеленые долины. А может, и искать там нечего? Вы-то сами хоть были в Америке, профессор?

– Как вы смеете! – возмутился было Пеннироял, но вдруг словно сообразил, что вранье больше ничего ему не даст, сник и покачал головой. – Нет. Не был. Я все выдумал. – Он сел на перевернутый капот от двигателя и тяжело вздохнул. – Я вообще никогда никуда не ездил, ваше сиятельство. Я просто читал чужие книги, смотрел картинки и все выдумывал. Я написал «Прекрасную Америку», валяясь возле плавательного бассейна на верхней палубе Парижа в компании очаровательной молодой дамы по имени Персик Занзибара. Конечно, я позаботился перенести действие в самые отдаленные края. Я и думать не думал, что кому-нибудь может прийти в голову в самом деле туда отправиться.

– Почему же вы сразу не признались, что все это вранье? – спросила Фрейя. – Когда я назначила вас Главным навигатором, почему вы не сказали, что в вашей книге все неправда?

– Упустить такую возможность – куча денег, шикарная квартира, да

еще и винный погреб Главного навигатора впридачу? Я всего только человек, Фрейя, и ничто человеческое мне не чуждо! Кроме того, если об этом прознают в Охотничьих Угодьях, я же превращусь в посмешище! Я решил, что через некоторое время просто тихо улечу с Томом и Эстер.

– Так вот почему вы так расстроились, когда Эстер забрала «Дженни Ганивер»!

– Ну конечно! Она отрезала мне путь к спасению! У меня не было никакой возможности покинуть город, а признаться я уже не мог – ты бы меня убила!

– Не убила бы!

– Значит, твои люди бы убили. Поэтому я отыскал это старое радио и пытался вызвать помощь. Я надеялся, может, в пределах слышимости попадется какой-нибудь заблудившийся воздушный торговец или исследовательское судно, хоть кто-нибудь, кто согласится взять меня на борт.

Просто удивительно, как он жалел себя, ни на минуту не задумываясь о том, что обрек на гибель целый город. Фрейя задрожала от гнева.

– Вы… Вы… Вы уволены, профессор Пеннироял! Вы больше не Главный навигатор! Попрошу немедленно сдать церемониальный циркуль и ключи от Рулевой Рубки!

Легче ей от этого не стало. Фрейя без сил плюхнулась на кучу старых сальников, которые заскрипели и начали разъезжаться под ее весом. Как она расскажет о своем открытии мисс Пай, мистеру Скабиозу и всем остальным? Как объявит, что они застряли на другой стороне света, а впереди – только Мертвый континент, и чтобы вернуться домой, не хватит топлива, и это она, она завела их всех сюда! Она всем говорила, что путешествие на запад – воля ледяных богов, а на самом деле это было всего лишь ее желание! И зачем только она так увлеклась рассказами Пеннирояла и его дурацкой книжонкой!

– Что мне делать? – воскликнула она. – Что же мне делать?

На улице позади гавани кто-то закричал. Пеннироял поднял голову. Откуда-то доносился урчащий, мурлыкающий звук. Он был очень слабый, едва слышный, очень похожий на…

– Авиационные двигатели! – Пеннироял вскочил, рассыпал еще кучу запчастей, торопясь к двери. – Слава Клио! Мы спасены!

Фрейя побежала за ним, вытирая слезы, поправляя защитную маску. Снаружи тьма уже поредела, наступили серо-стальные предрассветные сумерки. Пеннироял, громко топая, мчался через гавань, только один раз остановился и показал пальцем куда-то в небо за зданием управления

порта. Щурясь от ветра, Фрейя увидела скопление огней, желтоватый след дыма.

– Дирижабль! – завопил Пеннироял, приплясывая как безумный посреди заснеженного причала. – Кто-то услышал мой сигнал бедствия! Мы спасены! Спасены!

Фрейя пробежала мимо него, стараясь не терять воздушный корабль из виду. Аакиуки стояли возле портового управления и смотрели вверх.

– Дирижабль – в этих краях? – услышала она голос начальника порта. – Кто это может быть?

– Фрейя, душечка, ледяные боги говорили тебе, что кто-то прилетит? – спросила миссис Аакиук.

Подбежал, хлопая снегоступами, еще один человек, по имени Лемюэль Квааник. Это был один из разведчиков, с которыми работала Фрейя, поэтому он не слишком робел в ее присутствии.

– Сиятельство! Я видел раньше этот корабль. Это машина Петра Масгарда, «Турбулентность ясного неба»!

– Архангельские охотники! – ахнула миссис Аакиук.

– Здесь? – вскрикнула Фрейя. – Не может быть! Архангельск никогда не охотится к западу от Гренландии! Здесь нет для него добычи!

– Здесь есть мы, – заметил мистер Квааник.

«Турбулентность ясного неба» покружила над Анкориджем, затем повисла за кормой, точно одинокий волк, преследующий свою жертву. Фрейя кинулась бегом к Рулевой Рубке, взлетела на капитанский мостик. Виндолен Пай была уже здесь, в ночной рубашке, с растрепанными седыми волосами.

– Это охотники, Фрейя! – сказала она. – Как они нас нашли? Как, во имя всех богов, могли они узнать, где мы находимся?

– Пеннироял, – догадалась Фрейя. – Профессор Пеннироял и его дурацкие выступления по радио…

– Они дают нам сигналы, – крикнул мистер Умиак, высунувшись из радиорубки. – Приказывают заглушить моторы.

Фрейя взглянула в сторону кормы. Лед в полутьме выглядел очень светлым и слегка светился. Борозда от ведущего колеса ее города, чуть подернутая инеем, уходила на северо-восток и терялась в тумане. Не было видно погони, только черный корабль маячил за кормой, подрагивая в воздушном потоке от городских двигателей.

– Ответить им, Фрейя?

– Нет! Притворитесь, что мы не слышали.

Это не задержало Петра Масгарда надолго. «Турбулентность ясного

неба» подошла ближе, поравнялась с Рулевой Рубкой. Сквозь стеклянную стену Фрейя видела пилотов, склонившихся над пультом управления, видела пулеметчика, который ухмылялся ей из бронированного блистерного отсека, устроенного под соплами двигателей. Вот откинулся люк, Петр Масгард выглянул наружу, что-то крикнул в рупор.

Мисс Пай открыла вентиляционное окошечко, и громкий голос ворвался в Рулевую Рубку:

– Поздравляем вас, жители Анкориджа! Великий Архангельск избрал ваш город своей добычей! Бич Севера находится на расстоянии одного дня пути отсюда и быстро сокращает разрыв. Выключайте моторы, избавьте нас от долгой погони, тогда с вами будут хорошо обращаться!

– Не может быть, чтобы они нас съели! – воскликнула мисс Пай. – Только не сейчас! О, как это ужасно!

Фрейя почувствовала, как ее охватывает оцепенение, словно она окунулась в ледяную воду. Мисс Пай смотрела на нее, все на нее смотрели, все ждали, что ледяные боги заговорят с ними через нее и подскажут, что делать. Она подумала – не сказать ли им правду? Возможно, лучше уж пускай их съест Архангельск, чем нестись по неизведанному льду к континенту, который, как выяснилось, на самом деле мертв. Но тут она вспомнила все, что слышала об Архангельске, о том, как там обращаются с захваченными людьми, и подумала: «Нет-нет, все, что угодно, только не это. Пусть мы провалимся под лед или умрем с голоду в мертвой Америке, но им мы не дадимся!»

– Глушите моторы! – проревел Масгард.

Фрейя посмотрела на восток. Если Архангельск сумел перевалить через Гренландию, он вполне может быть настолько близко, как говорил Масгард, но все-таки у Анкориджа еще есть шанс убежать. Хищный мегаполис не отважится сунуться в области льда, не нанесенные на карты. Потому они и выслали вперед своих охотников…

У нее не было громкоговорителя, чтобы ответить, так что она взяла со стола химический карандаш и написала крупными буквами на обороте карты: «НЕТ!»

– Мисс Пай, – сказала Фрейя, – пожалуйста, передайте мистеру Скабиозу: полный вперед!

Мисс Пай подошла к переговорному устройству. Фрейя прижала свою записку к стеклу. Она увидела, как Масгард напрягает зрение, чтобы прочесть, и как изменилось его лицо, когда он понял. Он снова спустился в гондолу, захлопнул люк, и его корабль метнулся прочь.

– Что они могут нам сделать, в конце-то концов? – сказал кто-то из

навигаторов. – Они не станут на нас нападать, чтобы не повредить то, ради чего они и хотят нас съесть.

– Спорим, до Архангельска больше дня пути! – объявила мисс Пай. – Это громадное неуклюжее градоядное! Они, видимо, с отчаяния выслали к нам своих избалованных барчуков, которым вздумалось поиграть в пиратов! Ты молодец, Фрейя, не поддалась на провокацию. Мы легко от них уйдем.

И тогда «Турбулентность ясного неба» резко снизилась, окунулась в тучу ледяной пыли за кормой и выпустила залп ракет по левой опоре ведущего колеса. Из-под кормы рванулись тучи дыма, искры, пламя; ось не выдержала, переломилась, колесо завалилось набок и заскользило по льду, волочась на запутавшихся обрывках цепей и искореженных подпорках, словно якорь. Город пошел юзом, дернулся и стал.

– Скорей! – крикнула Фрейя, чувствуя, как ее захлестывает паника при виде корабельных огней, поднявшихся над медленно оседающей тучей ледяного крошева. – Сдвиньте город с места! Спустите кошки…

Мисс Пай, стоя у переговорного устройства, слушала невнятный доклад снизу.

– Ах, Фрейя, ничего не выйдет. Колесо слишком тяжелое, мы не сможем тащить его за собой. Нужно его обрезать. Сёрен говорит, это займет несколько часов!

– Но у нас нет нескольких часов! – взвизгнула Фрейя и тут же поняла, что у них нет даже нескольких минут.

Она прижалась к мисс Пай, и обе стали смотреть в сторону гавани. «Турбулентность ясного неба» снизилась, выплюнула десяток тяжеловооруженных фигур, которые сразу ринулись вниз по лестницам на захват машинного отделения. Корабль тем временем снова набрал высоту и завис в небе над Рулевой Рубкой. Стеклянные стены разлетелись вдребезги под ударами сапог новой группы охотников, спускавшихся из гондолы по веревкам. Они вломились на мостик в брызгах сверкающих осколков, в невнятице криков и воплей, размахивая мечами, опрокинув стол с картами. Фрейя потеряла из виду мисс Пай. Она бросилась к лифту, но кто-то загородил ей дорогу. Меховая одежда, доспехи, ухмыляющееся лицо. Большие руки в перчатках протянулись, чтобы схватить ее, а в голове вертелось одно: «В такую даль! Мы забрались в такую даль только для того, чтобы нас съели!»

Глава 31
Ящик для ножей

На расстоянии тридцати метров под гондолой «Дженни Ганивер» проносилось блестящее, как стекло, море с белыми пятнами дрейфующих льдин. Один раз сделали остановку в крошечном плавучем городе снегоходов и купили топлива на последние остатки пеннирояловских соверенов. Потом полетели дальше на северо-запад. Льдины становились все крупнее, промежутки между ними – все уже, скопления льда образовывали огромные неровные поля, и в конце концов море покрылось сплошной белой броней. Том и Эстер грызли зачерствевшие бисквиты, пили кофе и почти не спали, потому что Сталкер являлся им в кошмарных снах. Ночами они сидели в рубке и понемногу, обрывками рассказывали друг другу о том, что с ними произошло с тех пор, как они расстались.

Они не говорили о бегстве Эстер из Анкориджа и о его причинах. Ни разу не заговаривали об этом с той ночи, когда лежали, тесно обнявшись, дрожа и задыхаясь, на жесткой палубе и Эстер сказала очень тихо:

– Я должна тебе кое-что объяснить… После того как я увидела вас тогда, я сделала ужасную вещь…

– Ты расстроилась и улетела, – сказал Том, неправильно поняв ее слова.

Он был ужасно рад, что она снова с ним, и боялся новой ссоры, поэтому старался говорить так, будто все это мелочи, которые легко простить.

Эстер покачала головой:

– Я не о том…

Но она так и не смогла объяснить.

Вот они и летели в молчании, день за днем, над неровным застывшим морем и промерзшей землей. В конце концов Том сказал:

– Я тогда не нарочно… с Фрейей… Когда мы вернемся в Анкоридж, все будет по-другому. Обещаю. Мы просто предупредим их про Архангельск, наберем топлива и снова отчалим. Полетим на Сто островов или еще куда-нибудь. Только ты и я, как раньше.

Эстер покачала головой:

– Слишком опасно, Том. Война приближается. Может, не в этом году и не в следующем, но скоро она придет, и уже поздно что-то делать по этому поводу. А в Лиге до сих пор считают, что мы сожгли их Северный

воздушный флот, и Зеленая Гроза будет нас винить за побоище на Разбойничьем Насесте, и этот Сталкер не всегда будет рядом, чтобы нас защитить.

– Куда же нам деваться?

– В Анкоридж, – ответила Эстер. – Мы разыщем для него безопасное место и затаимся на несколько лет, а там, может быть…

Но Эстер знала: даже если город удастся спасти, для нее в нем места нет. Она оставит Тома в безопасности с Фрейей, а сама полетит дальше одна. В Анкоридже живут добрые, мирные, хорошие люди, дочери Валентайна там не место.

Ночью в небе колыхалось северное сияние. Том взглянул через разрыв между облаками и увидел, что по льду тянется гигантский шрам – сотни глубоких параллельных рытвин, которые с восточной стороны уходят к горам, а на западе растворяются в темной пустоте.

– Следы города! – закричал он, спешно разбудив Эстер.

– Архангельск, – сказала Эстер.

От страха ее затошнило. Широкая колея города-хищника напомнила ей о том, какой он огромный. Разве может она остановить такую громадину?

«Дженни Ганивер» повернула вслед за Архангельском. Через час Том поймал по радио хриплое завывание его маяка, и скоро они увидели далеко впереди мерцающие в тумане огни города-хищника.

Мегаполис двигался на малой скорости, выпустив перед собой целую шеренгу разведывательных саней и беспилотных пригородов для испытания прочности льда. Над городом висели воздушные корабли, в основном торговцы. Они покидали гавань и уходили на восток, не желая ехать вместе с Архангельском в неведомую даль, не обозначенную ни на каких картах. Том хотел заговорить с ними, но Эстер не позволила.

– Кораблям, которые ведут дела с Архангельском, нельзя доверять, – сказала она. Эстер боялась, как бы кто-нибудь из торговцев не узнал ее и не рассказал Тому, что она сделала. – Давай лучше сдвинемся в сторонку и прибавим хода.

Они сдвинулись в сторонку и прибавили хода, и скоро начавшийся снегопад заслонил от них огни Архангельска. Но едва только начал затихать архангельский радиомаяк, как ему на смену зазвучал другой, вначале еле слышный, но постепенно он становился громче и шел откуда-то спереди. Том и Эстер вглядывались в темноту, оболочка баллона гудела под ударами ветра, снежинки били в стекло иллюминатора. Далеко-далеко показалось скопление огоньков, и над треском радиопомех выплыла долгая, печальная нота маяка, тоскливая, словно волчий вой.

– Это Анкоридж.

– Он не двигается!

– Что-то тут не то…

– Мы опоздали! – закричал Том. – Разве ты не помнишь? Когда Архангельск собирается съесть какой-нибудь город, он высылает вперед охотников. Ими командует тот мерзавец, которого мы встретили в Воздушной Гавани! Он заставляет город повернуть назад и загоняет его прямо в челюсти Архангельску… Надо возвращаться. Если мы приземлимся в Анкоридже, охотники задержат нас и, когда подоспеет Архангельск, нас съедят вместе с городом…

– Нет, – сказала Эстер. – Нужно приземлиться. Нужно что-то делать.

Ей до смерти хотелось объяснить, почему это так важно для нее. Она знала, что будет сражаться с охотниками, чтобы искупить свою вину, и, скорее всего, погибнет. Хотелось рассказать Тому про свою сделку с Масгардом и чтобы Том простил ее. А вдруг он не сможет простить? Вдруг он просто ужаснется и оттолкнет ее? Слова просились на язык, но она не осмелилась выпустить их наружу.

Том выключил двигатели, и ветер беззвучно понес «Дженни» к Анкориджу. Тома растрогала неожиданная забота Эстер о ледовом городе. Только теперь, увидев его снова, Том понял, как скучал по нему. Его глаза наполнились слезами, огни Рулевой Рубки и Зимнего дворца расплылись светящейся паутинкой.

– Иллюминация, как на Рождество Квирка…

– Это чтобы Архангельск издали их заметил, – сказала Эстер. – Наверное, Масгард и его охотники остановили двигатели, включили все огни и радиомаяк. Скорее всего, они сейчас сидят во дворце, дожидаются, когда подъедет их мегаполис.

– А Фрейя? – спросил Том. – Что с людьми?

Эстер ничего не могла на это ответить.

Воздушная гавань выглядела необычно светлой и приветливой, но садиться там нечего было и думать. Эстер притушила ходовые огни «Дженни» и уступила место пилота Тому – ему это лучше удавалось. Он заставил «Дженни» спуститься так низко, что ее гондола чуть ли не скребла по льду, и вдруг резко рванул ее вверх, проскочив через узкую щель между двумя складами по левому борту нижней палубы. Магнитные захваты щелкнули ужасно громко, но никто не прибежал посмотреть, что случилось. Когда Эстер и Том рискнули выглянуть наружу, на занесенных снегом улицах никого не было видно.

Они тихо спустились на причал, не разговаривая между собой,

погрузившись каждый в свои воспоминания об этом городе. «Турбулентность ясного неба» стояла ближе к середине гавани. На оболочке баллона полыхал красный волк – символ Архангельска. Рядом с кораблем стоял часовой, закутанный в меха. За окнами гондолы горел свет и двигались люди.

Том посмотрел на Эстер:

– Что теперь?

Она неуверенно покачала головой и повела Тома в густую тень за топливными цистернами. Они прошли через черный ход в дом начальника порта. Здесь было темно, только портовые фонари чуть светили сквозь морозные стекла. Как будто смерч прошел по когда-то чистенькой кухне и гостиной, вдребезги разбил коллекцию сувенирных тарелок, переколотил глиняную посуду, сбросил с домашнего алтаря фотографии детей Аакиуков. Старинное ружье для охоты на волков исчезло со стены, и печка давно остыла. Эстер, давя ногами осколки улыбающихся Расмуссенов, прошла к буфету и выдвинула ящик для ножей.

У нее за спиной скрипнула ступенька. Том, который стоял ближе к лестнице, обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть серую кляксу лица, выглядывающего через перила. Лицо тут же исчезло, и кто-то побежал на второй этаж. Том вскрикнул от удивления и немедленно зажал себе рот рукой, вспомнив о часовом на пристани. Эстер грубо оттолкнула его и бросилась на лестницу. В ее руке тускло блеснул самый острый из кухонных ножей миссис Аакиук. В полосатой тени за перилами началась возня, чей-то голос простонал:

– Сжальтесь! Пощадите!

Послышались глухие удары, как бывает, когда тяжелое тело тащат за ноги вниз по лестнице. Эстер выпрямилась, тяжело дыша и держа нож наготове. Том посмотрел на ее пленника.

Это был Пеннироял. Грязный, растрепанный, заросший седой щетиной, путешественник, казалось, постарел на десять лет с тех пор, как они расстались. Можно подумать, время в Анкоридже летело быстрее, чем за его пределами. Пеннироял тихонько поскуливал, бегая взглядом по их лицам.

– Том? Эстер? Боги и богини, а я думал, опять проклятые охотники. Как вы здесь оказались? «Дженни» у вас? О, хвала небесам! Нужно улетать как можно скорее!

– Профессор, что здесь произошло? – спросил Том. – Где все?

Пеннироял, опасливо косясь на нож в руке Эстер, уселся поудобнее, прислонился спиной к столбику перил.

– Архангельские охотники, Том. Воздушные хулиганы под предводительством этого негодяя Масгарда. Явились сюда десять часов назад, разбили нам ведущее колесо и захватили город.

– Убитые есть? – спросила Эстер.

Пеннироял покачал головой:

– По-моему, нет. Они хотели сохранить людей в хорошем состоянии для своих проклятых рабских бараков. Просто согнали всех в Зимний дворец и держат там под стражей, пока не подъедет Архангельск. Несколько храбрецов из мастерских Скабиоза пытались сопротивляться, их довольно жестоко побили, но больше, кажется, никто не пострадал.

– А вы? – Эстер уставилась на него взглядом Медузы Горгоны. – Почему вас не посадили под замок вместе со всеми?

Пеннироял бледно улыбнулся:

– Ах, мисс Шоу, вы же знаете девиз Пеннироялов: «Когда начинается заварушка, умные прячутся под столами и диванами». Когда они высадились, я как раз находился в гавани. Со свойственной мне быстротой соображения я нырнул сюда и забрался под кровать. Там и сидел, пока все не кончилось. Я, конечно, подумывал явиться к молодому Масгарду и потребовать деньги за находку, но, честно говоря, он не внушает мне доверия, так что я предпочел затаиться.

– Какие еще деньги за находку? – спросил Том.

– О-о, э-э… – Пеннироял попытался прикрыть смущение своей прежней лукавой улыбкой. – Видишь ли, Том, кажется, это я навел на город охотников.

Эстер вдруг начала смеяться – Том не мог понять, с чего это она.

– Я всего лишь пару раз посылал в эфир безобидные сигналы бедствия! – жалобно объяснил путешественник. – Мне и в голову не приходило, что их услышат в Архангельске! Слыханное ли дело, чтобы радиосигнал добирался так далеко? Видимо, какие-то причуды полярной атмосферы… Во всяком случае, мне это не принесло никакой пользы, как видите. Я просидел тут не знаю сколько часов, все надеялся пробраться на корабль охотников и удрать, но там стоит на страже здоровенный мерзкий громила, и внутри еще парочка…

– Мы видели, – сказал Том.

Путешественник вдруг просветлел:

– Ну, теперь это уже не важно, правда? Вы вернулись, и «Дженни Ганивер» тоже здесь. Когда отправляемся?

– Никуда мы не отправляемся, – сказала Эстер.

Том оглянулся на нее. Его все еще тревожили ее слова о том, чтобы

сразиться с охотниками.

Эстер торопливо продолжила:

– Как мы можем улететь? Мы стольким обязаны Аакиукам, и Фрейе, и всем. Мы должны их спасти.

Оставив профессора с Томом в растерянности, она подошла к кухонному окну и выглянула сквозь разукрашенное инеем стекло. Снежинки бестолково кружились в конусах света под фонарями в гавани. Эстер представила себе, как часовые удобно расположились в дирижабле, их товарищ на пристани топает ногами, чтобы согреться, другие охотники греются в Зимнем дворце, разоряя винный погреб Расмуссенов. Они уверены в себе, расслабились и не ожидают никаких неприятностей. Валентайн справился бы с ними шутя. Если она получила от него в наследство достаточно силы, хитрости и жестокости, может быть, она тоже справится?

– Эстер?

У нее за спиной стоял Том, напуганный ее ледяным молчанием. Обычно это он не раздумывая кидался на помощь беспомощным жертвам. Услышать, как Эстер предлагает подобную вещь, – это же просто конец света! Том мягко положил ей руку на плечо, но она вся напряглась и хотела отодвинуться.

– Эстер, их же целая толпа, а нас только трое…

– Скажи лучше – двое, – влез в разговор Пеннироял. – Я не собираюсь участвовать в вашей самоубийственной затее…

Одним быстрым движением Эстер приставила ему нож к горлу. Ее рука чуть-чуть дрожала, отчего по сверкающему лезвию перебегали трепещущие блики.

– Ты будешь делать то, что я тебе скажу, – отчеканила дочь Валентайна. – А не то я сама тебя убью.

Глава 32
Дочь Валентайна

Угощайся, маркграфинюшка! – крикнул Петр Масгард через весь стол и помахал Фрейе наполовину обглоданной куриной ногой.

Фрейя уставилась в свою тарелку, где мало-помалу застывала еда. Лучше бы ей быть сейчас в бальном зале, вместе со всеми, и обходиться объедками, которые бросали им охотники. Но Масгард потребовал, чтобы она обедала с ним. Сказал, что всего лишь проявляет вежливость, которая положена ей по чину. Не годится маркграфине есть вместе с подданными, верно? Его приятная обязанность как начальника архангельских охотников – пригласить ее к своему столу.

Вот только стол-то был Фрейин, он стоял в ее собственном обеденном зале, и еда была доставлена из ее собственных кладовых и приготовлена на ее собственной кухне руками горемычного Смью. И всякий раз, поднимая глаза от тарелки, она натыкалась на оценивающий, насмешливый взгляд голубых глаз Масгарда, гордого своей добычей.

Вначале, во время общей суматохи после штурма Рулевой Рубки, она утешала себя, думая: «Скабиоз этого не потерпит. Он и его люди будут сражаться и освободят нас». Но когда ее вместе с другими пленниками загнали в бальный зал и она увидела, как много уже там народу, Фрейя поняла, что все произошло слишком быстро. Людей Скабиоза захватили врасплох, к тому же часть их была занята тушением пожаров, вспыхнувших после ракетного удара. Зло на этот раз оказалось сильнее, чем добро.

– Через несколько часов великий Архангельск присоединится к нам, – объявил Масгард, расхаживая вокруг сбившихся в кучу пленников.

Его часовые стояли с ружьями и арбалетами наизготовку. Голос Масгарда гремел из громкоговорителей, встроенных в рога на шлеме его помощника.

– Если будете хорошо себя вести, вас ждет здоровая жизнь в Брюхе, полная созидательного труда. Попробуйте сопротивляться – и вы умрете. Этот город и без того достаточно ценный приз, я легко могу себе позволить лишиться нескольких рабов, если вы заставите меня доказывать, насколько я серьезный человек.

Никому не хотелось его заставлять. Жители Анкориджа не привыкли к сражениям, грубые лица охотников и паровые ружья вполне всех убедили.

Люди жались к центру бального зала, жены цеплялись за мужей, матери старались успокоить детей, чтобы их плач не привлек внимания стражи. Когда Масгард вызвал маркграфиню отобедать с ним, Фрейя решила, что лучше будет согласиться, лишь бы не рассердить его.

Ковыряя вилкой стремительно остывающую еду, Фрейя думала: «Если обед с Масгардом – худшее, что мне придется перенести, то я еще легко отделалась». Хотя на самом деле ей было совсем нелегко, особенно когда их взгляды встречались и в воздухе начинало отчетливо пахнуть угрозой. Фрейю подташнивало. Чтобы уклониться от еды, она попыталась завести разговор:

– Так как же все-таки вы нас нашли, мистер Масгард?

Масгард ухмыльнулся, голубые глаза спрятались под тяжелыми веками. Он был немного разочарован своей победой: жители города сдались слишком легко, а телохранитель Фрейи вообще оказался каким-то шутом гороховым, недостойным масгардовского меча; и тем не менее охотник старался держаться учтиво с пленной маркграфиней. Он чувствовал себя очень большим, красивым, настоящим победителем, глядя на Фрейю, сидящую на троне во главе стола, и ему казалось, что он произвел на нее сильное впечатление.

– А может, меня привел к вам природный охотничий инстинкт? – спросил он.

Фрейя заставила себя улыбнуться краешками губ:

– По-моему, это не ваш метод, или я ошибаюсь? Я слышала о вас. Вашему городу так сильно не хватает добычи, что вы платите людям, чтобы они стукали вам на другие города.

– Стучали.

– Что?

– Правильно говорить – «стучали на другие города». Если уж вы опускаетесь до жаргона нижней палубы, ваше сиятельство, так хотя бы правильно его употребляйте.

Фрейя покраснела:

– Нас выдал профессор Пеннироял, верно? Эти его дурацкие сигналы бедствия. Он сказал, что просто надеялся докричаться до какого-нибудь исследователя или торговца, кто случайно окажется поблизости, но на самом деле, наверное, у него уже была с вами договоренность.

– Какой еще профессор? – расхохотался Масгард. – Нет, милашка, мне настучала на вас летучая крыса!

Фрейя невольно снова подняла на него глаза:

– Эстер?

– А хочешь знать самое смешное? Она даже не потребовала золота за твой город, только какого-то мальчишку, никому не нужного воздушного бродягу. По кличке Нэтсуорти…

– Ах, Эстер! – прошептала Фрейя.

Она всегда считала эту девушку сумасшедшей, но даже подумать не могла, что та окажется способна на такой ужас. Предать целый город только ради того, чтобы сохранить при себе мальчика, которого она не заслуживает, которому было бы гораздо лучше с другой! Фрейя очень старалась скрыть от Масгарда свою ярость. Он бы только посмеялся над ней.

Фрейя сказала:

– Тома нет. Наверное, он погиб…

– Ну, значит, ему повезло, – заржал Масгард с набитым ртом. – Да это все не важно. Его курочка куда-то делась. Улетела, не успели высохнуть чернила на ее контракте…

Хлопнула дверь, и Фрейя, позабыв про Эстер, обернулась посмотреть, в чем дело. В дверях стоял один из людей Масгарда – тот, что с рогами-громкоговорителями.

– Пожар, мой господин! – вымолвил он, еле переводя дух. – В гавани!

– Что?!

Масгард подошел к окну, отдернул тяжелые шторы. В саду кружила метель, сквозь снежные вихри мигало и ширилось красное зарево. На его фоне четкими силуэтами выделялись крыши и дымовые трубы Расмуссен-проспекта. Масгард так и набросился на своего помощника:

– Что-нибудь слышно от Гарштанга и его ребят из гавани?

Охотник покачал головой.

– Волчий клык! – заревел Масгард. – Это поджог! Кто-то напал на корабль!

Он выхватил из ножен меч, по дороге к двери остановился возле кресла Фрейи.

– Если кто-то из твоих вонючих подданных повредил «Турбулентность ясного неба», я с них заживо шкуру сдеру и продам на каминные коврики!

Фрейя съежилась, стараясь стать как можно меньше.

– Это не может быть кто-то из моих людей, вы их всех захватили…

Но в ту же минуту подумала о Пеннирояле. Она не видела его в бальном зале. Что, если он свободен? Может быть, он пытается им помочь? Маловероятно, но это была единственная крупица надежды, и Фрейя уцепилась за нее из последних сил. Масгард выволок ее из кресла и толкнул к своему помощнику.

– Отвести ее назад, в бальный зал! – распорядился он. – Где Равн, Тор и Скет?

– Продолжают охранять главный вход, мой господин.

Масгард помчался бегом, а его подчиненный потащил Фрейю по изящно изогнутому коридору в бальную комнату. Наверное, надо было попытаться убежать, но конвоир был такой большой и сильный, и к тому же вооруженный, и она не осмелилась. Портреты ее родичей смотрели со стен, словно не одобряли такой покорности.

Она сказала:

– Надеюсь, кто-то действительно поджег ваш драгоценный корабль!

– Да нам-то что? – проворчал помощник Масгарда. – Вам же хуже, только и всего. Архангельск скоро будет здесь. Нам не понадобится дирижабль, чтобы убраться из твоего паршивого города, когда он начнет перевариваться в брюхе!

Подходя к бальному залу, Фрейя услышала гул голосов. Должно быть, пленники тоже заметили зарево и теперь взволнованно обсуждали пожар. Стража грозно требовала тишины. Вдруг что-то просвистело мимо головы Фрейи, и помощник Масгарда, не вскрикнув, повалился на спину. Фрейя подумала, что он поскользнулся, обернулась и увидела, что из шлема у него торчит арбалетная стрела, а с одного из рогов час-то-часто капает кровь.

– Ой! – сказала Фрейя.

В темной нише возле двери шевельнулась долговязая фигура.

– Профессор Пеннироял? – прошептала Фрейя.

Но это была Эстер Шоу. Она уже накладывала новую стрелу на тетиву большущего арбалета.

– Ты вернулась! – ахнула Фрейя.

– Ах, какая необыкновенная проницательность, ваше сиятельство!

Фрейя задохнулась от гнева. Эта девчонка еще смеет насмехаться? Ведь из-за нее все и случилось!

– Ты продала нас! Как ты могла? Как ты могла?!

– Ну вот видишь, теперь я передумала, – сказала Эстер. – Я пришла вам помочь.

– Помочь?! – Фрейя говорила хриплым, бешеным шепотом, боясь, как бы не услышала стража за дверью. – Чем ты можешь помочь? Лучше всего, если бы ты никогда и близко не подходила к моему городу! Ты здесь никому не нужна! И Тому ты была не нужна! Ты злобная, бессердечная эгоистка, тебе плевать на всех, кроме себя самой, уродина…

Она вдруг замолчала. Обе девушки неожиданно вспомнили, что у Эстер в руках заряженный арбалет и что одного движения пальца ей будет

достаточно, чтобы пришпилить Фрейю к стене. С минуту Эстер обдумывала такую возможность. Острие стрелы уперлось Фрейе в грудь.

– Ты права, – прошептала Эстер. – Я злобная и мерзкая. В этом я пошла в папочку. Только мне не все равно, что будет с Томом, а значит, приходится заботиться и о тебе, и о твоем дурацком городе. И по-моему, сейчас я тебе очень нужна.

Она опустила арбалет и взглянула на труп человека, которого только что убила. За пояс у него был заткнут газовый пистолет.

– Ты умеешь с этим обращаться? – спросила Эстер.

Фрейя кивнула. Правда, ее больше учили этикету и правилам хорошего тона, чем обращению с оружием, но общие принципы были ей знакомы.

Труднее всего было избавиться от Тома. Она не хотела подвергать его опасности. И кроме того, при нем она не могла быть дочерью Валентайна. В темной гостиной Аакиуков она прижалась к нему и сказала:

– Ты знаешь какой-нибудь боковой вход в Зимний дворец? Если там полным-полно охотников, мы не сможем так просто войти через парадный подъезд и заявить: вот, мол, мы пришли поговорить с Масгардом.

Том задумался, порылся в карманах пальто и вытащил маленький блестящий предмет, какого Эстер никогда раньше не видела.

– Это отмычка из Гримсби. Мне ее дали приятели Коула. Наверное, я сумею с ее помощью взломать замок теплового шлюза позади Вундеркамеры.

Он так обрадовался и был так доволен собой, что Эстер, не удержавшись, расцеловала его. Покончив с этим, она сказала:

– Тогда иди. Жди меня в Вундеркамере.

– Что? Разве ты не пойдешь со мной? – Теперь он уже не радовался, он выглядел испуганным.

Она приложила ему палец к губам, давая знак не шуметь.

– Я пойду поразведаю около дирижабля.

– Но там же охрана…

Эстер постаралась сделать вид, будто ей ни капельки не страшно.

– Я была подмастерьем у Шрайка, ты не забыл? Он научил меня разным приемам, вот и случай их испробовать. Все будет в порядке. А теперь иди.

Том хотел что-то сказать, но сдался, крепко обнял ее и убежал. На секунду ей стало легче, что она осталась одна. Потом вдруг ужасно захотелось догнать Тома, повиснуть у него на шее и сказать ему много всякого разного, что давно уже следовало сказать. Она побежала к черному

ходу, но Том уже скрылся из виду, пробираясь к дворцу какими-то секретными путями.

Эстер прошептала его имя в снежную пустоту. Она была уверена, что больше его не увидит. У нее было такое чувство, будто она стремительно падает в пропасть.

Пеннироял все еще сидел, сжавшись в комок, у нижней ступеньки лестницы. Эстер шагнула мимо него на кухню, взяла из шкафчика над раковиной масляную лампу.

– Ты что делаешь? – зашипел он, когда Эстер зажгла лампу.

Желтый свет потихоньку разгорался за закопченным стеклом, озарил стены, окна, бледное, как кусок мыла, лицо Пеннирояла.

– Люди Масгарда заметят!

– Так и было задумано, – ответила Эстер.

– Я не буду тебе помогать! – завизжал профессор. – Ты меня не заставишь! Это безумие!

На этот раз Эстер даже не потрудилась достать нож, просто приблизила свое чудовищное лицо вплотную к нему:

– Это сделала я, Пеннироял. – Она хотела, чтобы он понял, насколько она умеет быть безжалостной. – Не ты. Это я привела сюда охотников.

– Ты? Поскитт всемогущий, почему?!

– Из-за Тома, – просто ответила она. – Потому что я хотела его вернуть. Он должен был стать моей платой. Только все пошло не так, как я планировала, и теперь мне приходится исправлять дело.

По снегу за окном заскрипели шаги, кто-то открыл наружный тепловой шлюз. Эстер скользнула в тень за дверью. В комнату вошел часовой с причала. Он остановился так близко, что она почувствовала холодок от его обсыпанной снегом меховой куртки.

– Встать! – рявкнул он на Пеннирояла и повернулся проверить, нет ли в комнате еще беглецов.

За миг до того, как он ее увидел, Эстер с размаху всадила нож в щель между его доспехом и защитной маской. Он булькнул и дернулся в сторону. Нож, застрявший в теле, вывернулся из руки Эстер. Она шарахнулась вбок почти одновременно с выстрелом его арбалета и услышала, как стрела воткнулась в дверцу кухонного шкафа у нее за спиной. Охотник попытался вытащить из-за пояса собственный нож. Эстер перехватила его руку. В комнате стояла тишина, слышно было только их хриплое дыхание и хруст битой посуды под ногами. Они топтались на месте. Пеннироял шустро отполз в сторонку. Широко раскрытые зеленые глаза охотника свирепо сверкали из-под маски, но вот наконец он уставился куда-то вдаль,

бульканье прекратилось, он повалился на бок и чуть было не потащил за собой Эстер. Ноги охотника задергались, а потом он затих.

Эстер никогда еще не приходилось убивать человека. Она ожидала, что будет испытывать чувство вины, но ничего такого не ощутила. Она вообще ничего не ощущала. «Вот так же было и с отцом, – отстраненно подумала она, натягивая плащ мертвеца, его меховую шапку и теплую защитную маску. – Просто работа, которую необходимо сделать, чтобы сберечь свой город и того, кого любишь. То же самое чувствовал и он, когда убил маму и папу. Ощущение абсолютной ясности, холодной и твердой, как стекло». Она взяла арбалет охотника и колчан со стрелами. Сказала Пеннироялу:

– Бери лампу.

– Но… но… но…

Снаружи снежинки кружились под фонарями, словно белые мотыльки. Эстер пересекла причал, толкая перед собой насмерть перепуганного Пеннирояла, выглянула в щель между двумя ангарами и увидела на востоке бледное пятно света.

Люк «Турбулентности ясного неба» был открыт. Там дежурил другой охотник.

– Ну что там, Гарштанг? – крикнул он. – Кого ты нашел?

– Да так, старикашка один, – крикнула в ответ Эстер, надеясь, что маска приглушит голос, а меховая куртка скроет ее тощую фигуру.

– Просто какой-то старик, – сказал охотник, обращаясь к кому-то, находившемуся внутри гондолы.

Потом погромче:

– Отведи его во дворец, Гарштанг! Пусть сидит вместе со всеми! Нам он ни к чему!

– Послушайте, господин охотник! – закричал вдруг Пеннироял. – Это ловушка! Девчонка…

Эстер вскинула арбалет, нажала на спуск, и охотник с воплем рухнул навзничь. Пока его товарищи пробирались мимо бьющегося в конвульсиях тела, Эстер вырвала из рук Пеннирояла масляную лампу и швырнула ее в люк. У одного охотника загорелся плащ; внутри гондолы тоже вспыхнуло пламя. Пеннироял завизжал от ужаса и кинулся бежать. Эстер тоже повернулась, но, сделав два шага, почувствовала, что летит по воздуху. Раскаленный ветер подхватил ее и понес, а потом швырнул в снег, который был уже не белым, а желто-красным, как на Хеллоуин. Взрыва не было, просто мощный вздох – это занялись газовые батареи. Эстер перекатилась в снегу и посмотрела назад. Люди выбирались из горящей гондолы, хлопали себя по бокам рукавицами, сбивая искры с тлеющего меха. Их было всего

двое. Один бежал в сторону Эстер. Она стала шарить вокруг, ища арбалет, но охотник даже не взглянул на нее, промчался мимо, крича что-то о саботаже. Она успела не спеша наложить новую стрелу и выстрелить ему в спину. Пеннироял бесследно исчез. Эстер обошла вокруг горящего дирижабля и в самом темном и дымном месте наткнулась на последнего охотника. Вынула меч из руки умирающего и сунула себе за пояс. Потом бросилась бежать к Расмуссен-проспекту и ярко освещенному Зимнему дворцу.

Дядюшкино устройство долго тикало в замке, и в конце концов дверь шлюзовой камеры открылась. Том проскочил внутрь, вдохнул знакомые запахи дворца. В коридоре никого. Не было даже следов на полу, покрытом толстым слоем пыли. Том побежал в полутьме к Комнате чудес. Скелеты Сталкеров у дверей снова его напугали, но отмычка сработала и на этот раз. Он осторожно шагнул в затянутую паутиной тишину между стеклянными витринами, чуть дрожа, но страшно гордясь собой.

Квадрат из фольги слабо светился в темноте, очень ярко напомнив ему о Фрейе и о телекамере, которая смотрела из-за вентиляционной решетки, как они целовались.

– Коул! – позвал он с надеждой, вглядываясь во мрак.

Но на Анкоридже больше не было взломщиков, одни только охотники. Тому вдруг сделалось трудно дышать от страха за Эстер. Неприятно было думать о том, что ей грозит опасность, пока он здесь отсиживается. В небе со стороны гавани мелькали какие-то отсветы. Что там происходит? Может, пойти посмотреть?

Нет. Эстер сказала, что встретится с ним здесь. Она никогда еще его не обманывала. Он попытался отвлечься, выбирая себе оружие из коллекции на стене: тяжелый меч с тупым концом и богато украшенной рукоятью. С мечом в руке Том почувствовал себя увереннее. Он стал прохаживаться между витринами, где стояли побитые молью чучела животных и непонятные древние механизмы, махал мечом, ждал, когда придет Эстер и они вместе отправятся спасать Анкоридж.

Только когда в бальном зале началась перестрелка и по дворцовым коридорам понеслись крики и звуки пальбы, Том сообразил, что Эстер все-таки вошла через главный подъезд и взялась за дело без него.

Газовый пистолет оказался неожиданно тяжелым. Фрейя попробовала представить, что стреляет из него в кого-нибудь, и не смогла. Она хотела объяснить Эстер, как ей страшно, но времени на это не было. Эстер уже стояла у двери и подзывала к себе Фрейю короткими, резкими движениями головы. От ее волос и одежды несло дымом.

Они вдвоем распахнули огромную дверь. Никто не обратил на них внимания. Охотники вместе с пленниками припали к окнам, глядя на качающиеся над гаванью огненные крылья. Фрейя стиснула пистолет вспотевшими руками, ожидая, что Эстер крикнет: «Руки вверх!» или «Не двигаться!» – или что там полагается кричать в таких случаях. Но Эстер просто вскинула арбалет и выстрелила в спину ближайшему охотнику.

– Эй, так нече… – начала Фрейя и тут же бросилась на пол: пока мертвец падал, человек, стоявший рядом с ним, открыл огонь.

Все время она забывает, что это сражение – настоящее!

Ерзая по полу, Фрейя слышала, как пули щелкают по двери и отскакивают от мраморных стен совсем рядом с ней. Эстер выхватила у нее из рук пистолет – и лицо охотника превратилось в красную кляксу. Смью вырвал ружье у падающего врага и прицелился в третьего стражника, растерявшегося среди общей паники.

– Расмуссен! – закричал кто-то, и вдруг все, кто был в зале, подхватили древний боевой клич Анкориджа, сохранившийся с тех времен, когда предки Фрейи воевали с воздушными пиратами и Сталкерами империи кочевников.

– Расмуссен!

Раздались выстрелы, стоны, протяжный звон, словно кто-то наигрывал на ксилофоне, – это умирающий охотник ударился о закутанный в чехол канделябр. Все закончилось очень быстро. Виндолен Пай начала организовывать людей для оказания первой помощи раненым, а тем временем мужчины вооружились мечами и пистолетами убитых охотников.

– Где Скабиоз? – крикнула Эстер, и кто-то подтолкнул его к ней.

Мастер-механик азартно сжимал в руке трофейный пистолет.

Эстер сказала:

– Архангельск приближается. Его огни уже видно из гавани. Нужно быстро сдвинуть с места вашу развалюху.

Скабиоз кивнул:

– Но в машинном отделении охотники, и ведущее колесо сломано. На одних кошках мы можем набрать только четверть скорости, да и того не получится, если не обрезать обломки колеса.

– Ну так режьте! – Эстер отбросила арбалет и подобрала с пола меч.

Скабиозу приходила в голову еще тысяча вопросов, но он пожал плечами и снова кивнул. Он двинулся к лестнице, за ним потянулась половина населения Анкориджа. Безоружные хватали по пути стулья и бутылки. Фрейя, несмотря на страх, почувствовала, что должна идти с ними, должна возглавить атаку, как те древние героические маркграфини.

Она побежала за всеми к дверям, но Эстер схватила ее за руку:

– Ты останешься здесь. Своему народу ты нужна живой. Где Масгард?

– Не знаю, – сказала Фрейя. – Кажется, он пошел к главному входу.

Эстер кивнула – короткий быстрый кивок, который мог означать все что угодно.

– Том в музее, – сказала она.

– Том здесь? – Фрейя явно не поспевала за событиями.

– Прошу тебя, твое сиятельство, береги его, когда все это закончится.

– Но… – начала Фрейя, однако Эстер уже исчезла.

Изрешеченная пулями дверь захлопнулась за нею. Фрейя подумала, не пойти ли ей с Эстер, но что она могла сделать против Масгарда? Она вернулась в бальный зал и увидела, что там еще остались люди: старики и малыши, раненые и те, кто просто слишком испугался, чтобы участвовать в битве. Фрейя хорошо знала, что они сейчас чувствуют. Она сжала руки в кулачки, чтобы унять дрожь, и нацепила на лицо лучшую улыбку маркграфини.

По дороге к бальному залу Том встретил Скабиоза и его людей, толпой бегущих ему навстречу. Мелькали руки и ноги, яркими бликами вспыхивала сталь, решительные лица белели в свете ламп. Люди заполнили коридор, словно морская вода, заливающая потерпевший крушение корабль. Том испугался, как бы они не приняли его за охотника, но Скабиоз узнал его, прокричал его имя, и прибой подхватил Тома и потащил за собой, рассыпавшись на знакомые улыбающиеся лица: Аакиук, Пробстайн, Смью. Его хлопали по плечам, толкали в грудь.

– Том! – завопил Смью, дергая его за пояс. – Здорово, что ты вернулся!

– Эстер! – крикнул Том в ответ, барахтаясь в людском потоке, уносившем его прочь из дворца. – Где Эстер?

– Она спасла нас, Том! – прокричал Смью, бежавший впереди. – Такая храбрая! Вошла в бальный зал и положила всех охотников! Беспощадная, как Сталкер! Вот это девчонка!

– Да где же она? Мистер Скабиоз, она с вами?

Его слова потерялись в топоте ног и криках: «Расмуссен! Расмуссен!» Толпа, обтекая его, хлынула вниз по лестнице к машинному отделению. Том услышал крики и выстрелы на нижней палубе, хотел было пойти к ним на помощь, но мысль об Эстер удержала его.

Выкрикивая ее имя, он пробежал через Заполярную аркаду, выскочил в метель на Расмуссен-проспекте. Две цепочки следов в снегу вели к воздушной гавани. Том заколебался, не зная, есть ли здесь следы Эстер, и

вдруг заметил чье-то лицо за дверью магазинчика на другой стороне улицы.

– Профессор Пеннироял!

Пеннироял шарахнулся в сторону, увязая в снегу, и скрылся в узком переулочке между двумя модными бутиками, роняя на бегу монеты. Он набивал себе карманы мелочью из кассы магазина.

– Профессор! – позвал Том, бросил меч и погнался за ученым. – Это всего только я! Где Эстер?

Неровные следы профессора привели его на край палубы, к лестнице на нижний уровень. Том сбежал вниз, стараясь ступать в большие, словно медвежьи, следы роскошных меховых сапог Пеннирояла. На нижней ступеньке он замер как вкопанный, с отчаянно бьющимся сердцем: впереди мелькнули черные крылья. Но это была не птица-Сталкер, просто вывеска таверны «Парящий орел». Том побежал дальше. Неужели он теперь всю жизнь будет бояться птиц?

– Профессор Пеннироял!

Масгарда не было у входа во дворец среди мертвых охотников, которых Эстер убила по дороге сюда. «Может быть, его поймали люди Скабиоза, – подумала Эстер. – А может, он услышал шум драки и сообразил, откуда ветер дует. Вероятно, он побежал в гавань, надеется найти корабль и вернуться в Архангельск».

Эстер проскочила через шлюзовую камеру. Защитная маска сужала обзор, Эстер сорвала ее и отбросила прочь. Сбежала по пандусу на Расмуссен-проспект, снежинки гладили ее лицо холодными пальцами. Длинная цепочка свежих следов уходила вдаль, понемногу ее заметало снегом. Эстер пошла по следам, стараясь ставить ноги в ямки, увеличивая свой шаг. Впереди, на фоне угасающего зарева, показался силуэт человека. Это был Масгард. Эстер пошла быстрее и услышала, как он зовет убитых товарищей:

– Гарштанг? Густавссон? Шпрюэ?

В его голосе слышалась нарастающая паника. На самом деле он был обыкновенным богатеньким городским мальчиком, которому нравилось играть в пиратов и который привык ни от кого не встречать сопротивления. Он сам нарвался на драку, а как дошло до дела, растерялся.

– Масгард! – крикнула Эстер.

Он круто обернулся, тяжело дыша. У него за спиной догорала «Турбулентность ясного неба». От корабля осталась только почерневшая металлическая корзина. Причальные стойки как будто покачивались в пляшущих отблесках угасающего огня.

Эстер занесла меч.

– Что за игры, пилотесса? – заорал Масгард. – Ты сама продала мне этот город, а теперь помогаешь им отбить его. Не понимаю! Чего ты добиваешься?

– Ничего, – ответила Эстер. – Я просто действую по обстановке.

Масгард тоже выхватил меч, со свистом рассек воздух, демонстрируя эффектные фехтовальные выпады, и двинулся на нее. Когда между ними оставалось всего два-три шага, Эстер прыгнула вперед и ткнула его острием клинка в плечо. Ей казалось, что удар получился не особенно серьезным, но Масгард уронил меч, схватился рукой за рану, поскользнулся на снегу и упал.

– Сжалься! Пощади! – закричал он. Порылся за пазухой меховой куртки, вытащил туго набитый кошелек, сверкающие монеты покатились по снегу. – Мальчишки здесь нет, возьми хоть вот это, только оставь мне жизнь!

Эстер подошла к лежащему охотнику и обеими руками обрушила на него свой меч, потом еще и еще, пока его крики не прекратились. У нее заныли локти. Отбросив меч, Эстер смотрела, как кровь Масгарда впитывается в порозовевший снег, как пушистые белые снежинки заметают рассыпанное золото.

Эстер ощущала странное разочарование. Она ожидала большего от этой ночи. Остались только недоумение и опустошенность. Она ждала смерти. Казалось неправильным, что она все еще жива и даже не ранена. Эстер подумала о погибших охотниках. Наверное, и другие люди были убиты сегодня, и все из-за нее. Неужели ей так и не будет никакого наказания?

Где-то на нижнем ярусе, между складами, раздался одиночный выстрел.

Следы привели Тома на знакомую улицу, освещенную портовыми фонарями. Ему стало не по себе. Обогнув последний угол, он увидел «Дженни Ганивер» там, где ее оставил, в тени складских помещений. Пеннироял возился с крышкой люка.

– Профессор! – закричал Том, подходя ближе. – Что вы делаете?

Пеннироял оглянулся.

– Черт! – пробормотал он, поняв, что его заметили. Ответил, пытаясь хорохориться по-прежнему: – А ты как думаешь, Том, что я делаю? Покидаю этот городишко, пока еще не поздно! Если у тебя есть хоть капля мозгов, ты тоже полетишь со мной. Великий Поскитт, ты отлично спрятал эту штуковину! Я сто лет ее искал…

– Но теперь уже незачем улетать! – сказал Том. – Мы сможем завести

двигатели и убежать от Архангельска. И потом, я не брошу Эстер!

– Бросил бы, если бы знал, что она сделала, – мрачно произнес Пеннироял. – Она просто дрянь, Том. Совершенно невменяемая. Мало того что уродина, так еще и психопатка…

– Не смейте так о ней говорить! – рассердился Том и шагнул вперед, собираясь оттащить профессора от люка.

Пеннироял выхватил из-за пазухи пистолет и выстрелил Тому в грудь.

Сила удара отбросила Тома в сугроб. Он попытался встать и не смог. На пальто образовалась горячая, влажная дыра.

– Так нечестно! – прошептал Том и почувствовал, что в горле поднимается кровь, наполняет рот, горячая и соленая.

Боль накатывала длинными серыми валами, как прибой у Разбойничьего Насеста, медленно и неотвратимо.

В снегу заскрипели шаги. Пеннироял наклонился над ним с пистолетом в руке. Он, похоже, удивился не меньше Тома.

– Ого! – сказал он. – Извини. Я только хотел тебя напугать, а он взял да и выстрелил. Я никогда раньше не имел дела с такими штуками. Взял его у одного из тех парней, которых заколола твоя ненормальная подружка.

– Помогите, – еле слышно прошептал Том.

Пеннироял отвел в сторону полу его пальто и взглянул на рану.

– Брр! – произнес он и покачал головой. Сунул руку во внутренний карман, вытащил ключи от «Дженни Ганивер».

Том почувствовал, как задрожала под ним палуба, – включились городские двигатели. За кормой взревели циркулярные пилы, освобождая город от обломков ведущего колеса.

– Послушайте! – зашептал он. Собственный голос показался ему чужим, слабым и очень далеким. – Не берите «Дженни»! Не нужно! Мистер Скабиоз снова завел двигатели. Мы убежим от Архангельска…

Пеннироял выпрямился.

– Какой ты, право, неисправимый романтик, Том. Куда вам бежать? В Америке нет зеленых лесов, или ты забыл? Этот город ждет медленная смерть от холода во льдах или быстрая смерть в плавильных печах Архангельска. И в том, и в другом случае я не намерен присутствовать при его кончине!

Он подбросил ключи в воздух, снова поймал и двинулся прочь.

– Мне пора. Еще раз прошу меня извинить. Всего хорошего!

Том пополз по снегу. Он хотел найти Эстер, но скоро забыл, что же собирался ей сказать. Он лежал в снегу и слушал нарастающее урчание воздушных двигателей. Потом оно снова стало затихать: профессор

Пеннироял поднял «Дженни Ганивер» над лабиринтом складских зданий и повел ее в темноту. Теперь это уже казалось не важным. Даже то, что он умирает, не казалось важным, хотя было странно подумать, что он удрал от Лисиц-оборотней, спасся от Сталкеров, пережил удивительные приключения под водой, а кончилось все вот так.

Снег все шел, он уже не был холодным, просто мягким и уютным, он укутал город тишиной, погрузив весь мир в приятный, тихий сон.

Глава 33
По тонкому льду

Вскоре после восхода солнца в машинном отделении послышались радостные крики: обломки колеса наконец-то удалось отпилить, и город снова тронулся с места, направляясь на юго-юго-запад. Но без колеса, двигаясь с помощью одних кошек, Анкоридж полз вперед словно калека. Его скорость едва достигала пятнадцати километров в час. А Архангельск уже громоздился вдали, за снегопадом, как будто замаранная копотью гора.

Фрейя стояла на корме рядом с мистером Скабиозом. На лбу у мастера-механика красовался розовый лейкопластырь в том месте, где его оцарапала охотничья пуля. Это было единственное ранение, полученное в битве за машинное отделение. Охотники быстро сообразили, что противник превосходит их численностью, и сбежали на лед – дожидаться, пока их подберут разведывательные пригороды Архангельска.

– У нас только одна надежда, – тихо сказал Скабиоз, глядя, как заходящее солнце зажигает огнями окна города-хищника. – Если мы успеем уйти достаточно далеко на юг, лед станет тоньше и они будут вынуждены прекратить преследование.

– Но на тонком льду мы тоже можем провалиться?

Скабиоз кивнул:

– Риск есть. Кроме того, мы не можем тратить время на разведку. Придется идти вперед с максимальной скоростью и надеяться на лучшее. Америка или полный крах, так?

– Да, – сказала Фрейя. И вдруг почувствовала, что лгать дальше бессмысленно. – Нет! Мистер Скабиоз, все это неправда. Пеннироял никогда не был в Америке. Он все придумал. Поэтому он выстрелил в Тома и забрал «Дженни Ганивер».

– Да ну? – сказал Скабиоз, обернувшись к ней.

Фрейя ждала продолжения, но он молчал.

– И это все? – спросила она. – Просто «да ну», и только? Что ж вы не говорите, какой я была дурой, что поверила Пеннироялу?

Скабиоз улыбнулся:

– Сказать по правде, Фрейя, этот тип с самого начала вызывал у меня большие сомнения. Что-то в нем было фальшивое.

– Почему же вы ничего не сказали?

– Потому что лучше гнаться за надеждой, чем стоять на месте, – сказал

мастер-механик. – Мне понравилась твоя идея пересечь Высокий лед. Что такое был наш город перед тем, как мы двинулись на запад? Движущаяся развалина. Те из жителей, кто не сбежал, настолько ушли в свое горе, что им было безразлично, куда мы направляемся. Мы были больше похожи на привидения, чем на живых людей. А посмотри на нас теперь! Посмотри на себя! Путешествие встряхнуло нас, расшевелило, мы снова живем!

– Может быть, это ненадолго.

Скабиоз пожал плечами:

– Все равно! И кто знает, может быть, мы найдем выход. Лишь бы только не попасть в челюсти этого чудища.

Они молча стояли плечом к плечу и смотрели на преследующий их город. Казалось, он растет и приближается прямо на глазах.

– Должен признаться, – заметил Скабиоз, – я не думал, что Пеннироял дойдет до того, чтобы стрелять в людей. Как себя чувствует бедняжка Том?

Он лежал на кровати, похожий на мраморную статую. На белом лице ярко выделялись подживающие шрамы и кровоподтеки, оставшиеся от схватки с птицами-Сталкерами. Его рука в руке Эстер была совсем холодной, и только бьющаяся на горле жилка показывала, что он все еще жив.

– Мне очень жаль, Эстер, – прошептала Виндолен Пай, как будто любой звук громче шепота мог привлечь внимание богини смерти к этой наскоро обустроенной больничной палате в Зимнем дворце.

Всю ночь и весь день леди навигатор ухаживала за ранеными и особенно за Томом, чье состояние было серьезней, чем у других. Она выглядела постаревшей, усталой, сломленной.

– Я сделала все, что могла, но пуля застряла у самого сердца. Я не решаюсь ее извлекать при такой тряске.

Эстер кивнула, не сводя глаз с плеча Тома. У нее не хватало духу посмотреть ему в лицо, а все остальное мисс Пай прикрыла одеялом, приличия ради. На виду оставались только рука и плечо с той стороны, что ближе к Эстер. Плечо было бледное, угловатое, с мелкими веснушками, и Эстер казалось – она ничего красивее не видела в жизни. Она прикоснулась к нему, погладила руку, глядя, как приминаются под пальцами мелкие пушистые волоски, чувствуя под кожей сильные мускулы и сухожилия, ощущая слабое биение пульса на синеватом запястье.

Том шевельнулся, приоткрыл глаза.

– Эстер? – пробормотал чуть слышно. – Он забрал «Дженни». Прости.

– Это ничего, Том, это нестрашно. Дирижабль мне не нужен, только бы ты поправился.

Когда ее нашли после битвы и сообщили, что Том ранен, при смерти, она подумала, что тут какая-то ошибка. Теперь она понимала, что это не так. Вот оно, ее наказание за предательство. Она должна сидеть в этой комнате и смотреть, как умирает Том. Это хуже, в тысячу раз хуже, чем умереть самой.

– Том, – шепнула она.

– Опять потерял сознание, бедненький, – сказала одна из женщин, помогавших мисс Пай.

Помощница обтерла лоб Тома влажной тряпочкой. Кто-то принес стул для Эстер.

– Может, и лучше, что он ничего не чувствует, – услышала Эстер шепот одной из сиделок.

За окнами уже сгущались сумерки. На горизонте замигали огни Архангельска.

Когда солнце снова взошло, город-хищник оказался еще ближе. Когда утихал снегопад, можно было даже рассмотреть отдельные здания: главным образом заводы и разделочные фабрики, бесконечные бараки для рабов, а на верхнем ярусе, на остроконечной башне храма, статую сидящего волка – божества-покровителя Архангельска. Тень хищника протянулась по льду к Анкориджу. Жужжа моторами, прилетел наблюдательный дирижабль, посланный выяснить, что стало с Масгардом и его охотниками. Наблюдатель завис на мгновение над обгорелыми останками «Турбулентности ясного неба», развернулся и умчался к себе на базу. В тот день больше ни одно воздушное судно не приближалось к Анкориджу. Директор Архангельска объявил траур по сыну, его Совет был уверен, что добыча от них не уйдет, и не считал нужным рисковать своими кораблями ради того, чтобы ускорить поимку жертвы, которая и так достанется им еще до наступления ночи. Город сжимал и разжимал челюсти, готовясь к атаке и открывая зрителям, столпившимся на корме Анкориджа, незабываемую картину своих плавильных печей и разделочных механизмов.

– Нужно обратиться к ним по радио, напомнить, что стало с их охотничками! – шумел в тот день Смью на внеочередном заседании Направляющего комитета. – Мы им скажем, что и с ними будет то же самое, если они не оставят нас в покое!

Фрейя ничего не ответила. Она пыталась сосредоточиться на дискуссии, но мысленно все время возвращалась в комнату больного. Жив ли еще Том? Ей очень хотелось прийти и посидеть с ним, но мисс Пай сказала, что Эстер от него не отходит, а Фрейя все еще боялась девушки со

шрамом. Теперь даже больше – после того как та расправилась с охотниками. Почему не Эстер попала под пулю? Почему Том?

– Я считаю, Смью, что от этого станет только хуже, – сказал Скабиоз, не дождавшись, пока маркграфиня выскажет свое мнение. – Не нужно их злить.

Раздался оглушительный удар, похожий на пушечный выстрел. В окнах задребезжали стекла.

– Они нас обстреливают! – воскликнула мисс Пай, схватившись за руку Скабиоза.

– Не может быть! – закричала Фрейя. – Даже Архангельск…

Окна были затянуты инеем. Фрейя накинула шубку и выскочила на балкон, остальные – за ней. Отсюда было видно, как близко подошел хищник. Свист его полозьев по льду наполнял воздух. Фрейя невольно подумала: наверное, впервые шум городов нарушает безмолвие этих неизведанных равнин. Оглушительный удар повторился, и она поняла, что это не выстрелы. Это тот звук, которого обитатели ледовых городов боятся больше всего на свете: треск ломающегося льда.

– О боги! – прошептал Смью.

– Я должна находиться в Рулевой Рубке, – сказала мисс Пай.

– А я – около машин, – пробормотал Скабиоз.

Но ни один из них не двинулся с места. Уже ничего нельзя было сделать, оставалось только стоять и смотреть.

– Ох нет! – услышала Фрейя свой собственный голос. – Нет, нет, нет!

Снова треск, на этот раз резкий, как раскат грома. Фрейя взглянула на отвесную стену Архангельска – слышал ли город-хищник то же, что они, пустил ли в ход ледовые тормоза? Наоборот, он, кажется, еще повысил скорость, вкладывая всю свою мощь в последний безумный бросок. Фрейя вцепилась в перила балкона и стала молиться ледяным богам. Она сама не знала, верит ли в них еще, но кто другой мог ей сейчас помочь?

– Даруйте нам скорость, Господин и Госпожа, – молилась она, – только не дайте провалиться под лед!

В следующий раз треск прозвучал громче, и Фрейя увидела трещину: черная ухмылка разверзлась во льду на расстоянии полукилометра по правому борту. Анкоридж качнуло на повороте. Фрейя представила себе, как рулевой отчаянно пытается лавировать среди ломающихся льдин. Качнуло опять – и где-то в глубине дворца со звоном посыпалась стеклянная посуда. Треск раздавался теперь непрерывно, со всех сторон и очень близко.

Архангельск, чувствуя, что не сможет долго следовать тем же курсом,

решился на последний рывок. Его челюсти широко раскрылись, ряды вращающихся стальных зубов блеснули на солнце. Фрейя видела, как рабочие бегут по лестницам в брюхо хищника, а на высоких балконах толпятся одетые в меха зрители, совсем как в ее собственном городе. И вдруг, в ту самую минуту, когда челюсти уже начали смыкаться, готовясь ухватить корму Анкориджа, вся огромная конструкция закачалась и замедлила ход. В небо тучей взметнулись белые брызги – словно между двумя городами задернули занавес из стеклянных бус.

Брызги посыпались на Анкоридж замерзшим дождем. Архангельск отчаянно пытался дать задний ход, но лед под ним разламывался на куски, ведущие колеса буксовали. Медленно, словно падающая гора, мегаполис накренился вперед, его челюсти и передняя часть нижнего яруса ухнули в расширяющуюся полосу черной воды. Холодное море хлынуло в плавильные печи, и вверх ударили струи пара. Город заревел, словно раненый зверь, у которого отняли добычу.

Но у Анкориджа дела тоже были плохи, некогда было праздновать гибель хищника. Город дал сильный крен на левый борт, гусеницы скрежетали, пытаясь сохранить сцепление со льдом, по бокам взлетали фонтаны брызг. Фрейя никогда еще не видела ничего подобного и не знала, что это означает, но догадаться было нетрудно. Она схватила за руки мисс Пай и Смью, а мисс Пай еще раньше вцепилась в руку мистера Скабиоза. Так они и стояли, держась друг за друга, и ждали, когда бурлящая черная вода зальет лестницу и накроет их с головой.

Они ждали. И ждали. Вокруг потемнело, но это просто наступила ночь. Снежинки падали на их лица.

– Пойду посмотрю, можно ли добраться до машинного отделения, – немного смущенно проговорил Скабиоз, осторожно высвободил руку и быстро ушел.

Вскоре Фрейя почувствовала, что двигатели остановились. Тряска стала чуть слабее, но пол все еще был накренен, и весь город как-то странно подрагивал.

Смью и мисс Пай ушли с холода внутрь дворца, а Фрейя осталась на балконе. Ночь и снегопад закрыли от нее потерпевший крушение Архангельск, но она еще различала его огни и слышала рев моторов – хищник пытался выбраться на твердый лед. Что происходит с Анкориджем, она не могла определить. Даже с выключенными двигателями город слегка покачивался и как будто потихоньку удалялся от застрявшего в полынье хищника.

Какая-то дюжая фигура быстрым шагом пересекала дворцовый сад.

Фрейя перегнулась через перила балкона и окликнула:

– Мистер Аакиук?

Он задрал голову кверху. Меховая опушка капюшона окружала его лицо белой буквой «о».

– Фрейя? Ты как, в порядке?

Она кивнула.

– Что происходит?

Аакиук сложил руки трубочкой, приставил ко рту:

– Мы дрейфуем! Видно, мы были как раз на краю ледяного поля, и кусок, на котором мы стояли, отломился!

Фрейя всмотрелась в темноту. Она ничего не видела, но теперь, по крайней мере, стало понятно странное покачивание города. Анкоридж плывет по волнам, удерживаясь в неустойчивом равновесии на дрейфующей льдине, словно перекормленный курортник, которого унесло в море на надувном матрасе. Вот вам и сказочки про толстый слой морского льда, что якобы тянется вглубь Мертвого континента!

Но боги не наказали профессора Пеннирояла. Потратив часть награбленного золота, он купил топливо на танкере, спасшемся из Архангельска, и теперь уже мчался на восток, ориентируясь по широкому следу хищного мегаполиса. Он был не очень хорошим пилотом, но ему везло, и погода была довольно благоприятная. К востоку от Гренландии ему попался маленький ледовый городок. Там он перекрасил «Дженни Ганивер», дал ей новое название и нанял хорошенькую пилотессу по имени Кьюпи Квинтервал, чтобы она доставила его на юг. Через несколько недель он уже наслаждался жизнью в Париже и удивлял друзей рассказами о своих приключениях на ледяном Севере.

К тому времени даже директор Архангельска вынужден был признать, что его город не спасти. Богачи кинулись бежать, направляясь на восток на своих воздушных яхтах и чартерных дирижаблях (пять вдов Блинко заработали такую кучу денег, сдавая койки на борту «Временных трудностей», что после смогли приобрести очаровательную виллу на верхней палубе мегаполиса Егерштадт-Ульм). В общей суматохе рабы захватили нижнюю палубу и тоже разбежались на ворованных грузовых судах или по льду на разведывательных санях и беспилотных пригородах. Наконец объявили общую эвакуацию. К середине зимы в городе никого не осталось. Пустой темный остов понемногу белел и терял свои очертания, окутываясь толстым снежным покрывалом.

Изредка снегоходские города-кладоискатели отваживались навестить

развалины, выкачивали топливо из резервуаров, посылали на борт экспедиции для сбора ценностей, оставленных убегающими жителями. Весной к городу, словно стервятники, слетелись дирижабли, но к этому времени лед еще больше ослабел. В середине лета город-хищник снова зашевелился в странном сумеречном свете полуночного солнца и под звуки канонады ломающегося льда двинулся в свой последний путь – вниз, в причудливый подводный мир.

В то лето из Шань-Го поступили известия о военном перевороте в Лиге противников движения. Высший Совет был свергнут, вместо него к власти пришла партия, называющая себя Зеленая Гроза. Во главе ее армии стоял Сталкер в бронзовой маске, по имени генерал Фанг. В Охотничьих Угодьях на эти новости никто не обратил особого внимания. Кому какая разница, если эти противники движения перегрызлись между собой? В Париже и Манчестере, Праге, Движеграде, Горьком и Перипатетиаполисе жизнь шла обычным порядком. До сих пор еще обсуждали крушение Архангельска, и буквально все зачитывались новой потрясающей книгой Нимрода Б. Пеннирояла.

Страстная, волнующая и правдивая история приключений одинокого путешественника, попавшего на борту Анкориджа в плен к прекрасной, но безумной маркграфине, под воздействием навязчивой идеи ведущей свой обреченный город через Высокий лед к Америке!

Поражаться сражениям профессора Пеннирояла с пиратами-паразитами, приходящими из-подо льда!

Изумляться его описаниям диких снежных пейзажей к западу от Гренландии и городов-кладоискателей, ищущих добычу среди этих безлюдных просторов!

Плакать над трагической историей обезображенной юной пилотессы, которую безнадежная любовь к профессору Пеннироялу толкнула на гибельный шаг – продать Анкоридж грозному Архангельску!

Радоваться блестящей победе профессора Пеннирояла, в одиночку сокрушившего архангельских охотников!

Замирать над описанием последних дней Анкориджа, красивейшего из ледовых городов, и спасения отважного путешественника, успевшего покинуть город прежде, чем он затонул в холодных волнах неведомого моря.

Глава 34
Страна туманов

Но Анкоридж не утонул. Подхваченный мощным морским течением, он уплыл в густой туман, то и дело задевая неровными краями своей льдины другие плавучие скопления льда.

К рассвету большинство жителей собрались в носовой части верхней палубы. Поскольку двигатели не работали, делать было нечего и говорить тоже не о чем; будущее выглядело таким мрачным и недолгим, что никому не хотелось о нем вспоминать. Стояли молча, слушали, как волны плещут о лед, и рассматривали сквозь клочья тумана странное незнакомое зрелище – море.

– Как вы думаете, может, это просто большая полынья или узкая полоска открытой воды? – спросила Фрейя с надеждой, выйдя на носовую обзорную площадку вместе с членами Направляющего комитета.

Она не знала, что полагается надевать маркграфине в случае такого мероприятия, как Уход В Подводную Могилу, и потому надела старую вышитую куртку с капюшоном и унты из тюленьей шкуры, которые обычно носила, отправляясь с матерью на прогулку в ледовой барке. К этому она прибавила шапочку с помпонами, о чем теперь жалела, потому что помпончики все время подпрыгивали с неуместной веселостью, принуждая ее к оптимизму.

– Может быть, мы сможем ее пересечь и снова выйти на прочный лед?

Виндолен Пай, бледная и утомленная после бессонных ночей и заботы о раненых, покачала головой:

– Я полагаю, что эти воды не замерзают до середины зимы. Думаю, мы будем дрейфовать, пока не наткнемся на какой-нибудь безжизненный берег, или же льдина еще раньше разломится и мы утонем. Бедный Том! Бедная Эстер! Они вернулись, чтобы спасти нас, и все напрасно!

Мистер Скабиоз обнял ее за плечи, а она с благодарностью прислонилась к нему. Фрейя смущенно отвела глаза. Может быть, нужно рассказать им, что Эстер и навела Архангельск на их след? Но это почему-то казалось несправедливым, особенно сейчас, когда Эстер сидела без сна у смертного ложа Тома. Кроме того, именно сейчас Анкориджу необходима героиня. Пусть уж лучше все винят за появление охотников этого жулика Пеннирояла. Он зато виноват во всем остальном, если подумать.

Пока Фрейя соображала, что бы такое сказать, у переднего края

льдины из воды вынырнула блестящая черная спина.

Она всплыла, словно кит, со свистом выдыхая воздух, и все подумали, что это действительно кит, пока не разглядели ряды заклепок на металлическом корпусе, потом люки, иллюминаторы и написанные по трафарету буквы.

– Это те дьяволы, паразиты! – закричал Смью, пробегая мимо с винтовкой для охоты на волков. – Опять явились за добычей!

Субмарина, покачиваясь в воде, выпустила паучьи лапы, ухватилась за край льда и подтянулась, вылезая из воды. Ей навстречу уже мчались от города сани с вооруженными людьми из машинного отделения. Откинулся люк. Смью поднял винтовку и тщательно прицелился.

Фрейя отвела дуло винтовки в сторону:

– Не надо, Смью. Он там всего один.

Вряд ли это одинокое судно может представлять угрозу, тем более что всплыло оно, не скрываясь. Фрейя всмотрелась в неуклюжую костлявую фигуру, которая с трудом выбралась из люка. Незнакомца тут же схватили люди Скабиоза. Фрейя слышала громкие голоса, но не могла разобрать, о чем говорят. В компании Смью, Скабиоза и мисс Пай она подбежала к лестнице, с тревогой дожидаясь, пока пленника подведут к ней. Чем ближе он подходил, тем более нелепо выглядел. Бесформенное лицо в лиловых, желтых и зеленых пятнах. Она знала, что обитатели лодок-паразитов – воры, но не думала, что они чудовища!

И тут он остановился прямо перед ней, и она поняла, что никакое он не чудовище, просто мальчик ее лет, только ужасно избитый. У него не хватало нескольких зубов, а горло пересекал жуткий красный рубец, но глаза, которые смотрели на нее с этой маски, покрытой синяками и запекшейся кровью, были ясные, черные и довольно красивые.

Фрейя взяла себя в руки и заговорила с достоинством, подобающим маркграфине:

– Добро пожаловать в Анкоридж, чужеземец. Что привело тебя сюда?

Коул открыл рот и снова закрыл, не зная, что говорить. Всю дорогу от Гримсби он готовился к этой минуте, но после того, как всю жизнь стараешься не попадаться на глаза сухопутникам, очень трудно стоять вот так, у всех на виду. Да и Фрейя его поразила. Дело было не только в мальчишеской стрижке; она как будто стала выше ростом, и лицо у нее теперь было румяное – совсем не та бледная, мечтательная девочка, которую он привык видеть на экранах. Позади нее стояли Скабиоз, и Смью, и Виндолен Пай, и еще полгорода, и все враждебно таращились на него. Пожалуй, все-таки проще было умереть в Гримсби…

– Говори, мальчик! – приказал карлик, стоявший рядом с Фрейей, и ткнул Коула ружьем в живот. – Ее сиятельство задала тебе вопрос!

– Фрея, у него в руках было вот это, – сказал один рабочий, протягивая ей мятую жестяную трубку.

Люди, столпившиеся за спиной маркграфини, нервно попятились, но Фрейя узнала в этом предмете старинный контейнер для документов. Она взяла его, отвинтила крышку и вытащила рулон туго свернутых бумаг. Снова посмотрела на Коула, улыбнулась ему:

– Что это такое?

Ветерок, незаметно усилившийся с момента всплытия «Винтового червя», растрепал побуревшие от времени бумаги, грозя вырвать их из рук Фрейи. Коул бросился вперед и схватил их:

– Осторожней! Они вам очень понадобятся!

– Почему? – удивилась Фрейя, глядя на бумаги.

На запястьях мальчика виднелись красные отметины в том месте, где веревки впивались в тело, и на бумаге тоже были красные пометки, написанные старомодным почерком ржаво-красными чернилами. Обозначения долготы и широты, тонкая извилистая линия берега. Штамп-предупреждение: «Не выносить за пределы библиотеки Рейкьявика».

– Это карта Снори Ульвессона, – сказал Коул. – Наверное, Дядюшка украл ее из Рейкьявика много лет назад, и с тех пор она хранилась у него в архиве. Там еще есть пояснения. По этой карте можно добраться до Америки.

Фрейя улыбнулась в знак благодарности и покачала головой:

– Все это ни к чему. Америка мертва.

Забыв обо всем, Коул схватил ее за руку:

– Нет! Я прочитал эти бумаги, пока плыл сюда! Снори не обманывал. Он на самом деле нашел зеленые области в Америке! Не те громадные леса с дикарями и медведями, которые напридумывал профессор Пеннироял. Но все-таки там есть трава, и деревья, и… – Коул никогда в жизни не видел травы, и тем более деревьев, и воображение ему отказывало. – Ну, не знаю. Наверное, животные, птицы, рыбы в воде… Может быть, вам придется осесть на одном месте, но там можно жить!

– Мы не сможем добраться туда, – сказала Фрейя. – Даже если все это правда, мы не сможем туда попасть. Мы дрейфуем.

– Нет… – сказал вдруг мистер Скабиоз, рассматривая карту через ее плечо. – Нет, Фрейя, сможем! Если бы нам удалось стабилизировать эту льдину и приделать к ней гребные винты…

– Это не так уж далеко, – сказала мисс Пай, заглянув через другое

плечо Фрейи и ткнув пальцем в карту там, где берег длинного узкого залива был обозначен словом «Винляндия».

В заливе виднелись островки, такие мелкие, что их можно было принять за чернильные брызги, но старый Снори Ульвессон на каждом проставил условный значок в виде по-детски нарисованного деревца.

– Около тысячи километров. Практически ничто по сравнению с тем, какой путь мы уже проделали!

– Но что это мы! – спохватился Скабиоз.

Мастер-механик обернулся к Коулу, и тот попятился, с трудом переставляя ноги, – он вспомнил, как чуть было не свел с ума несчастного старика, изображая призрак в закоулках машинного отделения. Скабиоз, видимо, тоже это вспомнил. Его взгляд сделался холодным и отстраненным. Целую минуту стояла тишина, только люди в толпе нервно переступали с ноги на ногу, да шуршали на ветру бумаги в руках у Фрейи.

– Мальчик, у тебя имя есть? – спросил Скабиоз.

– Коул, сэр, – ответил Коул.

Скабиоз протянул ему руку и улыбнулся:

– Ну что, Коул, ты, по-моему, замерз, да и проголодался, наверное. Нечего тут стоять. Все можно обсудить и во дворце.

Тут и Фрейя вспомнила о правилах вежливости.

– Конечно! – воскликнула она. – Вы непременно должны пойти с нами в Зимний дворец, мистер Коул. Я попрошу Смью приготовить для вас горячего шоколада. Где этот Смью? Ах, не важно, я сама приготовлю…

Так они и двинулись по Расмуссен-проспекту: Фрейя впереди, следом Скабиоз и мисс Пай, между ними испуганный Коул, а за ними образовалось целое шествие. Жители города прослышали, что мальчик из моря принес им новую надежду, и тоже бежали сюда: Аакиуки, Умиаки, мистер Квааник. Смью протолкался в первые ряды, Фрейя размахивала старым жестяным футляром с картой Снори Ульвессона, смеялась и шутила наравне со всеми. Это было не очень величественное поведение, и, наверное, мама с папой, гувернантки, и фрейлины, и учительница этикета его бы не одобрили, но Фрейю это нисколько не огорчало. Их время прошло. Теперь маркграфиня – она!

Глава 35
Ледяной ковчег

Как стучали молотки и визжали пилы в Анкоридже во все последующие дни! Как сияли лампы в мастерских, как сыпались искры, когда под наблюдением Скабиоза рабочие сооружали гребные винты из запасных палубных плит, мастерили аутригеры из отслуживших свое корпусов буксирных кошек! Сколько было грома и треска, когда начали испытывать моторы, подгонять приводные ремни! Коул на своем «Винтовом черве» просверлил отверстия во льду, и новые гребные винты осторожненько опустили в воду позади города. Скабиоз экспериментировал со сколоченным на скорую руку рулем. Все это работало еле-еле, но все-таки работало. Через неделю после появления Коула двигатели запустили всерьез, и Фрейя почувствовала, как ее город деловито заворочался и потихоньку двинулся вперед. Вода журчала вдоль бортов ледяного ковчега.

Дни постепенно становились длиннее, айсберги попадались все реже, теплые солнечные лучи прорезали пелену тумана, потому что Анкоридж вступил в более южные широты, где еще стояла поздняя осень.

Эстер не участвовала в праздничных сборищах, заседаниях Направляющего комитета и прочей бурной деятельности, захватившей город в последние недели пути. Она даже не пришла на свадьбу Сёрена Скабиоза и Виндолен Пай. Она почти неотлучно сидела около Тома в Зимнем дворце. Позднее, думая об этих временах, она вспоминала не вехи путешествия – безжизненные островки и ледяные заторы, мимо которых приходилось проталкиваться Анкориджу, не мертвые горы Америки на горизонте, а маленькие шажочки выздоровления Тома.

Тот день, когда мисс Пай, собрав все свое мужество и все знания, какие сумела отыскать в медицинских книгах, все-таки решилась и вскрыла Тому грудную клетку, погрузила длинный пинцет между влажными пульсирующими внутренностями, а затем… Затем Эстер потеряла сознание, а когда очнулась, мисс Пай протянула ей пистолетную пулю – маленький, чуть приплюснутый шарик синевато-серого металла, такой безобидный на вид.

Тот день, когда Том в первый раз открыл глаза и заговорил. Он что-то бессвязно бормотал про Лондон, про Пеннирояла и Фрейю, но это было лучше, чем ничего, и Эстер держала его за руку, целовала в лоб и убаюкивала, пока он снова не уснул беспокойным сном.

Смерть ему уже не грозила, и теперь Фрейя иногда заходила навестить его, и Эстер даже изредка уступала ей место у его постели, потому что плохо переносила качку. Вначале им было неловко друг с другом, но в конце концов Эстер собралась с духом и спросила:

– Ты им расскажешь?

– Кому, о чем?

– Расскажешь всем, что это я продала вас Архангельску?

Фрейя и сама много об этом думала. Она ответила не сразу.

– А если расскажу?

Эстер посмотрела в пол, провела по толстому ковру носком заскорузлого старого сапога.

– Если расскажешь, я не смогу больше здесь быть. Куда-нибудь уйду, а Том достанется тебе.

Фрейя улыбнулась.

– Я – маркграфиня Анкориджа, – сказала она. – Когда я выйду замуж, то сделаю это в соответствии с высшими политическими интересами. Может, за кого-нибудь из нижнего города или…

Она замялась и чуть-чуть покраснела, потому что вспомнила Коула, такого славного и застенчивого.

– Словом, – торопливо продолжила она, – я хочу, чтобы ты осталась. Такому городу, как наш, нужен на борту такой человек, как ты.

Эстер кивнула. Наверное, у ее отца тоже был когда-то точно такой разговор с Магнусом Кромом в каком-нибудь официальном здании Верхнего Лондона.

– И тогда, если начнутся неприятности – скажем, Дядюшка со своими Пропащими Мальчишками разыщет твое поселение, или нападут воздушные пираты, или потребуется по-тихому убрать предателя вроде профессора Пеннирояла, – ты сможешь свалить на меня грязную работу?

– А что? По-моему, у тебя неплохо получается, – сказала Фрейя.

– А если я не захочу?

– Тогда я всем расскажу про Архангельск, – сказала Фрейя. – Ну а если ты согласишься, это будет нашей тайной.

– Это шантаж, – сказала Эстер.

– Серьезно?! – У Фрейи был очень довольный вид, как будто она наконец-то освоила тонкое искусство управления городом.

И вот, уже незадолго до окончания пути, наступила ночь, когда Эстер очнулась от полусна, сидя в кресле у кровати Тома, и услышала знакомый тихий голос, который произнес всего одно слово:

– Эт?

Она встрепенулась, наклонилась к нему, потрогала его лоб, улыбнулась прямо в его бледное, испуганное лицо.

– Том, тебе лучше!

– Я думал, что умру, – сказал он.

– Ты и правда чуть не умер.

– А охотники?

– Их больше нет. Архангельск провалился в полынью и отстал от нас. Мы движемся на юг, вглубь старой Америки. Строго говоря, это может быть и старая Канада – никто точно не знает, где проходила граница.

Том нахмурился:

– Значит, профессор Пеннироял не обманывал? Мертвый континент действительно снова стал зеленым?

Эстер почесала в затылке:

– Не совсем так. Тут подвернулась одна старинная карта… Все это довольно запутанно. Сначала я не могла понять, почему нужно верить этому Снори Ульвессону больше, чем Пеннироялу, но здесь на самом деле встречаются зеленые участки. Иногда, когда туман расходится, видно маленькие корявые деревца и еще какие-то растения, которые карабкаются по склонам гор. Наверное, от них и пошли все эти пилотские байки. Но это совсем не то, что сулил нам Пеннироял. Тут нет охотничьих земель, только пара-тройка островов. Анкориджу придется стать неподвижным поселением.

Том посмотрел на нее со страхом, и Эстер стиснула его руку, проклиная себя за неосторожные слова. Она и забыла, как сильно горожане боятся жизни на голой земле.

– Я ведь родилась на острове – помнишь, я тебе рассказывала? Там было очень симпатично. Нам будет здесь хорошо.

Том кивнул и улыбнулся, не сводя с нее глаз. Она хорошо выглядела – немножко бледная и, конечно, отнюдь не красавица, но все-таки очень эффектная в новой черной одежде, которую, как она рассказала, взяла в одном из магазинчиков Заполярной аркады на смену своей тюремной робе. Она вымыла голову, перевязала волосы каким-то серебряным шнурком и впервые за все то время, что он ее знал, не пыталась спрятать от него лицо. Том протянул руку и погладил ее по щеке.

– А ты-то как себя чувствуешь? Ты немножко бледная.

Эстер засмеялась:

– Ты – единственный человек в мире, который замечает, как я выгляжу. Ну, в смысле, помимо очевидного. Меня просто немножко тошнит от качки.

(Лучше пока не рассказывать ему, какое открытие сделала Виндолен Пай, когда Эстер обратилась к ней с жалобой на морскую болезнь. А то как бы он снова не заболел от потрясения!)

Том коснулся ее губ.

– Я знаю, ты чувствуешь себя ужасно из-за того, что тебе пришлось убить такую кучу народу. Я до сих пор мучаюсь оттого, что убил Шрайка, Пьюси и Генча. Но ты не виновата. Тебе пришлось это сделать.

– Да, – шепнула она и улыбнулась.

Какие они все-таки непохожие! Думая о гибели Масгарда и его охотников, она совсем не чувствовала никакой вины, только своеобразное удовлетворение и удивленную радость от того, что ей это удалось. Она прилегла рядом с Томом, обхватила его и прижалась к нему, вспоминая все, что случилось с тех пор, как они впервые оказались в Анкоридже.

– Я дочь Валентайна, – тихонько произнесла Эстер, когда уже была уверена, что Том заснул.

Фрейя проснулась и увидела, что между занавесями пробивается сероватый рассвет. На улице у дворца раздавались какие-то крики.

– Земля! Э-ге-гей! Земля!

Разве это новость? Анкоридж уже много дней шел совсем близко от земли, пробираясь по узкому, извилистому заливу к местности, которую Снори Ульвессон назвал Винляндией. Но крики не утихали. Фрейя выбралась из постели, накинула халатик, раздвинула занавеси и, поеживаясь от холода, вышла на балкон. Занимался рассвет, ясный и прозрачный, как лед. По обе стороны от города, отражаясь в неподвижной воде, громоздились черные горы с полосками снега на боках. Среди утесов и каменных осыпей угнездились маленькие сосенки, похожие на короткую щетину на бритой голове. А впереди…

Фрейя схватилась за перила обеими руками. Холодный металл обжег ей руки, и она обрадовалась боли – значит, это не сон! Впереди выступали из тумана очертания острова. Она увидела сосны на склонах холмов и березы, на которых еще блестели последние остатки осенних листьев, точно светлые золотые монеты. Она увидела вереск на холмах и ржавые заросли увядшего папоротника. Увидела снежное кружево на темных ветвях рябины, терновника и дуба. А дальше, за сверкающей полоской воды, виднелся еще остров, и еще, и еще… Фрейя громко засмеялась. Город у нее под ногами вздрогнул в последний раз и замедлил ход. Наконец-то они нашли безопасную якорную стоянку![7]

Благодарности

Хочу поблагодарить всех сотрудников издательства *Scholastic*, и в особенности Кирстен Скидмор и Холли Скит, за помощь и советы при работе над этой книгой.

Филип Рив

Дартмур, 2003

---

notes

Примечания

1

Не только разновидность турбулентности, наблюдающаяся в отсутствие облачности, но также название альбома *Ian Gillan Band* («Clean Air Turbulence», 1977).

2

Динка – народ, населяющий Южный Судан (исторический регион Бахр-эль Газаль в бассейне Нила, Кордофан и Верхний Нил). Численность в конце XX века составляла 3 млн человек.

3

«America the Beautiful» *(англ.)* – одна из самых популярных в Америке патриотических песен. К музыке церковного гимна, в 1880-х годах сочиненной композитором-любителем Сэмюэлем Уордом (1847–1903), в начале XX века добавили светские стихи Кэтрин Ли Бейтс (1859–1929).

4

Винляндия – название территории Северной Америки, данное исландским викингом Лейфом Эрикссоном примерно в 986 году. В настоящее время эта территория относится к канадской провинции Ньюфаундленд и Лабрадор.

5

Аллан Квотермейн – литературный персонаж, охотник и путешественник, главный герой цикла приключенческих романов Райдера Хаггарда.

6

Скрелингами викинги называли туземное население Гренландии и Северной Америки.

7

Anchorage *(англ.)* – якорная стоянка.